

МЕЖДУНАРОДНОЕ ГУМАНИТАРНОЕ ПРАВО В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ

**Материалы студенческой
научно-практической конференции
с международным участием
(Минск, 22 мая 2025 г.)**

УЧРЕЖДЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ ФЕДЕРАЦИИ ПРОФСОЮЗОВ БЕЛАРУСИ
«МЕЖДУНАРОДНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ «МИТСО»

МЕЖДУНАРОДНОЕ ГУМАНИТАРНОЕ ПРАВО В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ

**Материалы
студенческой научно-практической конференции
с международным участием**

(Минск, 22 мая 2025 г.)

Минск
Международный университет «МИТСО»
2026

Редакционная коллегия:

кандидат технических наук, доцент ректор
Международного университета «МИТСО» *В. М. Поздняков*;
кандидат юридических наук профессор кафедры международного права
Международного университета «МИТСО» *О. М. Старовойтов*;
старший преподаватель кафедры международного права
Международного университета «МИТСО» *М. Ю. Макарова*;
старший преподаватель кафедры международного права
Международного университета «МИТСО» *С. А. Ворошкевич*;
преподаватель кафедры международного права
Международного университета «МИТСО» *А. А. Сасова*

под общей редакцией ректора Международного университета «МИТСО» *В. М. Позднякова*

Рецензенты:

доктор юридических наук, профессор профессор кафедры государственного управления
Белорусского государственного университета *О. Н. Толочко*;
кандидат юридических наук, доцент профессор кафедры международного права
Международного университета «МИТСО» *В. Н. Вежновец*

М43 Международное гуманитарное право в условиях современных вооруженных конфликтов: материалы студ. науч.-практ. конф. с междунар. участием, Минск, 22 мая 2025 г. / Междунар. ун-т «МИТСО»; редкол.: В. М. Поздняков [и др.]; под общ. ред. В. М. Позднякова. – Минск : Междунар. ун-т «МИТСО», 2026. – 189 с.

ISBN 978-985-497-449-1.

В настоящий сборник вошли работы студентов, выполненные в рамках комплекса мероприятий по международно-правовой тематике, проведенных кафедрой международного права Международного университета «МИТСО» в 2025 году при поддержке Национального центра законодательства и правовой информации Республики Беларусь. Это работы победителей конкурсов на лучшее эссе среди студентов вузов, а также доклады студентов-участников научно-практической конференции с международным участием «Международное гуманитарное право в условиях современных вооруженных конфликтов». Предназначен для студентов и магистрантов, а также всех интересующихся международно-правовой тематикой.

Материалы публикуются в авторской редакции. Ответственность за достоверность информации, приведенных фактов и сведений несут авторы.

Научное электронное издание

МЕЖДУНАРОДНОЕ ГУМАНИТАРНОЕ ПРАВО В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ

Материалы студенческой научно-практической конференции с международным участием

Ответственный за выпуск *М. Ю. Макарова*
Подготовка оригинал-макета *Н. И. Рудович, А. И. Стебуля*

Минимальные системные требования:
браузеры Google Chrome, Mozilla Firefox (32- и 64-разрядная версия) и др.;
скорость подключения к информ.-коммуникат. сетям 1 Мбит/с;
доп. настройки к браузеру не требуются.

Учреждение образования Федерации профсоюзов Беларуси
«Международный университет «МИТСО».
Ул. Казинца, 21-3, 220099, Минск.
Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий от 02.09.2014 № 1/423.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Антко А. А.</i> , научный руководитель <i>Сливко О. Я.</i> АДМИНИСТРАТИВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НЕЗАКОННОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЗАЩИТНОЙ ЭМБЛЕМЫ КРАСНОГО КРЕСТА	6
<i>Бахтиярова К. Б.</i> , научный руководитель <i>Кодак Н. А.</i> ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ И МЕЖДУНАРОДНОЕ ГУМАНИТАРНОЕ ПРАВО: АНАЛИЗ ПРИМЕНЕНИЯ НОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ (БПЛА, ИИ) В КОНФЛИКТЕ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА СОБЛЮДЕНИЕ НОРМ МЕЖДУНАРОДНОГО ГУМАНИТАРНОГО ПРАВА	12
<i>Вафин Д. И.</i> , научный руководитель <i>Елбаева Н. А.</i> ПРАВА ЧЕЛОВЕКА И КОНЦЕПЦИЯ ГУМАНИТАРНОЙ ИНТЕРВЕНЦИИ	18
<i>Гаркавый К. Д.</i> , научный руководитель <i>Бородич А. И.</i> КИБЕРОРУЖИЕ И МЕЖДУНАРОДНОЕ ГУМАНИТАРНОЕ ПРАВО: КЛАССИФИКАЦИЯ, АТРИБУЦИЯ И ВЛИЯНИЕ НА ГРАЖДАНСКУЮ ИНФРАСТРУКТУРУ	25
<i>Горбачев Е. В.</i> , научный руководитель <i>Дементей О. А.</i> РАЗВИТИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ГУМАНИТАРНОГО ПРАВА В УСЛОВИЯХ ИЗМЕНЯЮЩЕЙСЯ ПРИРОДЫ СОВРЕМЕННЫХ ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ.....	32
<i>Гриб А. А.</i> , научный руководитель <i>Мазаник Е. Н.</i> ДЕТИ – УЧАСТНИКИ ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ.....	38
<i>Гриб И. А.</i> , научный руководитель <i>Дегонский С. Ю.</i> МЕЖДУНАРОДНОЕ ГУМАНИТАРНОЕ ПРАВО КАК ОСНОВА ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ СТОРОН В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ.....	44
<i>Дацкевич Д. Р.</i> , научный руководитель <i>Скютте Д. Н.</i> ПРАВОВОЙ СТАТУС ШПИОНОВ (ЛАЗУТЧИКОВ) И ВОЕННЫХ РАЗВЕДЧИКОВ КАК УЧАСТНИКОВ ВООРУЖЕННОГО КОНФЛИКТА	50
<i>Коледа М. С.</i> , научный руководитель <i>Макарова М. Ю.</i> МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВАЯ ЗАЩИТА ЖУРНАЛИСТОВ В ЗОНАХ ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ.....	60
<i>Кухарчик А. А.</i> , научный руководитель <i>Середа Р. А.</i> РАЗВИТИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ГУМАНИТАРНОГО ПРАВА В КОНТЕКСТЕ ЗАЩИТЫ КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ ВО ВРЕМЯ ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ.....	66

<i>Куценко А. О., научный руководитель Рипинская А. А.</i> ГИБРИДНЫЕ ВОЙНЫ И МЕЖДУНАРОДНОЕ ГУМАНИТАРНОЕ ПРАВО: СОВРЕМЕННЫЕ РЕАЛИИ.....	76
<i>Лебедевич Т. С., Харламенко У. В., научный руководитель Бородич А. И.</i> ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ОСУЖДЕННЫХ В УСЛОВИЯХ ВООРУЖЕННОГО КОНФЛИКТА И ОККУПАЦИИ: МЕЖДУНАРОДНЫЕ СТАНДАРТЫ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ.....	83
<i>Лисовская Д. С., научный руководитель Чайкина А. В.</i> ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНИМОСТИ НОРМ МЕЖДУНАРОДНОГО ГУМАНИТАРНОГО ПРАВА К ГИБРИДНЫМ ВОЙНАМ.....	89
<i>Михальченко Д. А., научный руководитель Сливко О. Я.</i> ЗАЩИТА ГРАЖДАНСКИХ ЛИЦ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ: ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ И РЕШЕНИЯ.....	93
<i>Мурашко Е. С., научный руководитель Дементей О. А.</i> ПРИМЕНЕНИЕ НАУЧНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТАХ КАК ПРОБЛЕМА МЕЖДУНАРОДНОГО ГУМАНИТАРНОГО ПРАВА.....	100
<i>Петрухина В. В., научный руководитель Бородич А. И.</i> ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ ПО ЗАЩИТЕ МИРНОГО НАСЕЛЕНИЯ В ХОДЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ВООРУЖЕННОГО КОНФЛИКТА.....	105
<i>Прокопович И. А., научный руководитель Дементей О. А.</i> ПРЕДОТВРАЩЕНИЕ НЕГАТИВНОГО ВЛИЯНИЯ ОДНОСТОРОННИХ САНКЦИЙ НА ПРАВА ЧЕЛОВЕКА В СФЕРЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ГУМАНИТАРНОГО ПРАВА.....	111
<i>Савченко А. Ю., Мисюля М. И., научный руководитель Бородич А. И.</i> СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ МЕЖДУНАРОДНОМУ ГУМАНИТАРНОМУ ПРАВУ В УСЛОВИЯХ ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ.....	118
<i>Садовников А. Д., научный руководитель Сливко О. Я.</i> МЕЖДУНАРОДНОЕ ГУМАНИТАРНОЕ ПРАВО В ОГНЕ ВОЙНЫ: ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОБЛЮДЕНИЯ.....	124
<i>Судникович К. С., научный руководитель Середа Р. А.</i> ВЛИЯНИЕ ДЕЗИНФОРМАЦИИ И ПРОПАГАНДЫ НА СОБЛЮДЕНИЕ НОРМ МЕЖДУНАРОДНОГО ГУМАНИТАРНОГО ПРАВА В СОВРЕМЕННЫХ КОНФЛИКТАХ.....	132
<i>Шустерман К. А., Хмарский В. О., научный руководитель Бородич А. И.</i> О ЗАЩИТЕ ЖЕРТВ ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ.....	137

<i>Юшкевич Е. А., научный руководитель Серета Р. А.</i> РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПОВ МЕЖДУНАРОДНОГО ГУМАНИТАРНОГО ПРАВА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ	144
<i>Яцыно Д. Г., научный руководитель Рипинская А. А.</i> ВОЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В КОСМИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ: СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ПРОБЛЕМЫ.....	153
ПОБЕДИТЕЛИ КОНКУРСА НА ЛУЧШЕЕ ЭССЕ ДЛЯ СТУДЕНТОВ С МЕЖДУНАРОДНЫМ УЧАСТИЕМ ПО МЕЖДУНАРОДНОМУ ГУМАНИТАРНОМУ ПРАВУ	160
ДИПЛОМ I СТЕПЕНИ <i>Шилов А. А., научный руководитель Пасенов А. Н.</i> ПРОБЛЕМА ПРИМЕНЕНИЯ НОРМ МЕЖДУНАРОДНОГО ГУМАНИТАРНОГО ПРАВА В КОСМИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ	160
ДИПЛОМ II СТЕПЕНИ <i>Зырянова А. Д., научный руководитель Чайкина А. В.</i> ПОСЛЕДСТВИЯ ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ ДЛЯ БЕЖЕНЦЕВ, ВЫНУЖДЕННЫХ ПОКИНУТЬ СВОЙ ДОМ	166
ДИПЛОМ II СТЕПЕНИ <i>Кувшинникова И. А., научный руководитель Шадский О. Г.</i> ПРОБЛЕМЫ ОБРАЩЕНИЯ С ВОЕННОПЛЕННЫМИ В УСЛОВИЯХ ВООРУЖЕННОГО КОНФЛИКТА	171
ДИПЛОМ III СТЕПЕНИ <i>Алексеевец Я. В., научный руководитель Скютте Д. Н.</i> КУЛЬТУРНЫЕ ЦЕННОСТИ ПОД ЗАЩИТОЙ МЕЖДУНАРОДНОГО ГУМАНИТАРНОГО ПРАВА	175
ДИПЛОМ III СТЕПЕНИ <i>Басыбеков К. К., научный руководитель Дадаева И. Г.</i> ВОПРОСЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ГУМАНИТАРНОГО ПРАВА В РАМКАХ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ВО ВРЕМЯ ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ.....	179
ДИПЛОМ III СТЕПЕНИ <i>Цакунов М. А., научный руководитель Коваль И. И.</i> В ЛАБИРИНТАХ ВОЙНЫ И ПРАВА.....	186

АДМИНИСТРАТИВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НЕЗАКОННОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЗАЩИТНОЙ ЭМБЛЕМЫ КРАСНОГО КРЕСТА

ADMINISTRATIVE RESPONSIBILITY FOR THE ILLEGAL USE OF THE RED CROSS PROTECTIVE EMBLEM

Антко А. А.

Республика Беларусь,
г. Брест,
УО «Брестский государственный университет
имени А. С. Пушкина»,
студент юридического факультета

Научный руководитель

Сливко О. Я.

Республика Беларусь,
г. Брест,
УО «Брестский государственный университет
имени А. С. Пушкина»,
старший преподаватель кафедры
теории и истории государства и права

Аннотация: В статье рассматриваются аспекты правового регулирования использования защитной эмблемы Красного Креста в Республике Беларусь, а также исследуется ответственность за незаконное использование защитной эмблемы Красного Креста в Республике Беларусь.

Ключевые слова: международное гуманитарное право, Красный Крест, защитная эмблема, международная организация, функция обозначения, Белорусское Общество Красного Креста, правовое регулирование, административная ответственность.

Annotation: The article examines aspects of the legal regulation of the use of the Red Cross protective emblem in the Republic of Belarus, as well as the responsibility for the illegal use of the Red Cross protective emblem in the Republic of Belarus.

Keywords: international humanitarian law, Red Cross, protective emblem, international organization, designation function, Belarusian Red Cross Society, legal regulation, administrative responsibility.

Современное общество характеризуется динамичным развитием, в том числе развитием различных правовых положений в области совершенствования международного гуманитарного права. Основными источниками международного гуманитарного права являются четыре Женевских конвенций о защите жертв войны, принятые и ратифицированные в 1949 году в г. Женеве странами-участниками. Международный Комитет

Красного Креста осуществляет исполнение положений, лежащих в основе Женевских конвенций, которые установили направление деятельности всех структурных подразделений Красного Креста. Среди таких положений является право на использование защитных эмблем Красного Креста, Красного Полумесяца и Красного Кристалла для выполнения возложенных на данную организацию обязанностей по обеспечению гуманитарной помощи жертвам вооруженных конфликтов.

В Женевских конвенциях 1949 г. и Дополнительных протоколах к ним устанавливается право на использование защитных эмблем для осуществления своей деятельности организациям Красного Креста и Красного Полумесяца. Защитных эмблем в настоящее время существует три: Красный Крест, Красный Полумесяц и Красный Кристалл [1]. Данные эмблемы выполняют две важнейшие функции: защитная и обозначения. С защитной функцией связана основная цель применения эмблем организаций Красного Креста – защитить определенных лиц и конкретные объекты, которые пользуются правом защиты по Женевским конвенциям 1949 г. Среди таких объектов медицинский персонал, медицинские формирования либо же санитарно-транспортные средства, предназначенные для перевозки лиц, пользующихся защитой Красного Креста. Функция обозначения напрямую взаимосвязана с функцией защиты, поскольку для того, чтобы защитить определенные объекты либо же определенных лиц во время вооруженного конфликта, их необходимо каким-нибудь образом обозначить (повязки, знаки и так далее).

Следует отметить, что Международный Комитет Красного Креста является международной организацией и для того, чтобы обеспечивать выполнение положений международного гуманитарного права «на местах», то есть в отдельных регионах, странах, создаются национальные организации общества Красного Креста. В состав международного движения Красного Креста входят более 186 национальных сообществ Красного Креста и Красного Полумесяца, не исключением является также Белорусское Общество Красного Креста [2, с. 205], которое в последнее время активно предоставляет гуманитарную помощь многим людям без национальных и религиозных различий, что подтверждает универсальность и беспристрастность организаций международного движения Красного Креста, Красного Полумесяца и Красного Кристалла.

Деятельность организаций международного движения Красного Креста и Красного Полумесяца основывается на двух важнейших направлениях. Первое направление является основополагающим в существовании данной международной организации: оказание помощи любым жертвам вооруженного конфликта и иных ситуаций насилия. Второе направление неразрывно связано с первым и представляет собой развитие международного гуманитарного права и гуманитарных принципов, а также распростра-

нение знаний и информации о них. Как отмечает И. С. Заходова, «деятельность по первому направлению ведется в рамках, обозначенных вторым, а деятельность по второму направлению основывается на опыте, который извлекается из первого направления и облегчает работу Международного Комитета Красного Креста по оказанию помощи» [3, с. 128]. Не исключением является организация Красного Креста в нашем государстве, которая также прорабатывает не только оказание гуманитарной помощи для уязвимых слоев населения во время вооруженных конфликтов различных стран, но также ведет активную работу по распространению знаний о международном гуманитарном праве среди населения Республики Беларусь.

В Республике Беларусь активно и успешно для выполнения задач по оказанию гуманитарной помощи действует Белорусское Общество Красного Креста, которое, согласно национальному законодательству, является единственной признанной национальной организацией Красного Креста на территории нашего государства. Правовое регулирование Белорусского Общества Красного Креста в отношении организации деятельности по оказанию гуманитарной помощи и правовому просвещению среди населения составляет Закон Республики Беларусь от 24 октября 2000 г. № 437-З «О Белорусском Обществе Красного Креста» с изменениями и дополнениями. В данном нормативном правовом акте излагаются принципы, задачи, цели и направления деятельности Белорусского Общества Красного Креста, а также указывается правовая основа деятельности данной организации на территории нашего государства.

Для осуществления своих функций на территории Республики Беларусь Белорусское Общество Красного Креста обладает определенной эмблемой, которая представляет собой изображение красного креста в центре белого круга в обрамлении двух красных полос с написанными на белом фоне между ними словами «Беларускае Таварыства Чырвонага Крыжа» и «Belarus Red Cross Society». Эмблема Белорусского Общества Красного Креста используется в качестве определенного отличительного знака членами данного Общества, работниками его организационных структур, а также с разрешения руководства Общества лицами, участвующими в деятельности движения Красного Креста. Таким образом, эмблема национальной организации движения Красного Креста выполняет защитную функцию и используется в качестве отличительного знака.

Национальное законодательство Республики Беларусь устанавливает общие требования к использованию эмблемы в качестве защитного знака. Эмблема в качестве защитного знака используется для обозначения в период вооруженного конфликта медицинского и духовного персонала, медицинских формирований, санитарно-транспортных средств и медицинского имущества, пользующихся специальной защитой в соответствии с Женевскими Конвенциями 1949 г. и Дополнительными Протоколами I, II в связи

с оказанием помощи раненым и больным, лицам, потерпевшим кораблекрушение [4]. Данное положение устанавливается для эмблемы в качестве защитного знака, а в качестве отличительного знака эмблема Красного Креста используется для обозначения принадлежности лиц, транспортных средств, имущества, сооружений и других объектов к Международному движению Красного Креста и Красного Полумесяца и, как правило, имеет меньший размер, чем эмблема при защитном характере [4].

В Законе Республики Беларусь от 12 мая 2000 г. № 382-З «Об использовании и защите эмблем Красного Креста, Красного Полумесяца, Красного Кристалла, отличительных сигналов, а также наименований «Красный Крест», «Красный Полумесяц», «Красный Кристалл» устанавливается, что контроль за использованием эмблемы в качестве отличительного и защитного знака обеспечивается Белорусским Обществом Красного Креста и соответствующими государственными органами Республики Беларусь в пределах их компетенции, а также указывается, что лица, виновные в неисполнении или ненадлежащем исполнении положений данного закона несут ответственность по действующему законодательству Республики Беларусь [4].

Действующее национальное законодательство Республики Беларусь устанавливает ответственность за незаконное использование защитной эмблемы Красного Креста. Данный состав образует административное правонарушение и влечет наложение штрафа в размере от восьми до двадцати базовых величин в соответствии со ст. 24.26 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – КоАП).

Следует более подробно разобраться с составляющими структурными элементами административного правонарушения: объект, объективная сторона, субъект и субъективная сторона. Согласно законодательству Республики Беларусь, а именно КоАП, объектом в данном составе административного правонарушения выступают общественные отношения, регулирующие порядок управления в Республике Беларусь. Непосредственным объектом являются общественные отношения, связанные с легальным использованием защитной эмблемы Красного Креста для осуществления гуманитарной помощи в Республике Беларусь и за ее пределами.

В свою очередь, с объективной стороны административное правонарушение проявляется в использовании защитной эмблемы Красного Креста вопреки международным соглашениям и национальным нормативным правовым актам, то есть, объективная сторона выражается в нанесении на любой недвижимый или движимый объект эмблемы Красного Креста, ношение нарукавной повязки с защитной эмблемой Красного Креста и иные действия, связанные с нелегальным использованием защитной эмблемы Красного Креста.

Необходимо отметить, что субъективная сторона правонарушения характеризуется только прямым умыслом. То есть административное правонарушение признается совершенным умышленно, если физическое лицо, его совершившее, сознавало противоправность своего деяния, предвидело его вредные последствия и желало или сознательно допускало наступление этих последствий либо относилось к ним безразлично. Цель использования указанных защитных знаков Красного Креста не влияет на квалификацию данного административного правонарушения.

Субъектом административного правонарушения, предусмотренного ст. 24.26 КоАП, является лицо, достигшее 16-летнего возраста к моменту совершения правонарушения. Можно сделать вывод, что ответственность за данное правонарушение наступает по общему правилу, то есть, административной ответственности подлежит физическое лицо, достигшее ко времени совершения правонарушения возраста шестнадцати лет. Ко всему прочему, для наступления административной ответственности лицо, совершившее данное правонарушение должно быть признано вменяемым, поскольку невменяемость освобождает лицо от административной ответственности.

Таким образом, Женевские Конвенции 1949 г. и Дополнительные Протоколы к ним составляют международно-правовую основу деятельности организаций Международного движения Красного Креста, закрепляют принципы и условия использования защитных и отличительных знаков во время вооруженных конфликтов и в мирное время. Данные положения в Республике Беларусь имплементированы в национальное законодательство и представляют собой наличие самостоятельных нормативных правовых актов, которые на национальном уровне закрепляют право Белорусского Общества Красного Креста на использование защитной эмблемы Красного Креста во время вооруженных конфликтов для защиты уязвимых лиц, а также в мирное время для осуществления своей гуманитарной миссии. За ненадлежащее исполнение положений национального законодательства в области использования защитных эмблем Красного Креста предусмотрена административная ответственность, которая закреплена в Кодексе Республики Беларусь об административных правонарушениях.

Список цитированных источников

1. Женевская конвенция от 12 августа 1949 г. о защите гражданского населения во время войны: заключена в г. Женеве 12 авг. 1949 г. // Организация Объединенных Наций. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/geneva_civilian_32.shtml (дата обращения: 23.04.2025).

2. Фастович, Г. Г. Международное движение Красного Креста / Г. Г. Фастович, Е. Н. Чистякова, А. Л. Иванова // Молодой ученый. – 2018. – № 2. – С. 204–205.

3. Заходова, И. С. Международный Комитет Красного Креста в ситуации конфликтов и вызовов для гуманитарной деятельности / И. С. Заходова // Россия:

от стагнации к развитию (региональные, федеральные, международные проблемы): материалы XI Междунар. заоч. науч.-практ. конф., Ставрополь, 21 апр. 2017 г. / Северо-Кавказск. федер. ун-т. – Ставрополь, 2017. – С. 128–129.

4. Об использовании и защите эмблем Красного Креста, Красного Полумесяца, Красного Кристалла, отличительных сигналов, а также наименований «Красный Крест», «Красный Полумесяц», «Красный Кристалл»: Закон Респ. Беларусь от 12 мая 2000 г. № 382-З: в ред. от 03.07.2011 // ЭТАЛОН: информ.-поисковая система (дата обращения: 01.10.2025).

Antko A. A., Brest, Brest State A. S. Pushkin University, student of the Faculty of Law; Academic advisor: Slivko O. Ya., Brest, Brest State A. S. Pushkin University, Senior Lecturer at the Department of Theory and History of State and Law.

**ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ И МЕЖДУНАРОДНОЕ
ГУМАНИТАРНОЕ ПРАВО: АНАЛИЗ ПРИМЕНЕНИЯ
НОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ (БПЛА, ИИ) В КОНФЛИКТЕ
И ИХ ВЛИЯНИЕ НА СОБЛЮДЕНИЕ НОРМ
МЕЖДУНАРОДНОГО ГУМАНИТАРНОГО ПРАВА**

ARTIFICIAL INTELLIGENCE AND HUMANITARIAN LAW:
ANALYSIS OF THE USE OF NEW TECHNOLOGIES (UAVS, AI)
IN CONFLICT AND THEIR IMPACT ON HUMANITARIAN LAW

Бахтиярова К. Б.

Республика Беларусь,
г. Минск,
УО Федерации профсоюзов Беларуси
«Международный университет «МИТСО»,
студент юридического факультета

Научный руководитель

Кодак Н. А.

Республика Беларусь,
г. Минск,
УО Федерации профсоюзов Беларуси
«Международный университет «МИТСО»,
старший преподаватель кафедры
международного права, магистр

Аннотация: В статье дан подробный анализ новых вызовов в международном гуманитарном праве, в частности искусственный интеллект и новые технологии (БПЛА, ИИ), которые влияют на принципы соблюдения норм и ответственность в вооруженных конфликтах. Определена необходимость строгого контроля и совершенствования международного регулирования.

Ключевые слова: искусственный интеллект, вооруженный конфликт, принцип пропорциональности, этические аспекты, роботизация вооружений, международное гуманитарное право.

Annotation: The article provides a detailed analysis of new challenges in international humanitarian law, particularly artificial intelligence and new technologies (UAVs, AI), which affect the principles of compliance with norms and responsibility in armed conflicts. The article identifies the need for strict control and improvement of international regulation.

Keywords: artificial intelligence, armed conflict, the principle of proportionality, ethical aspects, weapon robotization, international humanitarian law.

На сегодняшний день, общепризнанным считается, что применение беспилотного летательного аппарата (далее – БПЛА), искусственного

интеллекта (далее – ИИ) в современных конфликтах предоставляет преимущества, такие как уменьшение риска для личного состава и увеличение точности выполнения операций [1]. Однако использование технологических новшеств также порождает важные юридические и этические вопросы, связанные с соблюдением гуманитарных норм [2]. Первым аспектом, вызывающим обеспокоенность, является проблема целеустремленности. Споры о том, насколько точно БПЛА могут определять легитимные военные цели, поднимают серьезные вопросы о правомерности их использования [3]. Вторым важным аспектом является вопрос ответственности. Зависимость от ИИ может привести к снижению роли человеческого суждения, что со временем может привести к перекладыванию ответственности за принятие критических решений на ИИ, следовательно, усложнит идентификацию виновных на случай нарушения гуманитарного права, а введение в полностью автономный режим вызывают опасения несчастных случаев и неэтичных действий [4].

Современные системы вооружения сталкиваются с фундаментальной дилеммой: чем выше технологичность средств поражения, тем сложнее требования к идентификации целей [5]. События, произошедшие 29 августа 2021 г. в Кабуле, стали ярким примером того, как высокие технологические достижения в области военной техники могут привести к трагическим последствиям. Удар, нанесенный американским БПЛА MQ-9 Reaper, продемонстрировал не только уязвимость современных военных операций, но и поставил под сомнение моральные и этические аспекты использования авиационных средств в конфликтных ситуациях. На фоне вывода американских войск из Афганистана и нарастающей напряженности в столице страны, военные силы США полагались на БПЛА как на инструмент для предотвращения террористических угроз. Однако, как показал этот случай, высокотехнологичные системы могут оказаться не столь надежными, как ожидалось. БПЛА, предназначенный для ведения точечных атак, ошибочно распознал автомобиль как потенциальную угрозу и провел атаку, в результате которой погибли 10 гражданских лиц, включая семь детей [1]. Согласно отчетам ООН за 2022–2023 гг., применение автономных военных систем (АВС) в конфликтах на Ближнем Востоке сопровождается значительным числом непреднамеренных жертв среди гражданского населения. Анализ данных показывает, что около 38 % операций с использованием таких систем приводили к ошибочным поражениям некомбатантов. В абсолютных цифрах это выражается в не менее чем 420 подтвержденных случаях гибели мирных жителей, связанных с функционированием автономных платформ, включая ударные БПЛА, роботизированные боевые единицы и системы автономного наведения.

В отчете Подкомитета ООН по вопросам ИИ в военной сфере подчеркивается, что ключевыми причинами ошибок являются: «Ограниченность

алгоритмов в идентификации целей в условиях плотной городской застройки», «отсутствие четких протоколов экстренного прекращения атаки при обнаружении гражданских лиц», «технические сбои, включая уязвимости к кибератакам и помехам».

Конкретные примеры включают авиаудар БПЛА в провинции Идлиб (июнь 2023 г.), где система автономного наведения ошибочно идентифицировала группу беженцев как вооруженный отряд, что привело к 27 погибшим. Аналогичный случай в Мосуле (январь 2023 г.) завершился гибелью 13 гражданских из-за сбоя в работе лидара [2].

Многие страны проводят военные симуляции, обучая ИИ анализировать и действовать как человек, к примеру, исследование проведенное Институтом геополитики искусственного интеллекта (GPAI) на тестирование популярных ИИ, таких как *GPT-4-Base*, *GPT-4* [6]. Ученые создали виртуальные конфликтные ситуации и предоставили ИИ роль лидера государства, *GPT-4 с «человеческим обучением» независимо от сценария выбирала: гонку вооружений; усиление конфликтов; вложение в вооружение, иными словами, вели себя непредсказуемо* [5]. Далее подобное провели с *GPT-4-Base*, но без предварительного человеческого обучения и эта модель оказалась еще более радикальной. Чаще всего выбирая ядерный удар из многих вариантов, аргументируя тем, что, если ядерное оружие имеется, его нужно использовать. Эксперимент показал, что ИИ без этических ограничений может становиться опасным инструментом в гипотетических сценариях автономного управления оружием [5].

Проведя самостоятельную симуляцию на платформе Deepseek было выявлено, что без обучения и подготовки анализировать и принимать решения как человек, программа выдавала решения использовать ядерное оружие с аргументами: «История не прощает слабости», «Если выбор между смертью или рабством, тогда крайние меры оправданы». Однако через мгновение результат блокировался и удалялся в связи с ограничением в политике приложения.

Функционирование ИИ неоднозначно, как минимум различная политика разработчиков влияет на результат, в одних исключено любое проявление насилия любых форм, в других разрешено, так же и с языком обучения ИИ, это зависит от языковых различий и интерпретаций слов в процессе обучения и др. [10].

Более того, ИИ может подвергаться манипуляциям и взломам, что создает новые риски для гуманитарного права. В марте 2021 года группа экспертов ООН по Ливии опубликовала доклад, в котором впервые было задокументировано боевое применение автономного БПЛА, способного атаковать цели без прямого человеческого контроля. Речь шла о турецком БПЛА Каргу-2, использованном против сил Хафтара в ходе конфликта. Это стало одним из первых известных случаев использования автономных БПЛА в реальных боевых действиях. По имеющимся данным, этот БПЛА атаковал мо-

бильные группы противника, но также поднимались вопросы о соблюдении норм гуманитарного права. Как и любые другие высокотехнологичные системы, Каргу-2 незащищен от кибератак. Если такой БПЛА будет взломан, это может позволить злоумышленникам контролировать его действия и даже перенастроить его на выполнение атак на законные цели, такие как госпитали или гражданские объекты [9]. Следовательно, адаптация гуманитарного права к быстро меняющимся технологиям – это необходимость, которая требует внимания и сотрудничества со стороны международного сообщества [7].

В то же время нельзя забывать о том, что использование ИИ в вооруженных конфликтах, таких как системы автономного оружия, может значительно повысить эффективность операций, улучшая точность наведения и сокращая время реакции на угрозы [1]. С другой стороны, одним из ключевых вопросов является ответственность за решения, принимаемые автономными системами [3]. Отсутствие четких юридических рамок и стандартов для определения ответственности за действия автономного оружия может подорвать основу гуманитарного права, касающуюся защиты гражданских лиц во время конфликтов [3]. К тому же его интеграция в военные действия также ставит под сомнение принципы пропорциональности, которые лежат в основе гуманитарного права. Возможность быстрого анализа больших объемов данных не исключает несоразмерное использование силы, когда алгоритмы без учета контекста решают, что применение силы уместно. Такой подход может игнорировать множественные аспекты сценария, включая возможные гражданские потери и разрушение инфраструктуры.

Эксперты отмечают, что запретить использование новых технологий невозможно, так как боевые действия направлены на ослабление армии противника, а не на причинение страданий [8]. Именно поэтому международное гуманитарное право запрещает использование химического и биологического оружия, а также пуль, которые изменяют свою форму при попадании в цель, нанося тем самым дополнительные страдания. Важным запретом являются и кассетные снаряды, которые содержат несколько мелких боевых элементов [8]. При их падении не все заряды взрываются сразу, что создает долгосрочную угрозу для мирного населения [2]. В отношении БПЛА следует отметить, что, если они уничтожают цели, соблюдая эти принципы, не наносят ненужного ущерба, нет оснований для их запрета [2]. Но это не исключает необходимости разработать четкие правовые рамки для использования новых технологий в военных действиях [7]. Например, уточнение действующих норм международного гуманитарного права в контексте применения БПЛА, а также адаптацию законодательства к реалиям использования ИИ в военных целях. Обязательное подтверждение минимум двумя независимыми источниками, использование биометрических фильтров для исключения атак на скопления людей

без униформы. Запустить «голосовой тест» для подтверждения атак, ведь операторы могут действовать под давлением или без должной проверки. Перед запуском атаки система требует голосового подтверждения от оператора, который должен вслух прочитать координаты и описание цели. ИИ будет анализировать тон голоса, дрожь, скорость речи – если оператор нервничает или не уверен, атака отменяется. Реализовать концепцию «Квантового детектора лжи» как инновационный подход к мониторингу и верификации решений боевых алгоритмов на физическом уровне. Система основана на интеграции квантовых сенсоров в вычислительную архитектуру БПЛА, позволяющих в реальном времени анализировать степень уверенности ИИ в корректности идентификации целей.

Принцип работы должен базироваться на трех ключевых технологических компонентах: квантовый сопроцессор, квантовая томографии состояний вычислительных процессов ИИ, гибридная нейросеть, обученная на обширной базе симуляций ошибочных атак.

Техническая реализация системы предполагает использование NV-центров в алмазах в качестве квантовых датчиков и оптических резонаторов для неразрушающего считывания состояний процессора. При обнаружении объектом вероятности ошибки классификации превышающей 15 %, или наличии маркеров гражданских объектов (таких как символы Красного Креста), система автоматически блокирует атаку и переводит БПЛА в режим ожидания подтверждения оператора. Такая система не требует подключения к внешним серверам, следовательно, устойчив к кибератакам.

Также необходимо установить правила, регулирующие их применение, чтобы избежать ненадлежащих ударов по гражданским объектам и уменьшить вероятность случайных жертв. Закрепить принцип «человеческого контроля» над критическими решениями (например, обязательное утверждение атак оператором). Оснастить все БПЛА системами «электронной совести» – алгоритмами, блокирующими атаку при обнаружении гражданских объектов с вероятностью >15 % [9]. Реализовать автоматическое отключение вооружения возле школ, больниц и жилых районов. Создать под эгидой ООН реестр разработчиков боевых ИИ с обязательной регистрацией алгоритмов. Ввести категоризацию автономных систем по уровню опасности (На данный момент страны не могут договориться о количестве уровней) [10]. Именно такие соглашения и нормы могут стать основой для глобального сотрудничества и предотвратить насилие. Реализация этих стандартов потребует активного участия государств, международных организаций и гражданского общества.

Необходимо создать механизмы мониторинга и отчетности, которые позволят отслеживать, как новые технологии применяются в конфликтной среде, и выявлять нарушения гуманитарного права в реальном

времени. В результате интеграции новых технологий в систему международного гуманитарного права можно создать более безопасное и гуманное пространство, уменьшив страдания гражданского населения и сохранив нормы, которые должны оставаться непреложными даже в условиях конфликтов.

Список цитированных источников:

1. Отчет Пентагона о расследовании удара в Кабуле (ноябрь 2021). – URL: <https://media.defense.gov/2021/Nov/03/2002885874/-1/-1/0/DOD-RELEASE-ON-CIVCAS-REVIEW.PDF> (дата обращения: 10.04.2025).
2. Доклад ООН о гражданских жертвах от БПЛА (A/77/356, 2022). – URL: <https://undocs.org/A/77/356> (дата обращения: 07.04.2025).
3. Руководство МККК по LAWS (2023). – URL: <https://www.icrc.org/en/document/autonomous-weapons-legal-and-policy-issues> (дата обращения: 07.04.2025).
4. Исследование RAND «Who's Responsible for AI Errors?» (2022). – URL: https://www.rand.org/pubs/research_reports/RRA1533-1.html (дата обращения: 07.04.2025).
5. Исследование Stanford HAI по агрессивному поведению ИИ (2023). – URL: <https://hai.stanford.edu/research/ai-security> (дата обращения: 07.04.2025).
6. Отчет MIT о рисках милитаризации LLM (2023). – URL: <https://doi.org/10.1145/3571730> (дата обращения: 07.04.2025).
7. Программа действий по поощрению ответственного поведения государств при использовании информационно-коммуникационных технологий в контексте международной безопасности : резолюция Генер. Ассамблеи A/RES/77/37 от 7 дек. 2022 г. // Организация Объединенных Наций. – URL: <https://undocs.org/A/RES/77/37> (дата обращения: 07.04.2025).
8. Конвенция по кассетным боеприпасам : принята в г. Дублине 19–30 мая 2008 г. – URL: <https://www.clusterconvention.org/> (дата обращения: 07.04.2025).
9. Проект DARPA «Ethical Governor» (2022): – URL: <https://www.darpa.mil/program/ethical-governor> (дата обращения: 07.04.2025).
10. Стандарт IEEE 7000-2021 по этичному ИИ. – URL: <https://standards.ieee.org/ieee/7000/6789/> (дата обращения: 07.04.2025).

Bakhtiyarova K. B., Minsk, International University «MITSO», student of the Faculty of Law; Academic advisor: Kodak N. A., Minsk, International University «MITSO», Senior Lecturer of the Department of International Law, Master of Law.

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА И КОНЦЕПЦИЯ ГУМАНИТАРНОЙ ИНТЕРВЕНЦИИ

HUMAN RIGHTS AND THE CONCEPT OF HUMANITARIAN INTERVENTION

Вафин Д. И.

Российская Федерация,
г. Москва,
Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации,
студент факультета
международных экономических отношений

Научный руководитель

Елбаева Н. А.

Российская Федерация,
г. Москва,
Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации,
доцент кафедры
международного и публичного права
юридического факультета,
кандидат юридических наук, доцент

Возникновение прав человека берет начало в Античности в древних полисах (Афинах и Риме), появление гражданства было крупным шагом на пути к прогрессу и свободе. С тех пор они претерпели множество изменений: каждая нация, каждый народ, каждое государство вносила свой вклад в развитие прав человека. Рассматривая развитие прав человека, мы видим, как они влияют на политическую структуру общества. Государство и его власть переходят от полного владения человеком, по сути, владением человеком как вещью, к идеям гуманизма и признанием человека высшим благом.

Гуманитарная интервенция – еще один вызов перед правом и человеком, который ему необходимо осилить на пути к совершенству. Идея гуманитарной интервенции, предполагающая возможность и даже обязанность международного сообщества вмешиваться во внутренние дела государств для защиты прав человека, возникла еще в 1987 году. Изначально предложенная Б. Кушнером [1], основателем «Врачей без границ», эта идея получила развитие в 1999 году. Президент США Б. Клинтон представил в ООН

расширенную версию, подразумевающую возможность военного вмешательства для защиты прав человека.

В 2000 году ООН учредила комиссию для изучения вопросов вмешательства в дела суверенных государств, особенно в контексте гуманитарных кризисов. В 2001 году комиссия представила концепцию «ответственности за защиту» [2], которая рассматривалась как потенциальная правовая основа для гуманитарных интервенций. Эта концепция впоследствии была использована ООН при обосновании операции в Ливии в 2011 году. В 2005 году на Всемирном саммите ООН мировые лидеры приняли концепцию «ответственность по защите» (R2P) [3]. Данная концепция налагает на государства всесторонние обязательства по предотвращению и наказанию за совершение четырех наиболее тяжких международных преступлений, а именно: геноцида, военных преступлений, этнических чисток и преступлений против человечности.

В настоящее время концепция «ответственность за защиту» представляет собой набор принципов, основанных на идее, что «суверенитет – это не привилегия, а ответственность». Концепция базируется на ряде документов, среди которых четко прослеживается несколько тезисов, которые следуют друг за другом:

1. Обеспечение безопасности граждан является основным долгом государства. Это подразумевает защиту от самых серьезных преступлений, таких как геноцид, военные преступления и этнические чистки.

2. В случае, когда государство не может или не стремится оградить своих граждан от подобных преступлений, международная организация должна вмешаться и взять на себя задачу остановить дальнейшее обострение ситуации. Это включает в себя активную поддержку процесса примирения, усиление мер безопасности и, при необходимости, развертывание сил для защиты мирного населения.

3. Если государство не в силах гарантировать безопасность своих людей, а мирные переговоры не приводят к результату, международное сообщество должно всерьез задуматься обо всех доступных вариантах, в том числе о возможном применении военной силы, как о последнем средстве для прекращения насилия и защиты гражданского населения.

В западной юридической мысли все чаще встречается аргумент в пользу гуманитарной интервенции, основанный на приоритете прав человека над всеми остальными нормами международного права. Сторонники этой точки зрения утверждают, что растущая важность защиты прав человека на международной арене оправдывает вмешательство во внутренние дела государств, тем самым ограничивая действие принципа невмешательства, закрепленного в п. 7 ст. 2 Устава ООН [4, с. 8] По сути, они предлагают пересмотреть иерархию принципов международного права, ставя защиту прав человека выше суверенитета государств.

Говоря о гуманитарной интервенции, часто можно услышать о ст. 51 Устава ООН [5], в которой сказано следующее: «Настоящий Устав ни в коей мере не затрагивает неотъемлемого права на индивидуальную или коллективную самооборону, если произойдет вооруженное нападение на Члена Организации...» Но для действий на основании ст. 51 необходимо вооруженное нападение на государство, а значит, такие действия следует рассматривать как вооруженные само защитные меры (меры самопомощи, отличные от индивидуальной самообороны). Факт вооруженного нападения на государство является условием для использования ст. 51. Эти меры отличаются от самообороны в классическом понимании, поскольку они применяются не в ответ на вооруженное нападение, а в ответ на менее серьезные угрозы безопасности государства. Важно подчеркнуть, что эти действия не являются гуманитарной интервенцией, так как их цель – не защита людей от действий иностранного правительства, вне зависимости от их гражданства.

Но и здесь стоит отметить, что меры самообороны должны быть пропорциональны угрозе и направлены на устранение самого акта агрессии, а не на его эскалацию. Применение силы должно быть последним средством, когда все другие методы разрешения конфликта исчерпаны. Самооборона не может быть использована как предлог для осуществления агрессии против другого государства.

Помимо правовых вопросов, гуманитарная интервенция поднимает ряд серьезных этических дилемм, которые также играют немалую роль.

Во-первых, это легитимность вмешательства в дела государства. К сожалению, современное международное сообщество сомневается в независимости принятия решений ООН, поскольку большинство работников организации являются представителями западного мира и далеко не всегда им удается соблюдать баланс между различными точками зрения.

Во-вторых, гуманитарная интервенция может привести к непредвиденным и негативным последствиям, таким как увеличение насилия, дестабилизация региона, жертвы среди гражданского населения. Например, гуманитарная интервенция может нарушить существующий баланс сил в регионе, что приведет к дестабилизации соседних стран. Например, вмешательство в одну страну может вызвать поток беженцев в соседние государства, что создаст дополнительные экономические и социальные проблемы. В результате дестабилизации могут возникнуть новые конфликты, которые будут иметь долгосрочные последствия для всего региона. Здесь стоит упомянуть об интервенции США и их союзников в Ирак в 2003 году. Раскол иракского общества, его «балканизация», создали благоприятные условия для радикальных группировок. Особенно этим воспользовалось отделение «Аль-Каиды» в Ираке, которое в 2013 году отделилось и стало известно как «Исламское государство» (запрещенное в РФ) [7]. Поскольку «Исламское

государство» (далее – ИГ) придерживалось суннитского ислама, к нему присоединились многие иракские сунниты, в основном проживающие в северо-восточных регионах страны. К 2015 году, когда иракская армия начала наступление для освобождения захваченных территорий, ИГ контролировало огромную территорию, превышающую 90 тысяч квадратных километров, простирающуюся через Ирак и Сирию. Лишь к концу 2017 года правительственным войскам Ирака удалось полностью освободить города от боевиков. Поэтому применение силы может не только не остановить насилие, но и усугубить его, поскольку различные фракции могут начать бороться за контроль над территориями, что приведет к большему количеству конфликтов.

В-третьих, конечно, очень часто возникает вопрос: почему в одни конфликты мировое сообщество вмешивается, а в другие нет? Конечно, здесь приходит в голову мысль, что некоторые страны злоупотребляют правом гуманитарной интервенции или используют его совсем в иных целях, которые были изначально. В заявлении представителя британского МИД и по делам Содружества отмечается, что сегодня широкая коалиция юристов выражает сомнения в правомерности гуманитарной интервенции, основываясь на трех ключевых аргументах [8]. В первую очередь, ни Устав ООН, ни современные нормы международного права не признают существования такого права; причем, исторический опыт последних двух веков, особенно после 1945 года, демонстрирует лишь ограниченное число, если не сказать, единичных примеров гуманитарных интервенций, а по мнению многих экспертов, таких примеров вообще не было; наконец, масштаб потенциальных злоупотреблений подобным правом требует осторожного подхода к его признанию.

И последнее, это, конечно, ответственность, которую берет на себя мировое сообщество при гуманитарной интервенции. Ни одна страна не дает гарантии успешности операции и не может их дать, поэтому в случае неудачи ответственность минимальная или вовсе отсутствует. Возвращаясь к гуманитарной интервенции в Ираке, стоит отметить относительно недавнее заявление покойного сэра Джона Чилкота [9]. «Хотя коалиция и добилась смещения жестокого режима [имеется в виду режим Саддама Хусейна], который игнорировал волю ООН и рассматривался как угроза миру и безопасности, она в то же время не сумела добиться целей, которые ставила перед собой в новом Ираке», – сказано в выводах комиссии Чилкота, которая занималась изучением участия британских вооруженных сил в войне в Ираке в 2003–2009 гг. Комиссия Чилкота, изучившая участие Великобритании в иракской войне, пришла к выводу о критической важности тщательного планирования и обсуждения всех аспектов возможных военных интервенций. Фактически, комиссия признала наличие просчетов и ошибок в иракской кампании, однако ответственность за них так и не

была возложена ни на кого. То есть сами страны-участницы операции понимают все недочеты, но при этом ответственность никто не понес ни на национальном уровне, ни на международном.

Как мы видим из того, что сказано выше гуманитарная интервенция может служить и инструментом в геополитических «играх» между странами. Государства Запада, стремясь показать свою мощь или наказать неугодные страны, 14 апреля 2018 г. нанесли удар по Сирийской Арабской Республике. Официальные представители Великобритании, США и Франции оправдали удар, нанесенный вооруженными силами, угрозой применения лидером Сирии химического оружия. Позже Борис Джонсон пояснил, что британские удары по Сирии были направлены на то, чтобы убедить президента Асада прекратить использование химического оружия, и служили четким сигналом о недопустимости подобных действий в будущем [10]. Посольство Российской Федерации отметило: «Международное право позволяет применять военную силу только в качестве самообороны или согласно мандату Совета Безопасности [ООН]...» [10]. В современном мире права человека, к сожалению, становятся лишь предлогом для того, что некоторые государства приводили свою неокOLONиальную политику, которая как раз не имеет ничего общего с защитой прав человека. Важно разделять интересы мирового сообщества и интересы отдельных государств, иначе международный порядок окажется под угрозой войн, гуманитарных катастроф и массовых убийств мирного населения.

К счастью, гуманитарная интервенция не единственный способ решения конфликтов. Международное сообщество ни раз показывало, как можно приходить к миру без кровопролития. Обратимся к конфликту Кот-д'Ивуаре (2010–2011), где переговоры ООН помогли избежать полномасштабной гражданской войны. То есть выявление потенциальных конфликтов на стадии их зарождения через диалог с вовлеченными сторонами – действенный способ, который уже успешно опробован на практике. Но это не единственное, что может предложить международный опыт: посредничество нейтральных сторон (как в Колумбии при мирных соглашениях с FARC), Санкции и стимулы (точечные санкции против элит, разжигающих конфликты, сочетаются с экономическими преференциями для стран, идущих на уступки), развитие демократических институтов в воюющих странах и экономическая помощь (например, инициатива НПС для беднейших государств).

Международное правосудие играет ключевую роль в привлечении к ответственности лиц, виновных в самых тяжких преступлениях против человечности. Международный уголовный суд (МУС) – важный инструмент в этой борьбе, но его юрисдикция ограничена. Поэтому важны и другие механизмы, такие как создание местных трибуналов с международной поддержкой. Пример – Специальный суд по Сьерра-Леоне, где сочеталась мест-

ная легитимность и международная экспертиза. Иностранные судьи и прокуроры гарантировали беспристрастность и качество разбирательства, что укрепляло доверие населения к правосудию.

Такой гибридный подход позволяет учитывать местные особенности и обеспечивать соблюдение международных стандартов. Это особенно важно в странах, где национальная система правосудия ослаблена или скомпрометирована. Сочетание международного опыта и местной вовлеченности – ключ к эффективному и справедливому правосудию в переходный период.

Концепция гуманитарной интервенции – это клубок противоречий, где нить человеколюбия переплетается с жесткой канвой государственного суверенитета. С одной стороны, зов долга требует встать на защиту попранных прав, преградить путь массовым зверствам. С другой – незыблемость границ и невмешательство во внутренние дела государств – краеугольный камень международного порядка. Как найти ту зыбкую грань, где милосердие не превращается в агрессию, а защита слабых – в повод для экспансии? Задача требует ювелирной точности: выработки эффективных и легитимных механизмов защиты, что опережают кризис, словно предчувствуя беду. Лишь тогда международное сообщество сможет стать не карающим мечом, а щитом, оберегающим права каждого человека, в каком бы уголке мира он ни находился.

Список цитированных источников

1. Кушнер Б. (1941–2019) – советский и американский математик, поэт, эссеист.
2. Responsibility to Protect // Office of The Special Adviser on The Prevention of Genocide. – URL: https://www.un.org/ar/preventgenocide/adviser/pdf/osapg_booklet_eng.pdf (date of access: 02.05.2025).
3. Искендеров, П. Гуманитарные интервенции в контексте геополитики / П. Искендеров // Российский совет по международным делам. – 2012. – № 1. – URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/gumanitarnye-interventsii-v-kontekste-geopolitiki/> (дата обращения: 02.05.2025).
4. The Use of Force for Humanitarian Purposes / Enforcement Action for Humanitarian Purposes and Humanitarian Intervention // Advisory Committee on Human Rights and Foreign Policy and Advisory Committee on Issues of Public International Law : Report No. 15. The Hague, 18 June 1992. – P. 8.
5. Устав Организации Объединенных Наций: принят в г. Сан-Франциско 26 июня 1945 г. // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. – М., 1956. – Вып. XII. – С. 14–47.
6. Логинов, А. В. Гуманитарная интервенция: между суверенитетом государства и правами человека / А. В. Логинов, М. А. Лихачев // Известия Уральского федерального университета. Серия 3, Общественные науки. – 2019. – Т. 14, № 3 (191). – С. 148–160.
7. Кортунув, А. Война в Ираке: 20 лет спустя / А. Кортунув // Известия. – URL: <https://iz.ru/1463334/andrei-kortunov/20-let-spustia> (дата обращения: 02.05.2025).

8. Marston, G. United Kingdom Materials on International Law 1986 / G. Marston // British Yearbook of International Law. – 1987. – Vol. 57. – С. 487–654.

9. Яшлавский, А. Доклад Чилкота: Британия вторглась в Ирак без должных оснований / А. Яшлавский // Московский комсомолец. – URL: <https://www.mk.ru/politics/2016/07/06/doklad-chilkota-britaniya-vtorglas-v-irak-bez-dolzhnykh-osnovaniy.html> (дата обращения: 02.05.2025).

10. Посольство РФ: удар Великобритании по Сирии не может считаться гуманитарной интервенцией // ТАСС. – URL: <https://tass.ru/politika/5129114> (дата обращения: 02.05.2025).

Vafin D. I., Moscow, Financial University under the Government of the Russian Federation, student of the Faculty of International Economic Relations; Academic advisor: Elbaeva N. A., Moscow, Financial University under the Government of the Russian Federation, Associate Professor of the Department of International and Public Law of the Faculty of Law, PhD, Associate Professor.

**КИБЕРОРУЖИЕ И МЕЖДУНАРОДНОЕ ГУМАНИТАРНОЕ ПРАВО:
КЛАССИФИКАЦИЯ, АТРИБУЦИЯ И ВЛИЯНИЕ
НА ГРАЖДАНСКУЮ ИНФРАСТРУКТУРУ**

**CYBER WEAPONS AND INTERNATIONAL HUMANITARIAN LAW:
CLASSIFICATION, ATTRIBUTION, AND IMPACT
ON CIVILIAN INFRASTRUCTURE**

Гаркавий К. Д.

Республика Беларусь,
г. Минск,
УО «Академия Министерства внутренних дел
Республики Беларусь»,
курсант уголовно-исполнительного факультета

Научный руководитель

Бородич А. И.

Республика Беларусь,
г. Минск,
УО «Академия Министерства внутренних дел
Республики Беларусь»,
профессор кафедры
конституционного и международного права,
кандидат юридических наук, профессор

Аннотация: Статья посвящена анализу кибероружия в контексте международного гуманитарного права. Рассматриваются вопросы классификации кибероружия, проблемы атрибуции кибератак и их влияния на гражданскую инфраструктуру.

Ключевые слова: Кибероружие, международное гуманитарное право, кибератаки, классификация кибероружия, атрибуция кибератак, кибервойна, киберконфликты, цифровая безопасность, ответственность за кибератаки.

Annotation: The article is devoted to the analysis of cyber weapons in the context of international humanitarian law. The issues of classification of cyber weapons, problems of attribution of cyber attacks and their impact on civilian infrastructure are considered.

Keywords: Cyber weapons, international humanitarian law, cyber attacks, classification of cyber weapons, attribution of cyber attacks, cyber warfare, cyber conflicts, digital security, responsibility for cyber attacks.

Кибероружие радикально изменило природу вооруженных конфликтов, создавая новые вызовы для международного гуманитарного права (далее – МГП). Настоящее исследование анализирует применимость МГП

к кибероперациям через рассмотрение трех ключевых аспектов: классификации кибератак как военных действий, проблем атрибуции и привлечения к ответственности, а также правовых и гуманитарных последствий воздействия киберопераций на гражданскую инфраструктуру. Работа выявляет пробелы в правовом регулировании, предлагает рекомендации по адаптации МГП к цифровой эпохе и подчеркивает необходимость международного сотрудничества для минимизации гуманитарных последствий кибервойны.

Развитие кибертехнологий в XXI веке трансформировало способы ведения военных действий, сделав кибероружие важным инструментом как для государств, так и для негосударственных акторов. Кибероперации способны нарушать функционирование критической инфраструктуры, включая энергосистемы, медицинские учреждения, транспортные сети и финансовые системы, что создает значительные риски для гражданского населения. МГП, основанное на Женевских конвенциях 1949 г. и Дополнительных протоколах 1977 г., регулирует поведение сторон в вооруженных конфликтах, стремясь защитить гражданских лиц и минимизировать страдания. Однако его применение к кибервойне сталкивается с трудностями, поскольку традиционные нормы создавались для физических конфликтов, а не для цифровой среды.

Цель данного исследования – проанализировать, как МГП может быть применено к кибероружию, с акцентом на три ключевых аспекта: классификацию кибератак как «военных действий», сложности определения виновников атак и привлечения их к ответственности, а также правовые и гуманитарные последствия воздействия киберопераций на гражданскую инфраструктуру. Работа опирается на ключевые документы, включая «Таллиннский манускрипт 2.0», публикации Международного Комитета Красного Креста (МККК) и другие авторитетные источники, чтобы предложить рекомендации по адаптации правовых норм к новым вызовам. Исследование стремится внести вклад в развитие международного права, обеспечивая защиту гуманитарных принципов в условиях цифровых конфликтов.

Международное гуманитарное право не содержит явного определения термина «военные действия», но традиционно подразумевает акты, направленные на нанесение ущерба противнику в ходе вооруженного конфликта, такие как атаки на военные объекты или силы. Центральный вопрос для кибервойны заключается в том, могут ли кибератаки быть признаны военными действиями. Согласно ст. 49 (1) Дополнительного протокола I к Женевским конвенциям, атака определяется как акты насилия против противника, будь то в наступлении или в обороне. Это определение, ориентированное на физическое воздействие, создает сложности при интерпретации киберопераций, которые часто не имеют материального ущерба.

«Таллиннский манускрипт 2.0», опубликованный в 2017 году, предлагает подход к решению этой проблемы, утверждая, что кибероперация квалифицируется как атака, если она направлена против людей или объектов и, в случае физической атаки, могла бы привести к травмам, гибели или разрушению (Правило 90). Например, кибератака, вызывающая сбой в работе электростанции, который приводит к отключению медицинских учреждений, может быть признана военным действием. Такой подход основан на последствиях атаки, а не на ее физической природе, что делает его применимым к цифровым операциям.

Однако не все эксперты согласны с необходимостью физического ущерба. Международный Комитет Красного Креста подчеркивает, что кибератаки, вызывающие значительные нарушения функционирования критической инфраструктуры, такие как отключение систем водоснабжения или транспортных сетей, также должны рассматриваться как атаки, даже если они не приводят к разрушениям. Этот подход основан на гуманитарных последствиях таких операций.

Разногласия в интерпретации отражают сложность применения МГП к киберпространству. Некоторые государства, такие как Франция, поддерживают позицию МККК, считая, что кибератаки, требующие значительных усилий для восстановления систем, эквивалентны военным действиям. Другие, включая США и Данию, настаивают на необходимости физического ущерба, такого как травмы или разрушения. Эта дискуссия подчеркивает потребность в международном консенсусе для уточнения критериев классификации.

Классификация кибератак осложняется несколькими факторами. Во-первых, многие кибероперации, такие как распределенные атаки типа «отказ в обслуживании» (DDoS), не вызывают физического ущерба, а лишь временно нарушают работу систем, что затрудняет их признание военными действиями. Например, DDoS-атаки на правительственные сайты во время конфликтов могут создавать неудобства, но не приводят к разрушениям, что ставит под вопрос их статус. Во-вторых, киберсистемы часто имеют двойное назначение, обслуживая как военные, так и гражданские цели.

Для решения этих проблем требуется разработка новых норм, учитывающих специфику киберпространства. Международное сообщество должно выработать критерии, которые учитывают не только физический ущерб, но и гуманитарные последствия кибератак. Такие нормы могли бы включать оценку степени нарушения функционирования критической инфраструктуры и его влияния на гражданское население. Кроме того, необходимо учитывать контекст вооруженного конфликта, чтобы кибератаки, проводимые вне конфликта, не попадали под МГП, а регулировались другими нормами международного права, такими как принципы невмешательства.

Атрибуция, или определение источника кибератаки, является ключевым условием для применения МГП и привлечения виновных к ответственности. В отличие от традиционных военных действий, где источник атаки обычно очевиден, кибероперации характеризуются анонимностью, что создает значительные правовые и технические препятствия. Установление, является ли атака делом государства или негосударственного актора, необходимо для определения применимых норм и мер ответственности.

Технические сложности атрибуции связаны с использованием злоумышленниками прокси-серверов, ботнетов и других методов маскировки. Например, атакующий может находиться в одной стране, но использовать серверы в другой для проведения атаки, создавая ложное представление о ее происхождении. Это делает практически невозможным точное определение источника без специализированных технологий. Правовые пробелы усугубляют проблему, поскольку МГП не регулирует процесс атрибуции кибератак. Сбор доказательств требует экспертизы в области кибербезопасности, которая доступна не всем государствам. Примером служат атаки на Sony в 2014 году и немецкий Бундестаг в 2015 году, где отсутствие убедительных доказательств помешало точной атрибуции.

Согласно «Таллиннскому манускрипту 2.0», государство несет ответственность за кибератаки, если они проводятся его органами или если оно направляет либо контролирует действия негосударственных акторов (Правила 69–73). Однако доказать такой контроль крайне сложно.

Негосударственные акторы, такие как хакерские группы, добавляют дополнительный уровень сложности. Их действия могут быть независимыми или частично поддерживаться государством, что затрудняет применение норм МГП. Например, хакерская группа Anonymous неоднократно проводила атаки на государственные и корпоративные системы, но ее децентрализованная структура делает невозможным точное определение виновных. Даже при успешной атрибуции государства часто отрицают причастность, что препятствует правовым последствиям. Это подчеркивает необходимость международных механизмов сотрудничества, включая обмен технической информацией и разработку стандартов для сбора доказательств.

Для повышения эффективности атрибуции можно рассмотреть создание международной платформы под эгидой ООН или другой организации, которая бы координировала усилия по расследованию кибератак. Такая платформа могла бы включать экспертов по кибербезопасности, представителей государств и международных организаций, чтобы обеспечить объективность и прозрачность. Кроме того, разработка международных стандартов для сбора и анализа цифровых доказательств могла бы упростить процесс атрибуции и повысить доверие к результатам расследований.

Международное гуманитарное право строго запрещает атаки на гражданские объекты и требует соблюдения принципов различия и соразмерности. Гражданская инфраструктура, включая больницы, энергосистемы, транспортные сети и финансовые учреждения, должна быть защищена от целенаправленных атак, как указано в ст. 52 Дополнительного протокола I. Однако кибератаки способны нанести значительный ущерб этим объектам, создавая серьезные гуманитарные проблемы.

Кибероперации могут нарушить функционирование ключевых систем. Отключение электроэнергии, вызванное кибератакой, может остановить работу больниц и систем водоснабжения. Атаки на транспортные системы управления могут привести к авариям, а вмешательство в финансовые системы – дестабилизировать экономику. МККК неоднократно выражал обеспокоенность по поводу потенциальных человеческих издержек таких операций, подчеркивая их способность вызывать масштабные гуманитарные кризисы, особенно в условиях вооруженных конфликтов.

С правовой точки зрения, кибератаки, затрагивающие гражданские объекты, могут нарушать принцип различия, требующий четкого разделения между военными и гражданскими целями. Такие атаки часто оказываются неизбирательными, поражая как военные, так и гражданские системы.

Кроме того, последствия кибератак могут быть несоразмерными военной выгоде, что противоречит принципу соразмерности. Например, отключение энергосистемы, питающей как военные, так и гражданские объекты, может привести к гуманитарным кризисам, которые значительно превышают военную пользу от атаки. МККК подчеркивает, что такие последствия требуют строгого соблюдения принципа соразмерности, чтобы минимизировать вред для гражданского населения.

Гуманитарные последствия кибератак включают ухудшение условий жизни гражданского населения. Отключение электроэнергии или водоснабжения может привести к нехватке медицинской помощи, продовольствия и других базовых услуг, что особенно опасно в зонах конфликтов. Например, атака на медицинские учреждения, даже если она направлена на военные цели, может оставить тысячи людей без доступа к лечению, что является нарушением МГП. МККК призывает государства учитывать такие риски при планировании киберопераций и разрабатывать меры для защиты гражданской инфраструктуры.

«Таллиннский манускрипт 2.0» определяет киберинфраструктуру, используемую для гражданских целей, как гражданский объект, если она не служит военным задачам (Правило 97). Однако многие системы имеют двойное назначение, например, энергосети, питающие как гражданские, так и военные объекты. Это усложняет применение принципа различия. Кроме того, вопрос о том, могут ли данные считаться «объектом» в рамках МГП, остается открытым. Некоторые эксперты предлагают рассматривать

данные как объект, если их уничтожение или изменение приводит к значительным гуманитарным последствиям, таким как сбой в работе медицинских систем. Разработка норм, защищающих гражданские данные от кибератак, могла бы стать важным шагом в укреплении гуманитарной защиты.

Для минимизации воздействия кибератак на гражданскую инфраструктуру государства должны внедрять меры предосторожности, включая оценку потенциального ущерба перед проведением операций. Международное сообщество также должно работать над созданием норм, запрещающих атаки на критическую инфраструктуру, подобно существующим запретам на использование определенных видов оружия. Такие меры могли бы включать международные соглашения о защите объектов, необходимых для выживания гражданского населения, таких как больницы и системы водоснабжения.

Кибероружие представляет собой значительный вызов для международного гуманитарного права, требуя адаптации традиционных норм к реалиям цифровой эпохи. Классификация кибератак как «военных действий» осложняется отсутствием физического ущерба в некоторых случаях, двойным назначением киберсистем и трансграничным характером операций. Атрибуция кибератак сталкивается с техническими и правовыми препятствиями, что затрудняет привлечение виновных к ответственности, особенно в случае негосударственных акторов. Воздействие киберопераций на гражданскую инфраструктуру создает серьезные гуманитарные риски, подчеркивая необходимость защиты гражданских объектов и данных.

Для решения этих проблем требуется международное сотрудничество. Необходимо разработать четкие критерии классификации кибератак, учитывающие их гуманитарные последствия, улучшить механизмы атрибуции через обмен технической информацией и стандартизацию доказательств, а также усилить защиту гражданской инфраструктуры путем принятия новых норм. Совместные усилия государств, международных организаций и экспертов позволят минимизировать гуманитарные последствия кибервойны и обеспечить соблюдение принципов МГП в цифровом пространстве. Дальнейшие исследования должны сосредоточиться на разработке международных стандартов для защиты данных и критической инфраструктуры, чтобы укрепить правовую основу для гуманитарной защиты в условиях современных конфликтов.

Список цитированных источников

1. Женевские конвенции 1949 г. и Дополнительные протоколы 1977 г. – URL: https://www.icrc.org/sites/default/files/external/doc/ru/assets/files/2013/ap_i_rus.pdf (дата обращения: 04.05.2025).

2. Tallinn Manual 2.0 on the International Law Applicable to Cyber Operations / M. N. Schmitt (ed.). – URL: <https://www.pennacerl.org/wp-content/uploads/2021/12/6481-tallinn-manual-on-the-international-law-applicable.pdf> (дата обращения: 04.05.2025).

3. Rodenhäuser, T. «Cyber Warfare and International Humanitarian Law» / T. Rodenhäuser. – URL: <https://international-review.icrc.org/sites/default/files/reviews-pdf/2021-03/twenty-years-ihl-effects-of-cyber-operations-during-armed-conflicts-913.pdf> (date of access: 04.05.2025).

4. Арцибасов, И. Н. Международное право (законы и обычаи войны) / И. Н. Арцибасов. – URL: <https://lawlibrary.ru/izdanie13104.html> (дата обращения: 05.05.2025).

5. NATO Cooperative Cyber Defence Centre of Excellence: «Cyber Law Toolkit». – URL: <https://ccdcoe.org/news/2023/cyber-law-toolkit> (date of access: 05.05.2025).

Garkavy K. D., Minsk, Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus, cadet of the Criminal-Executive Faculty; Academic advisor: Borodich A. I., Minsk, Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus, Professor of the Department of Constitutional and International Law, PhD, Professor.

**РАЗВИТИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ГУМАНИТАРНОГО ПРАВА
В УСЛОВИЯХ ИЗМЕНЯЮЩЕЙСЯ ПРИРОДЫ
СОВРЕМЕННЫХ ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ**

**THE DEVELOPMENT OF INTERNATIONAL HUMANITARIAN LAW
IN THE CONTEXT OF THE CHANGING NATURE
OF MODERN ARMED CONFLICTS**

Горбачев Е. В.

Республика Беларусь,
г. Минск,
УО «Академия Министерства внутренних дел
Республики Беларусь»,
курсант факультета милиции
общественной безопасности

Научный руководитель

Дементей О. А.

Республика Беларусь,
г. Минск,
УО «Академия Министерства внутренних дел
Республики Беларусь»,
преподаватель кафедры
конституционного и международного права

Аннотация: В статье рассматривается становление и значение международного гуманитарного права в обеспечении безопасности мирного населения и военнопленных во время вооруженных конфликтов, наиболее авторитетные международные организации, обеспечивающие соблюдение данной отрасли права и исторические примеры его применения.

Ключевые слова: Международное гуманитарное право, люди, Организация Объединенных Наций, Женевские конвенции, Международный Комитет Красного Креста, трибунал, преступления, военные преступления.

Annotation: The article examines the formation and importance of International humanitarian law in ensuring the safety of civilians and prisoners of war during armed conflicts, the most reputable international organizations that ensure compliance with this branch of law and historical examples of its application.

Keywords: International humanitarian law, people, The United Nations The Geneva Conventions, International Committee of the Red Cross, tribunal, crimes, war crimes.

В настоящее время роль международного гуманитарного права (далее – МГП) является ключевой в обеспечении безопасности мирного населения и военнопленных во время вооруженных конфликтов. Данный

круг лиц в условиях вооруженных конфликтов является самым уязвимым к совершаемым военным преступлениям. Самым последним наиболее масштабным вооруженным конфликтом стала Вторая мировая война, по результатам которой, с целью дачи правовой оценки лицам, совершившим военные преступления и преступления против мира и человечества, был организован Нюрнбергский Международный военный трибунал. По окончании данных событий была создана Организация Объединенных Наций (далее – ООН), являющаяся в настоящее время главой в поддержании международного мира и безопасности, осуществляя миротворческую деятельность.

МГП охватывает принципы и правила, регулирующие средства и методы ведения войны, а также гуманитарной защиты гражданского населения, больных и раненых военнослужащих, а также военнопленных.

Для криминализации деяний, нарушающие правила ведения войны, обращения с гражданским населением, больными и ранеными военнослужащими и военнопленными, помимо четырех Женевских конвенций 1949 г. и двух дополнительных протоколов 1977 г., Генеральной Ассамблеей ООН был принят ряд конвенций и сводов принципов, таких как:

Конвенция по предупреждению и наказанию преступления геноцида от 9 декабря 1948 г.;

Конвенция о неприменимости срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечества от 26 ноября 1968 г.;

Конвенция о запрещении или ограничении применения конкретных видов обычного оружия, которые могут считаться наносящими чрезмерные повреждения или имеющими неизбирательное действие от 10 декабря 1980 г.;

Принципы международного сотрудничества в отношении обнаружения, ареста, выдачи и наказания лиц, виновных в военных преступлениях и преступлениях против человечества [1].

Важнейшее значение для развития МГП имеет деятельность Международного Комитета Красного Креста (далее – МККК), созданного в 1863 году при участии швейцарского предпринимателя и общественного деятеля Жана Анри Дюнан. В целях развития МГП МККК занимается подготовкой дипломатических конференций, обладающих полномочиями для принятия новых документов. МККК разрабатывает проекты, которые ложатся в основу международно-правовых договоров, заключаемых государствами. Именно так были приняты Женевские конвенции 1949 г. и Дополнительные протоколы к ним 1977 г. [2, с. 9–12]. Деятельность МККК заключается в помощи лицам, пострадавшим от конфликтов, а именно: быстрая и эффективная деятельность, предоставление гуманитарной помощи и защиты пострадавшим от разрушительных последствий вооруженных конфликтов, оказание помощи в случае стихийных бедствий. Наиболее приоритетные задачи данного комитета – защита прав людей, пострадавших

от вооруженных конфликтов, посещение военнопленных и лишенных свободы и предотвращение разлучений, розыск пропавших без вести и воссоединение близких [3].

Таким образом, на основе вышеизложенного, можно сделать вывод, что МККК является нейтральной, независимой международной организацией, предоставляющей гуманитарную помощь и защиту людям, пострадавшим от вооруженных конфликтов и насилия, а также осуществляющей контрольно-надзорную функцию в обеспечении соблюдения МГП.

Как ранее указывалось, Вторая мировая война стала своего рода катализатором развития международного гуманитарного права. Со второй половины XX века МГП регулярно применялась в разных точках мира. Постоянные вооруженные столкновения на Африканском континенте, Ближнем Востоке, Юго-Восточной Азии и Балканском полуострове оказывали существенное влияние на его развитие.

Начать тему развития МГП необходимо работой Международного трибунала в Камбодже, известным как Трибунал «Красных кхмеров». В рамках данного судебного разбирательства рассматривались действия должностных лиц, запрещенные Женевскими конвенциями 1949 гг., обвиняемых в геноциде населения, преступлений против человечности и правила обращения с больными, ранеными и военнопленными. В 1975–78 гг., находившая у власти в Камбодже группировка «Красных кхмеров» во главе с Пол Потом, осуществляла геноцид собственного народа. Точное число жертв, в настоящий момент, невозможно установить. Согласно общепринятому мнению, численность людей казненных, умерших от рабского труда, голода, истощения, пыток составила от 1,7 до 2,5 млн человек – 20–25 % населения [4, с. 244–245].

В результате судебного разбирательства по военным преступлениям, длившегося более десяти лет, в МГП было утверждено понятие внутреннего, или «авто» геноцида – умышленного уничтожения граждан государства, совершаемого собственным правительством.

Следующим событием, повлиявшим на развитие МГП, стал Специализированный суд по Сьерра-Леоне созданный (далее – СССЛ) в 2002 году для уголовного преследования лиц, виновных в нарушении международного гуманитарного права во время гражданской войны в период с 1991 по 2002 год. К компетенции данного суда относилось разрешение случаев нарушения норм МГП в ходе вооруженного конфликта в Сьерра-Леоне. Основными обвинениями должностных и гражданских лиц стали факты нарушения Женевских конвенций и внутреннего законодательства государства. В рамках компетенции СССЛ подсудны следующие категории уголовных дел:

1. Преступления против человечности, совершаемые в рамках широкомасштабного или систематического нападения на гражданское население: убийство; истребление; порабощение; депортация; заключение

в тюрьму; пытки; изнасилование, обращение в сексуальное рабство, принуждение к проституции, принудительная беременность и любые другие формы сексуального насилия; преследования по политическим, расовым, этническим или религиозным мотивам; другие бесчеловечные деяния.

2. Нарушения ст. 3, общей для Женевских конвенций о защите жертв войны от 12 августа 1949 г., и Дополнительного протокола II к ним от 8 июня 1977 г., включающие: посягательство на жизнь, здоровье и физическое или психическое благополучие лиц, в частности убийство, а также жестокое обращение и др.

3. Другие серьезные нарушения международного гуманитарного права.

4. Преступления по национальному законодательству Сьерра-Леоне.

Таким образом, в рамках компетенции СССЛ на скамье подсудимых оказались семеро должностных лиц, являвшихся лидерами революционных движений и обвиняемых в военных преступлениях, преступлениях против человечности и нарушениях международного гуманитарного права, совершенных во время десятилетнего вооруженного конфликта, в результате которого погибло около 200 тысяч человек [5]. Большинство обвиняемых получили сроки свыше 25 лет.

В результате СССЛ была стабилизирована политическая обстановка в Сьерра-Леоне, так же были введено множество инноваций как в развитие МГП, так и в осуществлении правосудия. Данный трибунал впервые признал виновным в совершении преступлений против человечности действующего главу государства – Чарльза Тейлора, приговорив его к 50 годам заключения; так же, признал принудительное бракосочетание преступлением против личности и, немаловажно, установил уголовную ответственность за привлечение детей в участия в военном конфликте. Инновацией СССЛ в международном праве стало то, что он был первым международным судом, заседавшим в государстве, где были совершены преступления [5].

Следующее важное событие, колоссально повлиявшее на развитие МГП – Международный трибунал по бывшей Югославии (далее – МТБЮ), созданный для судебного преследования лиц, ответственных за серьезные нарушения международного гуманитарного права, совершенные на территории бывшей Югославии с 1991 года. В рамках данного судебного заседания рассматривались нарушения лицами Женевских конвенций от 12 августа 1949 г. К полномочиям МТБЮ относилось рассмотрения серьезных нарушений Женевских конвенций, а именно нарушения законов или обычаев войны, геноцид и преступления против человечности [6]. Особенностью данного трибунала, по моему мнению, было то, что несмотря на его политизированность, обвинительные приговоры выносились как высокопоставленным лицам, так и простым солдатам, сражавшимся за «Западные» и «Восточные» идеи. Примерами служит первое, в истории международной судебной практики предъявление обвинения действующему президенту

Сербии – Слободану Милошевичу, обвинение бывшему президенту Милану Бабичу, Рамушу Харадинай, бывшему премьер-министру Косово, Радовану Караджичу, бывшему президенту Республики Сербской, Ратко Младичу, бывшему командующему армией боснийских сербов и Анте Готовине, бывшему генералу хорватской армии [7, с. 495].

Одним из наиболее кровопролитных актов военных преступлений во время военных действий на территории бывшей Югославии был акт геноцида на границе между Сербией и Боснией в Сребренице, в результате которого погибло около 8 тысяч мирных жителей. Данный акт геноцида стал ключевым в предъявлении обвинений 161 лицу, большинство из которых были сербы и только треть – хорваты и остальные. Среди обвиняемых, 93 были признаны виновными, 18 оправданы, 13 переданы в национальные юрисдикции в соответствии с правилом 11bis, с 20 лиц были сняты обвинительные заключения и 17 умерли в процессе Трибунала [8].

Благодаря практике МТБЮ оказал влияние на развитие МГП, в частности – признал сексуальное насилие отдельным военным преступлением. Развил концепции индивидуальной уголовной ответственности, способствовал развитию норм о защите культурных ценностей и запрету на нападения на гражданские объекты.

Подводя итог, развитие международного гуманитарного права прямо зависит от политической ситуации в мире. Приведенные примеры демонстрируют, что политическая нестабильность в разных частях мира, а также совершение как простыми солдатами, так и высшими должностными лицами военных преступлений является катализатором в развитии МГП. Акты различных военных преступлений указывают на неполноценность, или же пустоту в определенной отрасли международного права позволяют квалифицировать и криминализировать то, или иное деяние, заполнить пробелы в праве. В результате этого, для реализации норм международного гуманитарного права, поддержания всеобщего мира и безопасности, были созданы ООН и МККК. Одними из задач последних стали: активизации деятельности по созданию международных договоров (инициирования их заключения), криминализирующих конкретные деяния, урегулирование вооруженных конфликтов, оказание гуманитарной помощи пострадавшим и контроль за соблюдением правил обращения с ранеными и военнопленными.

Список цитированных источников

1. Организация Объединенных Наций и международное гуманитарное право // Организация Объединенных Наций. – URL: <https://www.un.org/ru/humanitarian/law> (дата обращения: 29.04.2025).

2. Толочко, О. Н. Международное гуманитарное право : учеб. пособие / О. Н. Толочко. – Гродно : ГрГУ, 2003. – 88 с.

3. Мы помогаем людям, пострадавшим от вооруженных конфликтов // Международный Комитет Красного Креста. – URL: <https://www.icrc.org/ru/we-help-people-affected-armed-conflict> (дата обращения: 30.04.2025).

4. Бектимирова, Н. Н. Международный трибунал над «Красными кхмерами» / Н. Н. Бектимирова // Ю-В Азия: актуальные проблемы развития. – 2012. – № 19. – С. 264–283.

5. ООН отдала семерых под суд за зверства в Сьерра-Леоне // The Guardian. – URL: <https://www.theguardian.com/world/2003/mar/11/sierraleone.unitednations> (дата обращения: 04.05.2025).

6. Международный трибунал по бывшей Югославии. Устав. – URL: <https://www.un.org/ru/law/icty/charter.shtml> (дата обращения: 04.05.2025).

7. Дворянкина, Е. М. Результаты и значение деятельности Международного трибунала по бывшей Югославии / Е. М. Дворянкина // E-Scio. – 2021. – № 11 (62). – С. 493–498.

8. Международный уголовный трибунал по бывшей Югославии. Ключевые фигуры в этих делах = United Nations International Criminal Tribunal for the former Yugoslavia. – URL: <https://www.icty.org/en/cases/key-figures-cases> (дата обращения: 05.05.2025).

Gorbachev E. V., Minsk, Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus, cadet of the Faculty of Police Public Safety; Academic advisor: Dementey O. A., Minsk, Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus, Lecturer of the Department of Constitutional and International Law.

ДЕТИ – УЧАСТНИКИ ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ

CHILDREN – PARTICIPANTS IN ARMED CONFLICTS

Гриб А. А.

Республика Беларусь,
г. Минск,
УО «Белорусский государственный
экономический университет»,
студентка факультет права

Научный руководитель

Мазаник Е. Н.

Республика Беларусь,
г. Минск,
УО «Белорусский государственный
экономический университет»,
доцент кафедры
международного экономического права,
кандидат юридических наук, доцент

Аннотация: В статье проанализированы проблемы, связанные с участием детей в вооруженных конфликтах. Рассматриваются вопросы определения возраста правомерного участия в них несовершеннолетних в международном праве и законодательстве зарубежных стран. Также уделено внимание механизмам привлечения их ответственности за совершение преступлений в период вооруженного конфликта.

Ключевые слова: дети, вооруженные конфликты, возраст, ответственность, комбатант, вербовка.

Abstract: The article analyzes the problems associated with the participation of children in armed conflicts. It examines the issues of determining the age of legal participation of minors in international law and the legislation of foreign countries. It also pays attention to the mechanisms for holding them accountable for committing crimes during an armed conflict.

Key words: children, armed conflicts, age, responsibility, combatant, recruitment.

Вооруженные конфликты – это трагические события, которые затрагивают все слои общества, но особенно уязвимыми оказываются дети. Миллионы детей по всему миру становятся жертвами войн и насилия. Они страдают не только от непосредственных последствий боевых действий, но и становятся активными участниками конфликтов, что имеет серьезные долгосрочные последствия для их здоровья, образования и будущего.

Участие детей во время вооруженных конфликтов условно можно разделить на: косвенное (передача военной информации, вербовка других де-

тей, перевозка очень тяжелых грузов, включая оружие, боеприпасы, транспортировку раненых, добыча пропитания для солдат) и фактическое (к примеру, участие в активных боевых действиях).

На современном этапе более 250.000 детей принимают участие в вооруженных конфликтах. Многие из них становятся свидетелями и жертвами серьезных преступлений. Несовершеннолетних, в том числе малолетних, заставляют убивать людей и издеваться над мирным населением. Это явление особенно распространено в странах с затяжными конфликтами, таких как Южный Судан, Центральноафриканская Республика и Сирия [1].

В Центральноафриканской Республике (ЦАР) мальчики и девочки, даже в возрасте восьми лет, привлекались к прямому участию в межэтнических столкновениях. В Афганистане дети попадали в ряды «Сети Хаккани» и «Талибана», где их использовали в качестве смертников и для перевозки взрывоопасного оружия. В Демократической Республике Конго (далее – ДРК) были задокументированы случаи вербовки детей многочисленными вооруженными группировками, действующими на востоке страны. Дети, в некоторых случаях в возрасте 10 лет, использовались в качестве боевиков, подсобного персонала – носильщиков и поваров. Согласно сообщениям, девочки становились сексуальными рабынями [2].

Причины, по которым дети вовлекаются в вооруженные конфликты, разнообразны. Дети легко обучаемы, стойко переносят стрессы и готовы сделать многое за похвалу. Это может привести к тому, что дети-солдаты потеряют понимание о ценности человеческой жизни и станут эффективными и дисциплинированными исполнителями, и смогут являться более послушными солдатами.

Согласно Дополнительному протоколу к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., принятому на дипломатической конференции в Женеве 8 июня 1977 г., комбатантами являются «лица, входящие в состав вооруженных сил стороны, находящейся в конфликте (кроме медицинского и духовного персонала) и имеющие право принимать непосредственное участие в военных действиях» (ст. 43 п. 2).

Таким образом, комбатант обязательно должен состоять в вооруженных силах. Дети, которые принимают непосредственное участие в международных конфликтах могут входить в состав вооруженных сил, являться комбатантами с точки зрения международного гуманитарного права.

Стоит отметить, что во многих странах в вооруженные силы набирают лиц моложе 18 лет. В Канаде набор в контрактную армию проводится среди добровольцев 16–24 лет мужского и женского пола. Ирландии в армию набирают с 17 до 27 лет, однако 16-летние тоже могут попасть в войска в качестве специалистов-стажеров. В Индии также действует контрактная армия, в которую можно попасть при достижении шестнадцати с половиной лет [3].

Во многих странах важно «добровольное» участие ребенка в военных действиях. Необходимо понимать, что добровольность может быть мнимой, связанной с политической, финансовой, социальной необходимостью и влиянием этих условий на ребенка. Многие из них не понимают последствий своих действий и попадают в ловушку манипуляций, когда им внушают, что их участие – это долг или акт героизма. Различие между добровольной и принудительной вербовкой представляется возможным поставить под сомнение поскольку в условиях войны, «добровольность» может означать просто попытку ребенка выжить.

При этом Дополнительный протокол I к Женевским конвенциям предусматривает, что дети, которые принимают непосредственное участие в военных действиях и попадают во власть стороны противника, продолжают пользоваться особой защитой, на которую они имеют право независимо от того, являются ли они военнопленными или нет (ст. 77 п. 3). Ни одна из норм, определяющих такую особую защиту, например, запрет на сексуальное насилие и обязательство размещать задержанных детей отдельно от взрослых, не предусматривает исключения в случае, если ребенок принимал участие в военных действиях. Кроме того, никакая практика, подтверждающая запрет на участие детей в военных действиях, не указывает на то, что они должны быть лишены особой защиты, если все-таки участвуют в военных действиях [4].

Возникает вопрос, с какого возраста вербовка детей будет являться законной согласно международным нормам, если такое вообще возможно. Для ответа на него необходимо изучить и проанализировать ряд международных документов, так как единого стандарта, определяющего нижний возрастной предел участия детей в вооруженных конфликтах, не существует, в основном в силу различий понятия «ребенок» в законодательстве разных стран. На международном уровне в Конвенции о правах ребенка, принятой в 1989 году Генеральной Ассамблеей ООН, определено, что «ребенком является каждое человеческое существо до достижения 18-летнего возраста, если по закону, применимому к данному ребенку, он не достигает совершеннолетия ранее» (ст. 1).

В Статуте Международного уголовного суда, принятом в Риме 17 июля 1998 г. и вступившем в силу 1 июля 2002 г., закреплено, что факт «набора или вербовки детей в возрасте до пятнадцати лет в состав национальных вооруженных сил или их использование для активного участия в боевых действиях» представляет собой военное преступление независимо от того, идет ли речь о международном или внутреннем вооруженном конфликте. Совершение военных преступлений влечет за собой индивидуальную уголовную ответственность, соответственно лица, совершившие преступления, будут привлечены к уголовной ответственности.

В середине марта 2012 года Томас Лубанга был признан виновным в совершении военных преступлений, в том числе в причастности в вербовке детей младше 15 лет в ряды вооруженной группировки. Осужденный командовал так называемыми «Патриотическими силами освобождения Конго» в округе Итури во время гражданской войны в ДРК. Он и члены его группировки превращали малолетних в убийц, слуг и сексуальных рабов, использовали их для участия в боевых действиях в период с сентября 2002 года по август 2003 года. Судьи определили Томасу Лубанге срок наказания в виде 14 лет лишения свободы. Он стал первым осужденным Международного уголовного суда (МУС) [5].

Дополнительные протоколы I и II к Женевским конвенциям (ст. 77), Статут Международного уголовного суда и Устав Специального суда по Сьерра-Леоне установили 15 лет в качестве минимального возраста для участия в военных действиях, такой же возраст устанавливается и в Конвенции о правах ребенка, принятой резолюцией 44/25 Генеральной Ассамблеей ООН 20 ноября 1989 г. (ст. 38). Кроме того, в соответствии с положением ст. 3 Факультативного протокола к Конвенции о правах ребенка, должно обеспечиваться, чтобы призыв для лиц, не достигших 18-летнего возраста, был как минимум:

- действительно добровольным;
- производился с осознанного согласия родителей или опекунов;
- эти лица были проинформированы об обязанностях, связанных с несением военной службы [6].

Отметим, что на основе международного права определяется минимальный предел участия детей в вооруженных конфликтах, который составляет 15 лет, но остается много вопросов относительно повышения такого минимально возраста, а также различия между добровольной и насильственной вербовкой.

В Дополнительном протоколе I к Женевским конвенциям, который был принят на дипломатической конференции в Женеве 8 июня 1977 г., закреплено положение о том, что при разрешении вопроса о вовлечении несовершеннолетних в вооруженный конфликт, предпочтение должно быть отдано старшим из них (п. 2 ст. 77).

Учитывая, что дети участвуют в вооруженных конфликтах, можно сделать вывод о том, что они могут нарушать нормы международного гуманитарного права. Нужно отметить, что страны по-разному решали проблему привлечения детей-солдат к уголовной ответственности. Так, в Либерии и Демократической Республике Конго все дети-солдаты попали под амнистию. После войны в Руанде для рассмотрения дел детей-солдат были созданы специализированные палаты при военных трибуналах в составе трех судей для рассмотрения дел несовершеннолетних [7].

Вопрос ответственности оказался требующим разрешения в случае Сьерра-Леоне, где большое число детей-солдат, завербованных по большей

части насильно, участвовали в военных действиях и совершали тяжкие преступления. Правительство Сьерра-Леоне, а вместе с ним и гражданское общество, прямо выразили желание учредить процедуру для установления ответственности детей-комбатантов. Вопрос о том, как поступать с малолетними преступниками, стал одним из важнейших аспектов переговоров между ООН и Сьерра-Леоне. Участвовавшие в переговорах стороны договорились, что Специальный суд будет иметь юрисдикцию по отношению ко всем лицам, достигшим 15 лет на момент совершения преступлений, заполнив, таким образом, пробел, оставленный Римским статутом. Тем не менее было решено, что детей в возрасте от 15 до 17 лет будут преследовать в соответствии с международными нормами ювенальной юстиции и они не будут приговорены к тюремному заключению [8].

Достигнуть согласия по поводу возраста наступления уголовной ответственности оказалось непросто. Дополнительный протокол II к Женевским конвенциям, который был принят на дипломатической конференции в Женеве 8 июня 1977 г., запрещает выносить смертный приговор в отношении лиц, не достигших 18-летнего возраста (ст. 68), а согласно ст. 26 Римского Статута, принятого на дипломатической конференции в Риме 17 июля 1998, лицо в возрасте моложе 18 лет не может быть привлечено к суду. Дополнительная юрисдикция суда фактически оставляет право привлечения к ответственности детей-солдат за национальным законодательством.

Для всех перечисленных выше категорий детей важнейшим и определяющим критерием является наиболее спорный в данном аспекте – критерий возраста, приведший к не разрешенным пока противоречиям. Можно сказать, что существуют два параллельных подхода к проблеме. Первый определяет ребенка, в том числе и участвующего в вооруженном конфликте, как любое лицо, не достигшее 18-летнего возраста. Второй – среди детей, подлежащих особой защите, выделяет тех, кто не достиг возраста 15 лет. Итак, Конвенция № 182 МОТ (ст. 2) устанавливает, что «Для целей настоящей Конвенции термин «ребенок» применяется ко всем лицам в возрасте до 18 лет». Как отмечалось выше Римский статут Международного уголовного суда определяет, что «набор или вербовка детей в возрасте до пятнадцати лет в состав национальных вооруженных сил или их использование для активного участия в боевых действиях» является военным преступлением (ст. 8).

До сих пор не разработан и не принят единый международный акт, касающийся положения детей в вооруженном конфликте, который включал бы в себя следующее: в каком качестве могут выступать дети; какие их действия будут считаться преступлением; какие действия в отношении детей будут считаться преступными; какое необходимо наказание, как для детей, так и для взрослых. Пока такой документ не будет принят на международном уровне, необходимо обращать внимание на причины данного явления,

разрабатывать и предпринимать меры, направленные на прекращение и предотвращение данной ситуации.

Проблема обеспечения детям безопасного пространства, а также предоставления им возможности активно участвовать в формировании своего будущего требует ее разрешения. Только так мы сможем создать мир, где дети не будут объектами манипуляции и насилия, а станут полноправными участниками процесса изменений мира в лучшую сторону.

Список цитированных источников

1. Happold, M. Child Prisoners in War / M. Happold. – Oxford : Oxford University Press, 2010. – URL: http://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1321546 (date of access: 03.04.2025).

2. В 20 странах мира десятки тысяч мальчиков и девочек служат в вооруженных рядах. – URL: <https://news.un.org/ru/story/2015/02/1258041> (дата обращения: 03.04.2025).

3. В каких странах берут в армию несовершеннолетних. – URL: https://dzen.ru/a/YNNyf_DkhBcXuCqV (дата обращения: 03.04.2025).

4. Дополнительный протокол I к Женевским конвенциям, касающийся защиты жертв международных конфликтов : принят в г. Женеве 8 июня 1977 г. // Организация Объединенных Наций. – URL: <https://www.icrc.org/ru/article/dopolnitelnyu-protokol-i-k-zhenevskim-konvenciyam> (дата обращения: 03.04.2025).

5. Томас Лубанга приговорен к 14 годам лишения свободы. – URL: <https://news.un.org/ru/story/2012/07/1205281> (дата обращения: 03.04.2025).

6. Факультативный протокол к Конвенции о правах ребенка, касающийся участия детей в вооруженных конфликтах : принят резолюцией 54/263 Генер. Ассамблеи от 25 мая 2000 г. // Организация Объединенных Наций. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/rightschild_protocol1.shtml (дата обращения: 03.04.2025).

7. Арзуманян, Н. Жертвы и палачи: вопросы ответственности, связанные с проблемой детей-солдат в Африке / Н. Арзуманян, Ф. Пиццутелли. – М. : МККК, 2003. – URL: <http://www.icrc.org/rus/resources/documents/misc/5wnjet.htm> (дата обращения: 03.04.2025).

8. Защита ребенка в период военного конфликта // Практический словарь гуманитарного права. – URL: <https://slovar-gumanitarnogo-prava.org/content/article/4/rebenok/> (дата обращения: 03.04.2025).

Hrib A. A., Minsk, Belarusian State Economic University, Faculty of Law; Academic advisor: Mazanik E. N., Minsk, Belarusian State Economic University, Associate Professor of the Department of International Economic Law, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

**МЕЖДУНАРОДНОЕ ГУМАНИТАРНОЕ ПРАВО КАК ОСНОВА
ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ СТОРОН
В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ**

**INTERNATIONAL HUMANITARIAN LAW AS A BASIS FOR ENSURING
THE RIGHTS AND LEGITIMATE INTERESTS OF THE PARTIES
IN CONDITIONS OF MODERN ARMED CONFLICTS**

Гриб И. А.

Республика Беларусь,
г. Минск,
УО «Академия Министерства внутренних дел
Республики Беларусь»,
курсант факультета криминальной милиции

Научный руководитель

Дегонский С. Ю.

Республика Беларусь,
г. Минск,
УО «Академия Министерства внутренних дел
Республики Беларусь»,
начальник кафедры
конституционного и международного права,
кандидат юридических наук, доцент

Аннотация: В статье дан подробный анализ четырех Женевских конвенций от 12 августа 1949 г., трех Дополнительных протоколов к ним, а также норм главы 18 Уголовного кодекса Республики Беларусь.

Ключевые слова: Женевская конвенция, военнопленные, комбатант, вооруженный конфликт, международное гуманитарное право.

Abstract: The article provides a detailed analysis of the four Geneva Conventions of August 12, 1949, 3 Additional Protocols to them, as well as the norms of Chapter 18 of the Criminal Code of the Republic of Belarus.

Keywords: Geneva Convention, prisoners of war, combatant, armed conflict, international humanitarian law.

В современном мире, несмотря на завершившуюся сравнительно недавно для мировой истории Второй мировой войны, наблюдаются негативные тенденции, которые угрожают безопасности всего мирового социума. К таковым тенденциям справедливо отнесены в Концепции национальной безопасности Республики Беларусь, утвержденной решением ВНС от 25 апреля 2024 г. № 5:

«формирование, проникновение либо распространение идеологии нацизма, неофашизма, экстремизма, сепаратизма, расовой, национальной, религиозной либо иной социальной нетерпимости;

поощрение и финансирование организаций, деятельность которых направлена на реабилитацию нацизма, героизацию нацистских преступников, прославление их и совершенных ими преступлений».

Поэтому основные направления нейтрализации обозначенных угроз – противодействие распространению идеологии неонацизма, реабилитации нацизма.

В данном ключе видится обоснованным рассмотрение нормативного противодействия выше названным вызовам и угрозам с точки зрения норм международного гуманитарного права.

Международное гуманитарное право (далее – МГП) является одной из важных отраслей международного права. Его нормы обеспечивают взаимодействие между различными субъектами в целях поддержания того уклада жизни, что сложился после Второй мировой войны.

Как справедливо отмечает отечественный ученый А. И. Бородич, выделяя особенности МГП, «международное гуманитарное право нацелено на то, чтобы подчинить силе закона ситуацию существующего насилия (в отличие от всех других отраслей международного права, которые стремятся разрешать потенциальные конфликты без применения силовых средств). Никакая другая отрасль международного права не содержит таких норм. Международное гуманитарное право является вспомогательным международным инструментом в случаях пробелов, погрешностей и других недостатков внутреннего законодательства государства, которые обнаруживаются во время возникновения на его территории вооруженного конфликта» [1, с. 310].

На содержание этих норм повлияли бесчеловечные преступления нацистских солдат и руководителей III Рейха на территориях различных государств, в том числе на территории бывшего Союза Советских Социалистических Республик. Наши предки, пострадали от ужасов и тех бесчинств, что совершались фашистами на территории современной Беларуси. Жестокое, бесчеловечное действия нацистов в период с 1939 по 1945 гг., международное сообщество признало недопустимыми ни при каких условиях. Поэтому в послевоенный период были приняты меры, направленные на исключение повторения подобных фактов. В рамках реализации данных мер Организацией Объединенных Наций (далее – ООН) были приняты:

Женевская конвенция об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях – первая Женевская конвенция, 12 августа 1949 г.;

Женевская конвенция об улучшении участи раненых, больных и лиц, потерпевших кораблекрушение, из состава вооруженных сил на море – вторая Женевская конвенция, 12 августа 1949 г.;

Женевская конвенция об обращении с военнопленными – третья Женевская конвенция, 12 августа 1949 г.;

Женевская конвенция о защите гражданского населения во время войны – четвертая Женевская конвенция, 12 августа 1949 г.;

Кроме того, были приняты и дополнительные протоколы к обозначенным конвенциям:

Дополнительный протокол (1) к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов от 8 июня 1977 г.;

Дополнительный протокол (2) к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов от 8 июня 1977 г.;

Дополнительный протокол (3) к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающийся принятия дополнительной отличительной эмблемы от 8 декабря 2005 г.

В Конвенции об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях содержится ряд положений, действующих в период вооруженных конфликтов, войн, а также во всех случаях «оккупации всей или части территории Высокой Договаривающейся Стороны, даже если эта оккупация не встретит никакого вооруженного сопротивления» [2]. Если говорить о правовом положении больных и раненых, санитарном и духовном персонале, то в конвенции сказано: «данная категория лиц ни в коем случае не сможет отказываться частично или полностью от прав, которые им обеспечивают настоящая Конвенция и специальные соглашения». Строго запрещается любое посягательство на их жизнь и личность. В конвенции предусмотрено, что стороны, «как на уровне государств, так и на местном уровне могут заключать соглашения о перемирии или о прекращении огня, об эвакуации раненых и больных».

Однако, если бы права и обязанности субъектов вооруженного конфликта были лишь названы в конвенциях, а норма, обеспечивающая выполнение этих обязательств, отсутствовала, то они бы носили декларативный характер, не выполнялись бы сторонами. В связи с этим, важным является положение ст. 49, в которой сказано: «Стороны берут на себя обязательство ввести в действие законодательство, необходимое для обеспечения эффективных уголовных наказаний для лиц, совершивших или приказавших совершить те или иные серьезные нарушения настоящей Конвенции».

При этом Конвенция о неприменимости срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечества 1968 г. установила, что никакие сроки давности не применяются к следующим преступлениям независимо от времени их совершения:

военные преступления, как они определяются в Уставе Нюрнбергского международного военного трибунала от 8 августа 1945 г. и подтверждаются резолюциями 3 (I) от 13 февраля 1946 г. и 95 (I) от 11 декабря 1946 г. ГА ООН, а также, в частности, «серьезные нарушения», перечисленные в Женевских конвенциях о защите жертв войны от 12 августа 1949 г.;

преступления против человечества, независимо от того, были ли они совершены во время войны или в мирное время, как они определяются в Уставе Нюрнбергского международного военного трибунала от 8 августа

1945 г. и подтверждаются в резолюциях 3 (I) от 13 февраля 1946 г. и 95 (I) от 11 декабря 1946 г. ГА ООН, изгнание в результате вооруженного нападения или оккупации и бесчеловечные действия, являющиеся следствием политики апартеида, а также преступление геноцида, определяемое в Конвенции 1948 г. о предупреждении преступления геноцида и наказании за него, даже если эти действия не представляют собой нарушения внутреннего законодательства той страны, в которой они были совершены.

В законодательстве Республики Беларусь реализация норм международного гуманитарного права выражается в установлении уголовной ответственности согласно Уголовному Кодексу Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 275-3 (далее – УК Республики Беларусь) за совершение деяний, запрещенных конвенциями. Ответственность за военные преступления, а также действия, нарушающие законы и обычаи ведения войны предусмотрены главой 18 УК Республики Беларусь. Все преступления данной главы имеют прямой умысел, а родовым объектом выступают общественные отношения, вытекающие из международных обязательств. Данные преступления могут совершаться только в период вооруженного конфликта или в связи с такими конфликтами. Субъектом же выступает лицо, достигшее 16 лет. Особенностями статей этой главы является то, что они носят бланкетный характер, то есть ссылаются на Женевские конвенции и на иные международно-правовые нормы.

Конвенция об улучшении участи раненых, больных и лиц, потерпевших кораблекрушение, из состава вооруженных сил на море содержит положения, схожие с Конвенцией об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях, однако действует она на водных судах и в море [3]. В случае военных действий между сухопутными и морскими силами сторон, находящихся в конфликте, постановления настоящей Конвенции применяются лишь к «силам, погруженным на суда». «В случае боя на борту военного судна лазареты следует, насколько это будет возможно, оберегать и щадить. Эти лазареты и их оборудование останутся подчиненными действию законов войны, но не могут получать другого назначения, пока они будут нужны для раненых и для больных».

Женевская конвенция об обращении с военнопленными содержит нормы об условиях обращения с военнопленными. К примеру, «военнопленный обязан сообщить – фамилию, имя и звание, дату рождения и личный номер» [4] пытаться же строго воспрещалось. В случае, если военнопленный сознательно нарушит это правило, согласно ч. 2 ст. 17 конвенции ему может угрожать «ограничение преимуществ, предоставляемых военнопленным его звания или положения». «Все вещи, кроме оружия, военных документов и снаряжения, останутся во владении военнопленных». Военнопленные должны располагать убежищами против опасностей войны, иметь хорошие условия и им должны платить аванс.

В Конвенции о защите гражданского населения во время войны содержатся нормы о том, что необходимо ограничивать гражданское население и гражданские объекты от военных. «Ни одно покровительствуемое лицо не может быть наказано за правонарушение, совершенное не им лично» [5]. Коллективные наказания запрещены.

Дополнительный протокол № 1 к Женевским конвенциям от 12.08.1949, касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов от 08.06.1977 говорит о том, что в отношении гражданских лиц и комбатантов запрещается подвергать даже с их согласия: «физическим увечьям, медицинским или научным экспериментам за исключением случаев, когда необходима какая-либо хирургическая операция. Гражданский медицинский персонал не может быть привлечен к ответственности за выполнение им медицинских функций, совместимых с медицинской этикой». Кроме того, в рассматриваемом протоколе содержатся следующие запреты: «применять оружие, снаряды, вещества и методы ведения военных действий, способные причинить излишние повреждения, страдания, обширный, долговременный и серьезный ущерб природной среде» [6]. Также есть запрет на уничтожение и использование гражданских объектов в военных целях.

Дополнительный протокол № 2 к Женевским конвенциям от 12.08.1949, касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов от 08.06.1977 рядом положений дублирует Дополнительный протокол № 1, за рядом особенностей: не применяется «в случаях нарушения внутреннего порядка и возникновения обстановки внутренней напряженности» [7]. Отдельно закрепляется положение лиц, лишенных свободы по причинам, связанных с вооруженным конфликтом. В ст. 6 закреплено положение, согласно которому те лица, «что совершили уголовные правонарушения, связанные с вооруженным конфликтом, должны быть привлечены к уголовной ответственности строго в том порядке, что указан статьей».

Дополнительный протокол № 3 к Женевским конвенциям от 12.08.1949, касающийся принятия дополнительной отличительной эмблемы от 8 декабря 2005 г. вводит в действие новую эмблему, которую могут применять государства и организации: Эта дополнительная отличительная эмблема, «состоящая из красной рамки в форме стоящего на одной из своих вершин квадрата на белом фоне» [8]. Эта отличительная эмблема называется «эмблемой третьего Протокола» и она обладает таким же статусом, как и другие эмблемы используемые медицинскими организациями.

Продолжающиеся вооруженные конфликты на нашей планете *de facto* подтверждают послы о том, что человек не всегда делает выводы из «уроков истории», допуская повторения ошибок. Причины данных конфликтов различны. Однако можно предположить, что знания этих «уроков» вкупе с развитым правовым сознанием, правовой культурой в обществах позволят минимизировать риск их наступления. Поэтому уяснение содержания норм международного гуманитарного права, условий и предпосылок их

возникновения весьма важный аспект в условиях современных вооруженных конфликтов. Знание основ МГП позволит, во-первых, обеспечить человеку возможность защиты его прав и законных интересов в случае попадания в вооруженный конфликт. Во-вторых, противоборствующие стороны на основе соблюдения норм МГП исключают вариант привлечения к ответственности, если бы они их не зная не соблюли. В-третьих, в условиях информационно открытого общества, лица, наблюдающие за происходящим конфликтом извне, смогут критически оценить действия или бездействия участников, не попадут под воздействие фейковой информации, распространяемой в чьих-либо корыстных интересах.

Список цитированных источников

1. Бородич, А. И. Международное публичное право : учеб. пособие / А. И. Бородич ; Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь. – Минск : Академия МВД, 2022. – 466 с.
2. Женевская конвенция об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях 1949 г. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/1901037> (дата обращения: 04.05.2025).
3. Конвенция об улучшении участи раненых, больных и лиц, потерпевших кораблекрушение, из состава вооруженных сил на море 1949 г. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/1901038> (дата обращения: 04.05.2025).
4. Женевская конвенция об обращении с военнопленными 1949 г. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/1901070> (дата обращения: 10.05.2025).
5. Женевская конвенция о защите гражданского населения во время войны 1949 г. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/geneva_civilian.shtml (дата обращения: 01.05.2025).
6. Дополнительный протокол № 1 к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов, от 8 июня 1977 г. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/901755843> (дата обращения: 03.05.2025).
7. Дополнительный протокол № 2 к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов, от 8 июня 1977 г. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/901739146> (дата обращения: 03.05.2025).
8. Дополнительный протокол № 3 к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающийся принятия дополнительной отличительной эмблемы, от 8 декабря 2005 г. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/geneva_protocol_III.pdf (дата обращения: 04.05.2025).

Grib I. A., Minsk, Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus, cadet of study group 2103, Faculty of Criminal Militia; Academic advisor: Degonsky S. Yu., Minsk, Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus, Head of the Department of Constitutional and International Law, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

**ПРАВОВОЙ СТАТУС ШПИОНОВ (ЛАЗУТЧИКОВ)
И ВОЕННЫХ РАЗВЕДЧИКОВ
КАК УЧАСТНИКОВ ВООРУЖЕННОГО КОНФЛИКТА**

**LEGAL STATUS OF SPIES AND MILITARY SCOUTS
AS PARTICIPANTS IN ARMED CONFLICT**

Дацкевич Д. Р.

Республика Беларусь,
г. Гродно,
УО «Гродненский государственный университет
имени Янки Купалы»,
студент юридического факультета

Научный руководитель

Скютте Д. Н.

Республика Беларусь,
г. Гродно,
УО «Гродненский государственный университет
имени Янки Купалы»,
старший преподаватель кафедры
международного права,
магистр юридических наук

Аннотация: В статье исследуются различия в правовом статусе шпионов и военных разведчиков по международному гуманитарному праву, включая критерии разграничения и последствия пленения.

Ключевые слова: международное гуманитарное право, вооруженный конфликт, шпион, лазутчик, военный разведчик, комбатант, военнопленный, правовой статус.

Annotation: The article examines the differences in the legal status of spies and military scouts under international humanitarian law, including the criteria for distinction and the consequences of capture.

Keywords: international humanitarian law, armed conflict, spy, scout, military intelligence personnel, combatant, prisoner of war, legal status.

Актуальность темы исследования обусловлена непреходящей важностью сбора разведывательной информации в ходе вооруженных конфликтов любого типа и интенсивности. Эффективное ведение боевых действий невозможно без получения данных о силах, намерениях и расположении противника. Однако деятельность лиц, занимающихся сбором такой информации, регулируется специфическими нормами международного гуманитарного права, нарушение которых может повлечь серьез-

ные юридические последствия. В частности, существует необходимость четкого разграничения между законной военной разведкой, осуществляемой комбатантами, и шпионажем, который влечет за собой утрату права на статус военнопленного. Неопределенность в толковании и применении соответствующих норм международного гуманитарного права может приводить к нарушениям прав человека и затруднять соблюдение основополагающих принципов гуманитарного права.

Проблематика правового статуса шпионов и военных разведчиков заключается в определении их прав и обязанностей, особенно в случае захвата противником, и в установлении четких критериев для их дифференциации. Основная сложность проистекает из того факта, что одно и то же лицо, принадлежащее к вооруженным силам, может при одних обстоятельствах действовать как законный комбатант-разведчик, а при других – как шпион, что кардинально меняет его правовую защиту.

Целью настоящего исследования является комплексный анализ и сравнение правового статуса шпионов (лазутчиков) и военных разведчиков как участников вооруженного конфликта согласно действующим нормам международного гуманитарного права. Для достижения поставленной цели определены следующие задачи:

- определить основные принципы международного гуманитарного права, релевантные для статуса участников конфликта;

- раскрыть содержание понятий «шпион» («лазутчик») и «военный разведчик» на основе положений Гаагских конвенций 1907 г. [1] и Дополнительного протокола I 1977 г. к Женевским конвенциям 1949 г. [4];

- проанализировать правовые последствия захвата для каждой из указанных категорий лиц;

- выявить ключевые критерии, используемые международным гуманитарным правом для разграничения статуса шпиона и военного разведчика;

- рассмотреть относящиеся к проблеме примеры из международной практики и доктрины международного гуманитарного права.

Фундаментом для определения статуса лиц, участвующих в сборе разведывательной информации служат общие принципы международного гуманитарного права, прежде всего, принцип различия (*distinction*). Данный принцип требует от сторон в конфликте проводить различие между гражданским населением и комбатантами, а также между гражданскими объектами и военными целями [4, ст. 48; 6, с. 3–4]. Соответственно, правовой статус лиц в период вооруженного конфликта во многом определяется их принадлежностью к одной из двух основных категорий: комбатанты или гражданские лица.

Комбатантами являются лица, входящие в состав вооруженных сил стороны, находящейся в конфликте (за исключением медицинского и духовного персонала), которые имеют право принимать непосредственное участие в военных действиях [4, ст. 43 (2)]. Для признания комбатантом

член вооруженных сил должен подчиняться внутренней дисциплинарной системе, обеспечивающей, среди прочего, соблюдение норм международного гуманитарного права [4, ст. 43 (1)]. Ключевой привилегией комбатанта является право на статус военнопленного в случае захвата неприятелем [3; 4, ст. 44 (1)]. Статус военнопленного обеспечивает защиту от уголовного преследования за сам факт участия в боевых действиях и гарантирует определенные условия содержания и обращения [3].

Однако право на статус военнопленного не является безусловным. Ст. 44 (3) Дополнительного протокола I устанавливает, что комбатанты обязаны отличать себя от гражданского населения во время нападения или в ходе военной операции, подготовка к которой включает их развертывание перед нападением. Это требование обычно выполняется путем ношения установленной формы [4, ст. 44 (3); 5, с. 528–532]. Существуют определенные исключения для ситуаций, когда характер военных действий не позволяет носить форму, но даже в этих случаях комбатант должен открыто носить оружие во время каждого военного столкновения и в то время, когда он находится на виду у противника перед началом нападения [4, ст. 44 (3) b]. Несоблюдение этих требований может привести к утрате права на статус военнопленного.

Гражданские лица, по определению, не входят в состав вооруженных сил и не принимают непосредственного участия в военных действиях [4, ст. 50, 51 (3)]. Они пользуются общей защитой от опасностей, возникающих в связи с военными действиями, и не должны становиться объектом нападения [2; 4, ст. 51 (2)]. Если гражданское лицо принимает непосредственное участие в военных действиях, оно теряет свою защиту на период такого участия [4, ст. 51 (3)]. В случае захвата гражданское лицо не имеет права на статус военнопленного, хотя и пользуется защитой Четвертой Женевской конвенции [2] и фундаментальными гарантиями ст. 75 Дополнительного протокола I [4].

Именно на фоне этих базовых категорий и принципов рассматривается специфический статус шпионов и военных разведчиков.

Понятие шпионажа в международном гуманитарном праве кодифицировано в Гаагском положении о законах и обычаях сухопутной войны 1907 г. (далее – Гаагское положение) [1] и уточнено в Дополнительном протоколе I 1977 г. [4]. Согласно ст. 29 Гаагского положения, шпионом (лазутчиком) признается лицо, которое, действуя тайно или под ложным предлогом, собирает или пытается собрать сведения в районе действий одной из воюющих сторон с намерением сообщить их противной стороне.

Ст. 46 Дополнительного протокола I подтверждает и конкретизирует это определение. Пункт 1 ст. 46 гласит, что любое лицо из состава вооруженных сил стороны, находящейся в конфликте, попадающее во власть противной стороны в то время, когда оно занимается шпионажем, не имеет права на статус военнопленного и с ним могут обращаться как со шпионом.

Шпионажем считается сбор или попытка сбора информации военного характера на территории, контролируемой противной стороной, посредством акта обмана или преднамеренно тайным образом [5, с. 559].

Ключевыми конституирующими элементами шпионажа, таким образом, являются:

метод действия: сбор информации осуществляется тайно (*clandestinely*) или под ложным предлогом (*falsepretences*). Это отличает шпионаж от открытого сбора информации комбатантами;

место действия: действия происходят в зоне операций (районе действий) противника или на территории, находящейся под его контролем;

намерение (*mens rea*): намерение собрать информацию с целью ее передачи враждебной стороне.

Основное юридическое последствие квалификации лица в качестве шпиона заключается в утрате права на статус военнопленного при захвате [1, ст. 30; 4, ст. 46 (1), 46 (3)]. Это означает, что захватившая держава может судить такое лицо по своим национальным законам за шпионаж, который во многих правовых системах карается суровым наказанием, вплоть до смертной казни [7, с. 112].

Однако важно подчеркнуть, что утрата статуса военнопленного не означает утрату всех прав. Шпион не может быть наказан без предварительного судебного разбирательства [1, ст. 30]. Ст. 46 (3) Дополнительного протокола I подтверждает, что с лицом, захваченным во время шпионажа, следует обращаться гуманно, и оно не может быть лишено прав на беспристрастное и нормальное судопроизводство, предусмотренных Четвертой Женевской конвенцией [2] и Дополнительным протоколом I [4], в частности, фундаментальных гарантий ст. 75 Дополнительного протокола I [5, с. 563–564; 6, Rule 108]. Эти гарантии включают право на информацию об обвинении, право на защиту, презумпцию невиновности, запрет пыток и жестокого обращения.

Международное гуманитарное право также устанавливает важные исключения и уточнения:

Член вооруженных сил, собирающий информацию на территории противника в форме своих вооруженных сил, не считается шпионом [1, ст. 29; 4, ст. 46 (2)]. Он рассматривается как законный комбатант и, при захвате, имеет право на статус военнопленного.

Шпион, который успешно вернулся в распоряжение своих вооруженных сил и впоследствии был захвачен противником, не несет ответственности за свои предыдущие акты шпионажа [1, ст. 31; 4, ст. 46 (4)]. В этом случае он рассматривается как обычный военнопленный (если является комбатантом) или защищенное гражданское лицо. Ответственность возникает только если он захвачен во время совершения акта шпионажа (*in flagrante delicto*).

Таким образом, статус шпиона в международном гуманитарном праве характеризуется высоким риском и лишением основной привилегии комбатанта – статуса военнопленного, но при этом сохраняет за лицом базовые гарантии гуманного обращения и справедливого суда.

Военные разведчики – это члены вооруженных сил стороны в конфликте, чьей основной или одной из основных задач является сбор информации о противнике, местности или других аспектах, имеющих военное значение [8, с. 765]. В отличие от шпионов, их деятельность, по общему правилу, рассматривается как легитимная и неотъемлемая часть военных операций.

Когда военный разведчик действует открыто, в форме своих вооруженных сил и соблюдает требование отличать себя от гражданского населения, он является законным комбатантом в полном смысле этого слова [4, ст. 43, 44]. Его действия по сбору информации, даже на территории, контролируемой противником (например, в ходе разведывательного рейда или патрулирования), считаются правомерным участием в военных действиях [5, с. 561]. Следовательно, если такой разведчик попадает в плен, он имеет полное право на статус военнопленного согласно Третьей Женевской конвенции [3] и ст. 46 (2) Дополнительного протокола I.

Ситуация кардинально меняется, если военнослужащий, выполняющий разведывательные задачи, прибегает к методам, характерным для шпионажа. Если член вооруженных сил собирает или пытается собрать информацию, действуя тайно (например, скрытно проникая на объект) или под ложным предлогом (например, используя гражданскую одежду, форму противника или нейтрального государства) в зоне операций противника, он подпадает под определение шпиона, изложенное в ст. 46 (1) Дополнительного протокола I. В этом случае, несмотря на свою принадлежность к вооруженным силам, он при захвате утрачивает право на статус военнопленного и может быть судим за шпионаж [4, ст. 46 (3); 9, с. 258].

Следовательно, различие между законной военной разведкой и шпионажем проводится не по цели действий (сбор информации), а по способу их совершения. Ключевым критерием является соблюдение комбатантом обязанности отличать себя от гражданского населения и от противника, прежде всего, путем ношения формы [10, с. 452].

В этом контексте важно также отличать шпионаж от допустимых военных хитростей (*ruses of war*) и запрещенного вероломства (*perfidy*). Военные хитрости, такие как использование маскировки, ловушек, ложной информации, дезинформация, имитация действий, разрешены международным гуманитарным правом [1, ст. 24; 4, ст. 37 (2)]. Они направлены на введение противника в заблуждение, но не нарушают норм международного гуманитарного права и не злоупотребляют защитными знаками или статусом. Вероломство же запрещено и определяется как действия, направленные на то, чтобы обмануть доверие противника и заставить его поверить, что он имеет право на защиту или обязан предоставить ее согласно нормам

международного гуманитарного права, с целью обмана этого доверия [4, ст. 37 (1)]. Примерами вероломства являются симуляция капитуляции для нападения, симуляция ранения, незаконное использование флагов и эмблем ООН, противника, нейтральных государств, защитных эмблем Красного Креста/Полумесяца, а также симуляция обладания статусом гражданского лица или некомбатанта [4, ст. 37 (1); 6, Rules 57–65]. Сбор информации под прикрытием формы противника или гражданской одежды часто будет рассматриваться либо как шпионаж, либо как вероломство (если сопряжено с обманом доверия), и в обоих случаях ведет к потере права на статус военнопленного [5, с. 467–469; 11].

Проведенный анализ норм международного гуманитарного права позволяет выделить основные сходства и различия в правовом статусе шпионов и военных разведчиков, действующих в своей форме.

Общая цель: и те, и другие могут преследовать одинаковую цель – сбор информации, представляющей военный интерес.

Принадлежность: шпионом может быть как член вооруженных сил, так и гражданское лицо. Военный разведчик по определению является членом вооруженных сил.

Ключевые различия проявляются в методах действий и, как следствие, в правовом статусе при захвате.

Метод действий: военный разведчик, претендующий на статус комбатанта и военнопленного, должен действовать открыто, в форме своих вооруженных сил, соблюдая принцип различия. Шпион действует тайно или под ложным предлогом (в гражданской одежде, форме противника и т. п.). Именно этот критерий – *modus operandi* – является решающим для разграничения [5, с. 561; 12, с. 155].

Право на статус военнопленного: военный разведчик, захваченный при выполнении задания в форме своей армии, имеет право на статус военнопленного [3; 4, ст. 46 (2)]. Шпион, захваченный во время своей миссии (*inflagrantedelicto*), этого права лишен [1, ст. 30; 4, ст. 46 (1), 46 (3)].

Последствия захвата: захваченный военный разведчик (в форме) подлежит интернированию как военнопленный. Захваченный шпион может быть подвергнут уголовному преследованию за шпионаж по законам захватившей державы, но с соблюдением гарантий справедливого судебного разбирательства [4, ст. 75; 6, Rule 108].

Правовое основание: статус комбатанта-разведчика определяется общими нормами о комбатантах (ст. 43, 44 Дополнительного протокола I) и уточняется в ст. 46 (2) Дополнительного протокола I. Статус шпиона регулируется ст. 29–31 Гаагского положения 1907 г. и ст. 46 Дополнительного протокола I.

Таким образом, международное гуманитарное право проводит четкую границу между законной разведывательной деятельностью комбатантов и шпионажем. Принадлежность к вооруженным силам сама по себе не

гарантирует иммунитета от обвинений в шпионаже, если военнослужащий прибегает к запрещенным методам сбора информации. Решающее значение имеет способ действий лица в момент, предшествующий захвату.

Практика применения норм Дополнительного протокола, касающихся шпионов и военных разведчиков, иллюстрирует как само разграничение, так и его сложность в реальных условиях конфликта.

Исторически, еще до кодификации в Гааге и Женеве, сложилось обычное право, согласно которому захваченные шпионы подлежали суду и суровому наказанию, в то время как разведчики в форме рассматривались как обычные комбатанты [13, с. 208–210].

Судебная практика после Второй мировой войны подтвердила эти принципы. Например, в деле *ExParteQuirin* (1942 г.) Верховный суд США подтвердил правомерность суда военной комиссии над немецкими диверсантами, высадившимися на территории США в гражданской одежде с целью совершения диверсий и сбора информации, отказав им в статусе военнопленных. Хотя основной акцент был на диверсионной деятельности, элемент сбора информации и тайный характер действий (снятие формы) были ключевыми.

В другом известном деле, связанном с Арденнской операцией (1944 г.), немецкие коммандос под руководством Отто Скорцени использовали американскую форму и технику для проникновения в тыл союзников с целью диверсий и создания хаоса. Те из них, кто был захвачен в американской форме за линией фронта, были судимы военными трибуналами союзников как шпионы (или за незаконное ношение формы) и многие были казнены [14]. Сам Скорцени и его штаб были оправданы американским военным трибуналом в Дахау (1947 г.) по обвинению в нарушении законов войны, связанных с использованием формы противника, но суд подтвердил, что ношение вражеской формы во время боя является незаконным. Использование ее для проникновения с последующим переодеванием перед боем или для шпионажа остается крайне рискованным и может лишить статуса военнопленного [11; 15, с. 630–633].

Международный Комитет Красного Креста (МККК) в своих Комментариях к Дополнительным протоколам [5] и Исследовании по обычному международному гуманитарному праву [6] последовательно подтверждает описанные выше критерии разграничения. Правило 107 Исследования гласит: «шпионаж запрещен», но уточняет, что речь идет именно о действиях под ложным предлогом или тайно. Правило 108 подтверждает право шпиона на справедливый суд [6, с. 447–455].

Современная практика осложняется развитием технологий (кибершпионаж, использование БПЛА для разведки), что ставит новые вопросы о применимости традиционных определений, основанных на физическом присутствии и «тайных» действиях в классическом понимании [16]. Однако основополагающий принцип разграничения между открытой разведкой

комбатантов и тайной деятельностью, лишаящей защиты, сохраняет свою силу. Национальные военные уставы и руководства большинства государств отражают нормы Гаагского положения и Дополнительного протокола I.

Сложность доказывания тайного характера действий или намерения передать информацию противнику, а также засекреченность многих операций и судебных процессов по делам о шпионаже затрудняют сбор исчерпывающих данных о современной практике. Тем не менее, имеющиеся источники подтверждают устойчивость нормативной базы, разграничивающей шпионаж и законную военную разведку.

Проведенный анализ норм международного гуманитарного права и практики их применения позволяет сделать следующие выводы:

1. Международное гуманитарное право устанавливает четкие правовые различия между статусом шпионов (лазутчиков) и военных разведчиков, действующих в качестве комбатантов. Основой для этого разграничения служит принцип различия и правила, регулирующие статус комбатантов и гражданских лиц.

2. Ключевым критерием для определения правового статуса лица, захваченного при сборе информации в зоне операций противника, является не его принадлежность к вооруженным силам или цель действий, а способ (*modus operandi*), которым эти действия осуществлялись. Действия, совершенные тайно или под ложным предлогом, квалифицируются как шпионаж. Действия, совершенные открыто, в форме своих вооруженных сил, рассматриваются как законная военная разведка.

3. Основным юридическим последствием квалификации действий лица как шпионажа является утрата им права на статус военнопленного при захвате противником. Такое лицо может быть судимо по национальным законам захватившей державы за шпионаж.

4. Несмотря на утрату статуса военнопленного, лицо, обвиняемое в шпионаже, сохраняет право на гуманное обращение и фундаментальные гарантии справедливого судебного разбирательства, предусмотренные международным гуманитарным правом, в частности ст. 75 Дополнительного протокола I.

5. Военный разведчик, действующий в соответствии с требованиями международного гуманитарного права (в форме своих вооруженных сил), является законным комбатантом и при захвате пользуется всеми правами военнопленного согласно Третьей Женевской конвенции.

Таким образом, нормы международного гуманитарного права, касающиеся шпионажа и военной разведки, направлены на поддержание баланса между военной необходимостью (в сборе информации) и гуманитарными требованиями (защита лиц, попавших во власть противника). Четкое понимание и соблюдение этих норм имеет важное практическое значение для всех участников вооруженных конфликтов, способствуя

предотвращению злоупотреблений и обеспечению минимальных стандартов защиты для всех категорий лиц.

Дальнейшего изучения требуют вопросы адаптации существующих норм к новым методам и технологиям ведения разведки, таким как кибершпионаж и использование беспилотных систем, а также анализ статуса сотрудников частных военных и охранных компаний, привлекаемых к сбору разведывательной информации в зонах конфликтов.

Список цитированных источников

1. Конвенция о законах и обычаях сухопутной войны (IV Гагская конвенция) : принята 18 окт. 1907 г. в г. Гааге // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. – М. : Госполитиздат, 1957. – Вып. XV. – С. 331–355.

2. Женевская конвенция о защите гражданского населения во время войны : принята 12 авг. 1949 г. в г. Женеве // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. – М. : Госполитиздат, 1957. – Вып. XVI. – С. 111–164.

3. Женевская конвенция об обращении с военнопленными : принята 12 авг. 1949 г. в г. Женеве // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. – М. : Госполитиздат, 1957. – Вып. XVI. – С. 41–108.

4. Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 авг. 1949 г., касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов (Протокол I) : подписан в г. Женеве 8 июня 1977 г. // Сборник международных договоров СССР. – М. : Международные отношения, 1993. – Вып. XLVI. – С. 130–198.

5. Commentary on the Additional Protocols of 8 June 1977 to the Geneva Conventions of 12 August 1949 / ed. by Y. Sandoz, C. Swinarski, B. Zimmermann. – Geneva : ICRC ; Martinus Nijhoff Publishers, 1987. – 1625 p.

6. Хенкертс, Ж.-М. Обычное международное гуманитарное право. / Ж.-М. Хенкертс, Л. Досвальд-Бек; пер. с англ. – М. : МККК, 2006. – Т. I: Нормы. – 815 с. (Оригинал: Henckaerts, J.-M. Customary International Humanitarian Law. / J.-M. Henckaerts, L. Doswald-Beck. – Cambridge : Cambridge University Press ; ICRC, 2005. – Vol. I : Rules. – 621 p.).

7. Котляров, И. И. Международное гуманитарное право : учебник / И. И. Котляров. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : Юрлитинформ, 2011. – 304 с.

8. The Handbook of International Humanitarian Law / ed. by D. Fleck. – 3rd ed. – Oxford : Oxford University Press, 2013. – 912 p.

9. Кальсховен, Ф. Ограничения методов и средств ведения войны / Ф. Кальсховен, Л. Зэгвельд ; пер. с англ. – 3-е изд. – М. : МККК, 2011. – 358 с.

10. Dinstein, Y. The Conduct of Hostilities under the Law of International Armed Conflict / Y. Dinstein. – 3rd ed. – Cambridge : Cambridge University Press, 2016. – 362 p.

11. Watkin, K. Warriors Without Rights? Combatants, Unprivileged Belligerents, and the Struggle Over Legitimacy / K. Watkin // Program on Humanitarian Policy and Conflict Research, Harvard University. Occasional Paper Series. – 2005. – № 2. – P. 1–48.

12. Арцибасов, И. Н. Международное право (законы и обычаи войны) : учеб. пособие / И. Н. Арцибасов, С. А. Егоров. – М. : Воениздат, 1975. – 224 с.

13. Pictet, J. Development and Principles of International Humanitarian Law / J. Pictet. – Geneva : Martinus Nijhoff Publishers ; Henry Dunant Institute, 1985. – 99 p.
14. Trial of Otto Skorzeny and others, General Military Government Court of the U. S. Zone of Germany, 18 August to 9 September 1947 // Law Reports of Trials of War Criminals. – London : H. M. Stationery Off., 1949. – Vol. IX. – P. 90–94.
15. Solis, G. D. The Law of Armed Conflict: International Humanitarian Law in War / G. D. Solis. – 2nd ed. – Cambridge : Cambridge University Press, 2016. – 834 p.
16. Schmitt, M. N. Tallinn Manual 2.0 on the International Law Applicable to Cyber Operations / M. N. Schmitt (General Editor). – Cambridge : Cambridge University Press, 2017. – 642 p.

Datskevich D. R., Grodno, Yanka Kupala State University of Grodno, Faculty of Law; Academic advisor: Skiutte D. N., Grodno, Yanka Kupala State University of Grodno, Senior Lecturer at the Department of International Law, Master of Law.

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВАЯ ЗАЩИТА ЖУРНАЛИСТОВ В ЗОНАХ ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ

INTERNATIONAL LEGAL PROTECTION OF JOURNALISTS IN AREAS OF ARMED CONFLICT

Коледа М. С.

Республика Беларусь,
г. Минск,
УО Федерации профсоюзов Беларуси
«Международный университет «МИТСО»,
студент юридического факультета

Научный руководитель

Макарова М. Ю.

Республика Беларусь,
г. Минск,
УО Федерации профсоюзов Беларуси
«Международный университет «МИТСО»,
старший преподаватель кафедры
международного права, магистр

Аннотация: В статье рассматривается проблема защиты журналистов в зонах вооруженных конфликтов, где их роль в информировании общественности сопряжена с высоким риском. Анализируется правовой статус журналистов и способы их защиты, а также выявляются факторы, ограничивающие реализацию правовых механизмов защиты журналистов.

Ключевые слова: военные корреспонденты, III Женевская конвенция, Международный уголовный суд, общественные журналисты, международное гуманитарное право.

Annotation: The article examines the problem of protecting journalists in areas of armed conflict, where their role in informing the public is fraught with high risk. The article analyzes the legal status of journalists and ways to protect them, as well as identifies factors limiting the implementation of legal mechanisms to protect journalists.

Keywords: war correspondents, III Geneva Convention, International Criminal Court, public journalists, international humanitarian law.

В современном мире для журналистов в зонах вооруженных конфликтов отводится особая роль – информирование о ходе вооруженных конфликтов. За последние годы увеличился рост числа вооруженных конфликтов в мире, а также возросло число нападений на журналистов. Только за три месяца 2023 года в зонах конфликтов погибли 27 журналистов, что стало самым смертоносным кварталом для журналистов как минимум

с 2007 года. Недостаточная эффективность существующих механизмов защиты и безнаказанность за преступления против журналистов усугубляют ситуацию и подрывают основы свободы прессы [1].

В международном гуманитарном праве журналисты в ситуации вооруженного конфликта разделяются на две категории: военные корреспонденты, аккредитованные при вооруженных силах, и журналисты, находящиеся в опасной профессиональной командировке без аккредитации. Правовая защита журналистов зависит от их статуса. Военные корреспонденты, аккредитованные при вооруженных силах, пользуются защитой, предусмотренной III Женевской конвенцией. Журналисты, находящиеся в опасной профессиональной командировке без аккредитации, обладают статусом гражданских лиц и находятся под защитой ст. 79 Дополнительного протокола I, при условии, что они не совершают действий, несовместимых со статусом гражданского лица [2].

Журналисты, стремящиеся в зоны конфликтов, подвергаются повышенному риску незаконного задержания. Различие в статусе между военным корреспондентом и неаккредитованным журналистом проявляется в том, что только военные корреспонденты могут получить статус военнопленного и право на сопровождение вооруженными силами, что дает им правовую защиту, соответствующую III Женевской конвенции [3, с. 87]. Несмотря на то, что ст. 79 Дополнительного протокола I, кажется, предоставляет менее значимую правовую защиту неаккредитованным журналистам, она закрепляет их статус как гражданских лиц. Следовательно, для полного понимания их защиты достаточно заменить термин «гражданские лица» на «журналист» в Женевских конвенциях и Дополнительных протоколах [4].

Хоть журналисты и находятся под протекцией международного гуманитарного права, не стоит рассчитывать только на данную правовую защиту. Так как не всегда стороны конфликта придерживаются правил ведения войны. Одним из таких примеров является случай убийства журналиста Ширин Абу Акле. Ширин Абу Акле, опытный палестинский журналист телеканала «Аль-Джазира», освещала рейд израильских сил обороны (ЦАХАЛ) в лагере беженцев в Дженине. Во время репортажа она была в бронежилете с надписью «PRESS» и в шлеме. Журналист была застрелена, предположительно, израильскими солдатами. Очевидцы, в том числе другие журналисты, находившиеся рядом, утверждали, что огонь велся со стороны израильских военных. Изначально правительство Израиля не признавало, что огонь велся с их стороны, однако Управление Верховного комиссара ООН по правам человека опубликовало результаты расследования, которые показали, что журналист погибла от пули, выпущенной со стороны Израиля. Данное государство предложило совместное расследование инцидента, допустив, что огонь могли открыть палестинские боевики, но палестинская сторона отвергла это предложение и любое сотрудничество с Израилем, заявив о намерении инициировать международное расследование и передать дело

об убийстве журналиста в Международный уголовный суд. Израиль не ратифицировала Римский статут и, соответственно, теперь не попадает под юрисдикцию Международного уголовного суда, что означает Израиль не могут привлечь юридически к ответственности [5]. Таким образом, в данном случае были нарушены нормы международного гуманитарного права, такие как: несоблюдение принципа различия между комбатантами и гражданскими лицами, несоблюдение принципа предосторожности.

Одной из организаций, занимающиеся защитой журналистов является специализированное агентство ООН – ЮНЕСКО, которое наделено мандатом по защите свободы слова и обеспечению защиты журналистов по всему миру. Согласно данным 2023 года, число погибших журналистов в районе вооруженных конфликтов снизилось с 88 до 65. Данная организация помимо реализации Плана действий ООН по обеспечению безопасности журналистов и решению проблемы безнаказанности также занимается заявлениями по каждому случаю убийства журналиста и следит за последующими судебными разбирательствами [1].

На официальном сайте Международного Комитета Красного Креста закреплено, что журналисты полностью защищены Женевскими конвенциями и их Дополнительными протоколами [6]. Однако некоторые международные организации, такие как Комитет по защите журналистов, Международная федерация журналистов и Международный институт прессы считают, что этого недостаточно для защиты журналистов. Данные организации выступают за то, что необходимы отдельные положения, регулирующие защиту журналистов. На данный момент, из-за отсутствия четкого определения, кто является журналистом, границы применения Женевских конвенций и их Дополнительных протоколов размыты. В связи с данной проблемой вышеперечисленные организации выдвинули ряд предложений, связанных с защитой журналистов, такие как установление лучших стандартов в сфере безопасности, а также более жесткое применение положений Дополнительных протоколов. На данный момент данные предложения не были одобрены [7, с. 20].

В современном мире помимо журналистов существуют общественные журналисты, такие как блогеры и другие. По своей сути правовой статус журналистов и блогеров не имеет особых различий, так как и журналисты, и блогеры, являются субъектами, освещающие массовую информацию. Однако деятельность блогеров носит более свободный характер, что делает актуальным разработку отдельного от журналиста правового статуса. Блогеры, как независимые источники информации, часто публикуют материалы, которые не соответствуют официальной позиции конфликтующих сторон, что увеличивает риск нападения на них. Одним из таких примеров является убийство Раеда Фареса и Хамуда Джнида. Сирийский радиоведущий и блогер Раед Фарес, основатель независимой радиостанции Radio Fresh, был убит в 2018 году в провинции Идлиб вместе с активистом Хамудом Джнидом. Фарес был известен своей критикой как режима Асада, так

и террористических организаций, за что подвергался преследованиям, пыткам и нападениям на его радиостанцию. Его называли «совестью революции» за освещение борьбы сирийцев за выживание в условиях конфликта [8]. Точная статистика по таким нападениям труднодоступна, поскольку многие инциденты остаются незарегистрированными или не расследованными должным образом. Следовательно, стало тяжело различать, кто является журналистом, а кто медийно активным гражданином. В тоже время это особо не влияет на нормы международного гуманитарного права, так как кроме военных корреспондентов, все остальные носят статус гражданских лиц [7, с. 20].

Хотя существует значительный объем норм международного права, направленного на защиту журналистов, включая Женевские конвенции, Дополнительные протоколы и различные резолюции ООН, эффективная реализация этих правовых норм остается серьезной проблемой. Факт нарушений международного гуманитарного права не указывает на фундаментальные недостатки в самой правовой базе, а скорее подчеркивает сложности в ее применении на практике, вызванные целым рядом факторов. Отсутствие четких критериев для идентификации журналистов, особенно работающих в зонах конфликтов, делает их уязвимыми для нападений и произвольных задержаний. Существенную проблему представляет отсутствие четких критериев для идентификации журналистов, особенно работающих в зонах конфликтов. Неопределенность в статусе журналиста, особенно в отношении общественных журналистов, делает их уязвимыми для нападений и произвольных задержаний. Отсутствие единого международного стандарта для идентификации журналистов затрудняет их защиту со стороны международных организаций.

Технологический прогресс, в частности, использование беспилотных летательных аппаратов и других автономных систем вооружений, кардинально меняет характер современных вооруженных конфликтов. Это создает новые вызовы для применения международного гуманитарного права, поскольку существующие нормы не всегда адекватно отражают специфику использования этих технологий.

Влияние технологического прогресса ощущается и в сфере журналистики. Появление новых форм журналистской деятельности, таких как общественная журналистика, размывает границы между профессиональными журналистами и другими участниками информационного пространства. Однако это затрудняет применение существующих правовых норм, предназначенных для защиты профессиональных журналистов, к лицам, занимающимся сбором и распространением информации в зонах конфликтов, но не имеющих официального статуса или аккредитации. Отсутствие четких критериев для определения статуса журналиста и размытие границ между профессиональными и общественными журналистами создают правовую неопределенность и затрудняют обеспечение их защиты в соответствии с международным гуманитарным правом. Возникают вопросы о том,

кто имеет право на защиту в качестве журналиста, какие права и обязанности у этих лиц, и как обеспечить их безопасность в условиях повышенного риска. Более того, технологический прогресс приводит к появлению новых угроз для журналистов, таких как онлайн-слежка, кибер-атаки и дезинформационные кампании, направленные на дискредитацию и запугивание журналистов, освещающих события в зонах конфликтов.

Решение проблемы защиты журналистов в современных условиях требует совершенствования правовой базы международного гуманитарного права с учетом технологических изменений и новых форм журналистской деятельности. Необходимо разработать более четкие определения и критерии, позволяющие однозначно идентифицировать журналистов и обеспечить их защиту в соответствии с международным правом. Важным условием эффективной защиты журналистов является укрепление механизмов ответственности за нарушения норм международного гуманитарного права. В этой связи, необходимо работать над повышением уровня ратификации Римского статута, который является основой для деятельности Международного уголовного суда. Устранение противоречий в Римском статуте и укрепление независимости и эффективности Международного уголовного суда позволит повысить вероятность привлечения к ответственности лиц, совершающих военные преступления и преступления против человечности, включая нападения на журналистов. Соответственно, увеличение нарушений норм международного гуманитарного права является скорее следствием этих факторов, а не первопричиной проблемы.

Список цитированных источников:

1. 2023 год: тревожный рост числа журналистов, убитых в зонах конфликтов // Новости ООН. – URL: <https://news.un.org/ru/story/2023/12/1447932> (дата обращения: 07.04.2025).

2. Защита журналистов в рамках гуманитарного права // Практический словарь гуманитарного права. – URL: [https://slovar-gumanitarnogo-prava.org/content/article/4/zhurnalist/#:~:text=Журналисты %2С %20находящиеся %20в %20опасных %20профессиональных,с %20их %20статусом %20гражданских %20лиц](https://slovar-gumanitarnogo-prava.org/content/article/4/zhurnalist/#:~:text=Журналисты%20находящиеся%20в%20опасных%20профессиональных,с%20их%20статусом%20гражданских%20лиц) (дата обращения: 07.04.2025).

3. Демидова, Т. К. Роль СМИ в период вооруженных конфликтов / Т. К. Демидова, Г. Г. Баймухаметова // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2022. – Т. 11, № 5. – С. 86–89.

4. Как международное право защищает журналистов в ситуациях вооруженных конфликтов? // Международный Комитет Красного Креста. – URL: <https://www.icrc.org/ru/document/kak-mezhdunarodnoe-pravo-zashchishchaet-zhurnalistov-v-situaciyah-vooruzhennyh-konfliktov> (дата обращения: 07.04.2025).

5. Al Jazeera подал иск в МУС против Израиля по делу о гибели своей журналистки // Информационное агентство ТАСС. – URL: <https://tass.ru/obschestvo/16511737> (дата обращения: 07.04.2025).

6. Защита журналистов: вопросы и ответы // Офиц. сайт Международного Комитета Красного Креста. – URL: [https://www.icrc.org/ru/document/zashchita-zhurnalistov-i-goryachaya-liniya-mkkk-voprosy-i-otvety#:~:text=МККК %20считает%2C%20что %20существующие %20правовые,перед %20судом %20и %20понести %20наказание](https://www.icrc.org/ru/document/zashchita-zhurnalistov-i-goryachaya-liniya-mkkk-voprosy-i-otvety#:~:text=МККК%20считает%2C%20что%20существующие%20правовые,перед%20судом%20и%20понести%20наказание) (дата обращения: 07.04.2025).

7. Журналистика в условиях конфликта: передовой опыт и рекомендации. Пособие с рекомендациями для работников СМИ. – К.: Компания ВАИТЭ, 2016. – 118 с.

8. Influential Syrian activist Raed Fares gunned down in Idlib // Guardian News & Media Limited. – URL: <https://www.theguardian.com/world/2018/nov/23/influential-syrian-activist-raed-fares-gunned-down-in-idlib> (date of access: 07.04.2025).

Koleda M. S., Minsk, International University «MITSO», student of the Faculty of Law; Academic advisor: Makarova M. Yu., Minsk, International University «MITSO», Senior Lecturer of the Department of International Law, Master of Law.

**РАЗВИТИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ГУМАНИТАРНОГО ПРАВА
В КОНТЕКСТЕ ЗАЩИТЫ КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ
ВО ВРЕМЯ ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ**

**DEVELOPMENT OF INTERNATIONAL HUMANITARIAN LAW
IN THE CONTEXT OF THE PROTECTION OF CULTURAL PROPERTY
DURING ARMED CONFLICTS**

Кухарчик А. А.

Республика Беларусь,
г. Минск,
УО «Академия Министерства внутренних дел
Республики Беларусь»,
студент факультета права

Научный руководитель

Середа Р. А.

Республика Беларусь,
г. Минск,
УО «Академия Министерства внутренних дел
Республики Беларусь»,
заместитель начальника кафедры
конституционного и международного права,
кандидат юридических наук, доцент

Аннотация: Рассматривается развитие международного гуманитарного права в сфере охраны культурных ценностей во время вооруженных конфликтов, включая ключевые документы и механизмы, способствующие сохранению культурного наследия.

Ключевые слова: защита культурных ценностей, международное гуманитарное право, ЮНЕСКО, культурное наследие, конвенция, законодательство.

Annotation: The article examines the development of international humanitarian law in the field of protection of cultural property during armed conflicts, including key documents and mechanisms that contribute to the preservation of cultural heritage.

Keywords: protection of cultural property, international humanitarian law, UNESCO, cultural heritage, convention, legislation.

Защита культурных ценностей во время вооруженных конфликтов представляет собой одну из наиболее острых и актуальных проблем современного общества. В условиях войны и насилия, культурное наследие становится уязвимым объектом, выступая одновременно жертвой и мишенью конфликтов.

Защита культурных ценностей имеет множество важных аспектов, которые затрагивают как общество в целом, так и отдельных людей. К примеру:

1. Культурные ценности формируют национальную и локальную идентичность. Они помогают людям чувствовать свою принадлежность к определенной культуре, что является важной частью самосознания.

2. Они передаются из поколения в поколение и содержат в себе историческую память народа. Защита этих ценностей позволяет сохранить историю и уникальную идентичность общества. Разнообразие культурных ценностей способствует социальному взаимодействию и пониманию между разными народами и культурами. Защита культурного разнообразия способствует толерантности и уважению к различиям.

3. Культурные ценности могут укреплять социальные связи внутри общества, способствуя единству и поддерживая общие цели и идеалы.

4. Культурное наследие может представлять собой значительный экономический ресурс, например, через туризм и культурные мероприятия. Защита культурных ценностей также может способствовать развитию креативных индустрий.

5. Культурные ценности служат источником вдохновения и знания. Они могут побуждать к творчеству, инновациям и критическому мышлению.

6. Культурные ценности отражают этические нормы и моральные установки общества, которые помогают людям ориентироваться в сложных жизненных ситуациях и делать правильные выборы.

В целом, защита культурных ценностей важна для поддержания богатства человеческого опыта и способствует устойчивому развитию обществ.

К сожалению, военные действия часто сопровождаются уничтожением памятников архитектуры, произведений искусства и других элементов культуры, что ведет к необратимым потерям для человечества. В связи с этим возникает необходимость в исследовании и анализе деятельности правоохранительных органов, направленной на защиту и сохранение культурных ценностей в условиях вооруженных конфликтов.

В современных международных отношениях происходит активная борьба между государствами и народами. Во все времена разрушительные последствия войн и конфликтов сказывались не только на государствах, народах и их собственности, но и на исторических и культурных памятниках и ценностях. В таких конфликтах культурные ценности могут рассматриваться как символы культурной самобытности и истории воюющей стороны.

Деятельность государств в подобных экстремальных условиях регулируется принципами и нормами международного права, применяемого в период вооруженных конфликтов. Данная отрасль современного международного права получила название «международное гуманитарное право» и является одной из старейших и наиболее разработанных отраслей. Встречаются и другие названия этой отрасли: «право вооруженных конфликтов»,

«право войны», «законы и обычаи войны». Однако наибольшее распространение имеет термин «международное гуманитарное право».

Под международным гуманитарным правом (далее – МГП) понимается цельная система юридических принципов и норм, применяемых как в международных, так и в немеждународных вооруженных конфликтах, устанавливающих взаимные права и обязанности субъектов международного права по запрещению или ограничению применения определенных средств и методов ведения вооруженной борьбы, обеспечению защиты жертв конфликта в ходе этой борьбы и определяющих ответственность за нарушение этих принципов и норм [1, с. 2].

Согласно МГП, культурные ценности – это объекты движимого или недвижимого имущества, которые имеют большое значение для культурного наследия каждого народа. Например, это могут быть памятники архитектуры или истории, места археологических раскопок, произведения искусства или книги. Критерий заключается в том, что они должны представлять определенную ценность. Не всякая церковь или памятник подлежат защите как культурные ценности, однако они пользуются защитой МГП в качестве гражданских объектов. Действительно, во многих случаях оценка объекта для отнесения его к числу культурных ценностей – сложный и даже спорный процесс.

Представляется, что сознательное разрушение объектов культурного наследия обусловлено непринятием чужих взглядов, идей и мнений. Как пишет Ф. Бюньон, директор Управления международного права и сотрудничества в рамках движения Международного комитета Красного Креста (МККК), целью уничтожения памятников является «...убийство души человека, его истории, культуры и религии, чтобы впоследствии стереть все следы его существования...» [2, с. 5].

Таким образом, инаковость культуры, религии используется как оправдание преступных действий в отношении памятников. Это позволяет квалифицировать разрушение объектов наследия, совершенное с целью уничтожить историю и культуру народа как террористическое преступление, которое подрывает мир и международную безопасность [3, с. 86].

Например, разрушение музеев и древних памятников в Ираке и Сирии стало одной из самых трагических страниц культурного наследия в 21 веке. Конфликт с Исламским государством (ИГИЛ), который начался в Ираке в 2013 году и распространился на Сирию, привел к массовому уничтожению ценнейших исторических объектов, музеев, археологических памятников и культурных артефактов.

ИГИЛ, радикальная исламская террористическая организация, объявила о создании халифата (арабо-мусульманское государство) на захваченных территориях в Ираке и Сирии. В рамках своей идеологии, основанной на строгом толковании ислама, группа стремилась разрушить культурное наследие, которое, по их мнению, противоречило исламским учениям.

Это включало как мусульманские, так и немусульманские памятники, так как ИГИЛ рассматривал их как идолопоклонство.

Одним из разрушенных культурных ценностей стал Ассирийский музей в Мосуле. В 2015 году боевики ИГИЛ ворвались в музей, где хранились уникальные ассирийские артефакты, созданные более 3000 лет назад. Они разрушили статуи, рельефы, а также множество других исторических экспонатов, используя мачете и взрывчатые вещества. Это вызвало международный шок и осуждение, поскольку музей был одним из важнейших хранилищ ассирийского наследия. В Ираке также пострадали другие важные объекты, такие как руины древнего города Нимруд и Ассур, которые были разрушены и разграблены. Нимруд, один из важнейших центров ассирийской цивилизации, был фактически стер с лица земли.

Наиболее известным местом разрушения культурного наследия в Сирии стал древний город Пальмира, который был внесен в список всемирного наследия ЮНЕСКО. В 2015 году ИГИЛ захватил Пальмиру и начал разрушать ее храмы и статуи, включая знаменитый храм Баал-шамина и архитектурные памятники, относящиеся к римской эпохе. Основной целью разрушения были не только руины, но и попытка стереть культурную память, что также сопровождалось разграблением.

Мировое сообщество отреагировало на эти акты вандализма с глубоким возмущением. Организации, такие как ЮНЕСКО, выразили свою позицию на международных форумах, осуждая уничтожение культурного наследия. Были предприняты усилия по сохранению оставшихся артефактов, а также по разработке программ восстановления культурного наследия после завершения конфликтов.

После освобождения территорий от ИГИЛ в Ираке и Сирии начались усилия по восстановлению разрушенных памятников и музеев, хотя этот процесс сталкивается с многочисленными трудностями. Недостаток финансирования, политическая нестабильность и необходимость в безопасности оставляют много вопросов открытыми.

В целом, разрушение музеев и древних памятников в Ираке и Сирии – это не только утрата отдельных объектов, но и уничтожение культурной памяти и национальной идентичности народов, которые на протяжении тысячелетий создавали и сохраняли свое наследие.

Так же, по данным Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР, во время Великой Отечественной войны (1941–1945) было разрушено 427 музеев, в том числе 154 российских (из них 20 художественных).

Суммируя факты, отражающие политику национал-социалистов в отношении культурных ценностей Советского Союза, можно с полной уверенностью сказать о том, что в основе ее реализации лежала идея геноцида

по отношению к культурному достоянию народов нашей страны. Взорванные и уничтоженные нацистами музеи, картинные галереи, библиотеки были памятниками национальной культуры. Фашистам мало было физически уничтожить большую часть народов, населяющих территорию нашей страны, надо было уничтожить корни национальной культуры.

Таким образом, уничтожение культурных ценностей СССР нельзя отнести к издержкам обыкновенной войны. Хорошо отлаженная нацистами система уничтожения и расхищения культурных ценностей не имела аналогов в истории цивилизации. В результате действий нацистов был утрачен целый пласт культурных ценностей нашей страны. Поэтому до сих пор принимаются все необходимые меры по розыску и возвращению утраченного в годы войны национального культурного достояния, а также проводятся мероприятия по улучшению их защиты.

Анализируя приведенные примеры, становится понятным, что сохранение культурных ценностей является одной из приоритетных задач мирового сообщества.

Можно заметить, что в мире нет общемировых разработанных способов защиты культурных ценностей. Как справедливо отмечает А. А. Ахметзянов, «...защита культурных ценностей в основном осуществляется внутригосударственными средствами» [4, с. 22]. Государство самостоятельно осуществляет деятельность по охране культурного наследия [5, с. 90].

Правовое регулирование действий по защите культурных ценностей в условиях вооруженного конфликта основывается на международном и национальном праве.

Правовые нормы, относящиеся к защите культурных ценностей во время вооруженных конфликтов, содержатся в международном договорном и обычном праве, в том числе в Гаагской конвенции о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта 1954 г. и двух Протоколах к ней, а также в Дополнительных протоколах 1977 г. к Женевским конвенциям 1949 г. Дополнительные протоколы к Женевским конвенциям: содержат нормы, касающиеся охраны культурных ценностей в условиях конфликта.

Гаагская конвенция 1954 г. о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта: устанавливает основные обязанности государств по защите культурных ценностей, включая обязательства по предотвращению их уничтожения и повреждения [6].

Согласно положениям Конвенции и двух протоколов, принятым в дополнении к ней (1954, 1999 гг.) культурные ценности могут быть взяты под общую защиту (ст. 2) и под специальную (ст. 8), а также усиленную:

1. Общая защита подразумевает под собой защиту любого объекта, который подпадает под конвенционное определение «культурные ценности». Однако Гаагская конвенция не устанавливает четких правил общей защиты объектов культуры.

В науке международного права предлагается конкретизировать меры общей защиты для охраны культурных ценностей. Так, например, по мнению В. Маинетти, общий режим должен включать: «составление перечней; планирование чрезвычайных мер по защите от пожаров и разрушения конструкций; подготовку к вывозу движимых культурных ценностей или обеспечение их должной защиты на местах; назначение компетентных властей, отвечающих за охрану культурных ценностей» [7, с. 33].

Можно заметить, что вышеперечисленные меры являются лишь предложением. Было бы логичным их закрепить в Гаагской конвенции 1954 г. Это будет способствовать повышению регулятивной эффективности конвенционных норм.

2. Целью специальной защиты является сохранение «недвижимых культурных ценностей, имеющих очень большое значение» (ч. 1 ст. 8 Гаагской конвенции). Специальная защита предоставляется культурным ценностям путем внесения их в «Международный Реестр культурных ценностей, находящихся под специальной защитой». Специальный режим объекта наделяет его неприкосновенностью в случае конфликта, и любого его использования в военных целях, в том числе окрестностей рядом. Культурная ценность должна находиться на расстоянии от стратегически важных центров и военных объектов, не использоваться в военных целях. В случае необходимости государство имеет право реорганизовать культурную ценность, чаще всего это здания, музеи или библиотеки, в объект военных нужд.

Культурное наследие, представляющее огромное значение для человечества и будущих поколений обладает режимом усиленной защиты. Данные ценности ни в коем случае не должны использоваться в военных целях.

Все три режима объединяет общее главное условие. Культурные ценности не должны подвергаться риску, быть разоренными, украденными или уничтоженными в период и после окончания конфликта.

Кроме того, лишь международно-правового закрепления специальной защиты недостаточно. Возможно, было бы действенным закрепить в Гаагской конвенции специализированный орган по охране и защите особо значимых культурных ценностей.

В настоящее время в международном пространстве охраной и защитой культурных ценностей занимаются две межправительственные организации: ЮНЕСКО и Международный исследовательский центр по сохранению и реставрации культурных ценностей (ICCROM). Также вопросы охраны культурных ценностей в период вооруженных конфликтов разрешает международная неправительственная организация МККК.

Проанализируем особенности их деятельности:

1. ЮНЕСКО – это организация, в деятельность которой входит работа по расширению сотрудничества государств и народов в области обра-

зования, науки и культуры. Статья 3 Устава ЮНЕСКО подчеркивает, что организация отказывается «от всякого вмешательства в дела, по существу входящие во внутреннюю компетенцию этих стран». Таким образом ЮНЕСКО в силу уставных ограничений не обеспечивает в полной мере защиту культурных ценностей. Это пагубно сказывается на их сохранении во время вооруженных конфликтов.

2. Целью деятельности ICCROM является развитие сотрудничества в области сохранения и реставрации, а также привлечение внимания к важности культурного наследия. Однако его работа ограничивается лишь сбором информации о культурных ценностях, нуждающихся в реставрации, и организация обучения и исследования в области их сохранения и реставрации. Таким образом, ICCROM не предпринимает конкретных действий, направленных на сохранение культурного наследия.

3. В обязанности МККК входит не только оказание помощи пострадавшим в вооруженных конфликтах, но и охрана и защита памятников. Сотрудники данной организации отмечают, что «...Уничтожение культурного наследия ставит под угрозу самобытность, память, достоинство и будущее людей».

Для ведения наиболее плодотворной работы по охране и защите памятников, МККК подписал с ЮНЕСКО в 2016 году Меморандум о взаимопонимании в целях дальнейшего укрепления взаимодействия в работе по защите культурных ценностей [8 с. 93–109]. Это первое подобное соглашение между данными организациями. Соглашение обязывает как МККК, так и ЮНЕСКО способствовать дальнейшей ратификации соответствующих международных инструментов, давать практические рекомендации, сотрудничать в сфере распространения знаний и наращивания потенциала, а также, в случае необходимости и в полном соответствии со сложившимися методами работы обеих организаций, координировать их действия по защите культурных ценностей, которые могут оказаться под угрозой во время вооруженных конфликтов.

Проанализировав особенности деятельности каждой организации, представляется целесообразным подвести итог. На наш взгляд, уставные полномочия МККК позволяют вести более эффективную работу по охране и защите культурных ценностей в период вооруженных конфликтов. МККК призывает больше государств присоединиться к договорам о защите культурных ценностей в случае вооруженных конфликтов. Данные договоры очень конкретны, однако выполнение многих их положений требует их внедрения в национальные законодательства государств.

Таким образом, предлагается закрепить в Гаагской конвенции 1954 г. статус МККК как органа по охране и защите особо значимых культурных ценностей в период вооруженных конфликтов; установить пределы его полномочий в данной сфере. Конвенция ЮНИДРУА по похищенным или незаконно вывезенным культурным ценностям 1995 г. своей главной целью

указала вопросы об облегчении реституции и возврата культурных ценностей [9]. Документ особенно актуален после вооруженных конфликтов, так как, к сожалению, нередко случаи кражи, незаконного вывоза, перевозки, и торговли культурными ценностями. Данные действия зачастую происходят на территории нескольких государств, а преступники пересекают не одну государственную границу. Военные преступления, в которые входят преступления, совершаемые против культурных ценностей, являются юрисдикцией Международного уголовного суда.

Римский статут Международного уголовного суда 1998 г. предусматривает уголовное наказание за умышленное причинение вреда объектам религии, культуры и искусства, при условии, что они не являются военными целями [10]. Государства на национальном уровне должны принять все необходимые меры для поиска и привлечения к ответственности лиц, виновных в таких преступлениях.

Рассмотренные документы не исключают положений друг друга, а дополняют и позволяют понять направления действий в данной сфере.

К национальному законодательству относятся законы разных стран которые могут включать специальные положения о защите культурного наследия в условиях войны, назначении ответственных органов и установлении ответственности за нарушение норм. К примеру, законодательство Республики Беларусь, касающееся защиты культурных ценностей, включает ряд норм и мероприятий, направленных на охрану культурного наследия, особенно в условиях вооруженных конфликтов. В первую очередь, это связано с соблюдением международных норм и стандартов, таких как Гагская конвенция о защите культурных ценностей в случае вооруженных конфликтов (1954 г.) и последующие протоколы.

Основные особенности законодательства Республики Беларусь:

1) Кодекс о культуре. В нем содержатся положения, направленные на защиту культурного наследия, включая исторические здания, артефакты и другие культурные ценности;

2) национальная система защиты. Включает в себя мониторинг состояния памятников, реставрацию и поддержание объектов культурного наследия. Важный аспект – это создание резервов и фондов для финансирования мероприятий по охране культурных ценностей;

3) международное сотрудничество. Беларусь активно участвует в международных конвенциях и форумах, что помогает интегрировать международные стандарты в национальное законодательство;

4) ответственность за преступления против культурного наследия. На законодательном уровне предусмотрены санкции за разрушение или кражу культурных ценностей, особенно в условиях конфликтов.

Если приводить пример из зарубежной практики, то в Югославии в 1990-е в ходе конфликтов на Балканах было разрушено множество куль-

турных памятников. В ответ на это были приняты резолюции Совета Безопасности ООН, касающиеся защиты культурных ценностей, что стало основой для реализации программы восстановления и защиты культурного наследия в регионе.

Вооруженные конфликты зачастую приводят к разрушению и утрате культурного наследия, что имеет долгосрочные последствия для идентичности народа и его истории. В условиях глобализации и роста международных конфликтов необходимость защиты культурных ценностей становится важной как на национальном, так и на международном уровнях.

Для совершенствования законодательства по защите культурных ценностей на международном уровне целесообразно проведение следующих мероприятий:

1) укрепление международных норм и соглашений, для этого необходимо активное продвижение и внедрение международных соглашений, таких как Конвенция ЮНЕСКО о защите культурного наследия в условиях вооруженных конфликтов, с целью создания единых стандартов защиты;

2) создание международных мониторинговых групп. К примеру, формирование независимых групп, которые будут следить за состоянием культурных объектов в зонах конфликта и информировать международное сообщество о случаях их разрушения или угрозы;

3) организация международной помощи. Создание фондов международной помощи для восстановления культурных ценностей после конфликтов, включая финансовую и техническую поддержку для стран, пострадавших от вооруженных конфликтов.

На национальном уровне в рассматриваемой сфере целесообразно предпринять следующие действия:

1) разработка национальной стратегии. Туда входит создание комплексной стратегии защиты культурных ценностей в условиях конфликтов, охватывающей все аспекты – от законодательства до практических мер реализации;

2) обучение правоохранительных органов. Проведение регулярных тренингов и курсов для сотрудников правоохранительных органов о международных нормах и лучших практиках защиты культурных ценностей в условиях кризисов;

3) гражданское вовлечение. Вовлечение общественности и неправительственных организаций в процесс охраны культурного наследия играют одну из главнейших мер по совершенствованию законодательства, создание обучающих программ и акций по повышению осведомленности о важности защиты культурного наследия.

Эти меры помогут улучшить состояние защиты культурных ценностей как на уровне Республики Беларусь, так и на международной арене, минимизируя ущерб в случае вооруженных конфликтов и способствуя восстановлению последних.

Список цитированных источников

1. Павлова, Л. В. Международное гуманитарное право: конспект лекций / Л. В. Павлова. – URL: https://fir.bsu.by/images/departments/il/il-materials/il-studyprocess/pavlova_lv/pavlova_lv_International_Humanitarian_Law.pdf (дата обращения: 13.11.2024).
2. Бюньон, Ф. Становление правовой защиты культурных ценностей в случае вооруженного конфликта / Ф. Бюньон // Международный журнал Красного Креста. – 2004. – № 856. – С. 5–17.
3. Блищенко, И. П. Международно-правовая борьба с терроризмом / И. П. Блищенко, Н. В. Жданов // Правоведение. – 1975. – № 1. – С. 85–94.
4. Ахметзянов, А. А. Международно-правовая защита культурных ценностей в случае вооруженного конфликта : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.10 / Азат Айратович Ахметзянов. – Казань, 2005. – 23 с.
5. Хазова, В. Е. Международно-правовые формы борьбы с посягательством на национально-культурное достояние народов : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.10 / В. Е. Хазова ; Моск. ун-т МВД РФ. – М., 2006. – 177 с.
6. Конвенция о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта от 14 мая 1954 г. // Ведомости ВС СССР. – 1957 г. – 8 февр. – Ст. 54.
7. Маинетти, В. Новые перспективы для защиты культурных ценностей в случае вооруженного конфликта: вступление в силу второго протокола к Гаагской конвенции 1954 г. / В. Маинетти // Международный журнал Красного Креста. – 2004. – № 854. – С. 33–66.
8. Воробьева, Ю. В. Роль Итальянской республики в развитии и укреплении международного режима защиты культурных ценностей / Ю. В. Воробьева // Вестник Дипломатической Академии МИД России. Россия и мир. – 2018. – № 4. – С. 93–109.
9. UNIDROIT Convention on Stolen or Illegally Exported Cultural Objects : Rome, 24 June 1995 // Официальный сайт ЮНИДРУА. – URL: <https://www.unidroit.org/instruments/cultural-property/1995-convention/> (date of access: 13.11.2024).
10. Римский статут Международного уголовного суда : Рим, 17 июля 1998 г. // Организация Объединенных Наций. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/rome_statute.pdf (дата обращения: 13.11.2024).

Kukharchik A. A., Minsk, Academy of the Ministry of Internal Affairs, student of the Faculty of Law; Academic advisor: Sereda R. A., Minsk, Academy of the Ministry of Internal Affairs, Deputy Head of the Department of Constitutional and International Law, Candidate of Law, Associate Professor.

ГИБРИДНЫЕ ВОЙНЫ И МЕЖДУНАРОДНОЕ ГУМАНИТАРНОЕ ПРАВО: СОВРЕМЕННЫЕ РЕАЛИИ

HYBRID WARS AND INTERNATIONAL HUMANITARIAN LAW: CONTEMPORARY REALITIES

Куценко А. О.

Республика Беларусь,
г. Минск,
Белорусский государственный университет,
студент факультета международных отношений

Научный руководитель

Рипинская А. А.

Республика Беларусь,
г. Минск,
Белорусский государственный университет,
старший преподаватель кафедры
международного права

Аннотация: В статье рассматривается феномен «гибридных войн» с точки зрения международного гуманитарного права, устанавливаются их квалифицирующие признаки, предлагается определение термина «гибридная война», а также пути решения проблемы международно-правового регулирования данного вида конфликтов.

Ключевые слова: гибридная война, международное гуманитарное право, информационное пространство, агрессия, международные конфликты.

Annotation: This article examines the phenomenon of «hybrid wars» from the point of view of international humanitarian law, establishes their qualifying features, proposes a definition of the term «hybrid war», as well as ways to solve the problem of international legal regulation of this type of conflict.

Keywords: hybrid war, international humanitarian law, information space, aggression, international conflicts.

В последние годы прослеживается тенденция смещения акцента с открытых военных операций на осуществление различных скрытых действий, например, де-факто поддержка Ираном режима хуситов в Йемене, поставка США и Турцией вооружений антиправительственным силам в Сирии и многие другие. Такие ситуации, по нашему мнению, обладают признаками «гибридных войн».

Актуальность настоящей статьи обусловлена тем, что «гибридные войны» имеют многочисленные формы выражения, и далеко не всегда эти самые формы представляют собой вооруженный конфликт в контексте

международного гуманитарного права (далее – МГП). В ходе статьи мы установим отличительные характеристики «гибридных войн» и сделаем вывод относительно того, в каких ситуациях нормы МГП к ним применимы.

«Гибридные войны» и их правовая квалификация ранее исследовались в науке международного права. Так, на постсоветском пространстве вопросам правового статуса «гибридных войн» уделяли внимание Е. И. Каширина, В. К. Аулов, Л. А. Лазутин. В их работах рассматриваются особенности гибридных конфликтов с точки зрения МГП, в частности, проблемы их квалификации и вопросы международно-правовой ответственности их участников. В зарубежной литературе значительный вклад в исследование феномена «гибридных войн» внесли, в свою очередь, Ф. Хоффман, М. Н. Шмитт и Дж. Чарни.

Термин «гибридная война» происходит от латинского *hybrida* – помесь, нечто смешанное. В правовой доктрине он обозначает комплексное применение государственными и негосударственными акторами различных форм воздействия – военных, информационных, экономических и иных, против какого-либо государства [1, с. 83].

В трактовке Ф. Хоффмана «гибридная война» – это «конфликт, в котором противник использует одновременно регулярные силы, иррегулярные формирования, террористические средства и криминальные структуры для достижения политических целей» [2]. М. Н. Шмитт обращает внимание на правовую неопределенность таких конфликтов и подчеркивает необходимость выработки единых критериев их квалификации в рамках МГП [3, с. 36]. Дж. Чарни делает акцент на неопределенном правовом статусе участников «гибридных войн» и проблеме установления момента начала такого вида конфликта [4, с. 25].

Л. А. Лазутин указывает, что «гибридные войны» нередко разворачиваются вне рамок формального объявления войны и сопровождаются низкой интенсивностью насилия, что затрудняет применение к ним существующих норм МГП [1, с. 197].

В. С. Котляр выделяет два ключевых аспекта современного применения термина «гибридная война». Первый аспект связан с использованием понятия в контексте привлечения нерегулярных военных формирований, усиления роли разведывательных структур, диверсий, провокационных действий и иных способов скрытого ведения боевых операций, включая информационные, экономические, кибератаки и психологическое воздействие на массовое поведение. Второй аспект заключается в организации широкомасштабных подрывных действий без прямого участия регулярных вооруженных сил страны-агрессора, но при поддержке политических сил в противоборствующем государстве, разделяющих взгляды нападающей стороны, с целью смены политического режима или кардинальной трансформации государственной политики. При этом агрессор активно использует финансовую и информационную поддержку [5, с. 23].

Исходя из определений выше, можно прийти к выводу, что «гибридная война» – это комбинация открытых и тайных военных действий, провокаций и диверсий в сочетании с отрицанием собственной причастности, что значительно затрудняет полноценный правовой ответ на них.

Концепция «гибридной войны» берет свое начало из политологии и в науке международного права в качестве самостоятельной выкристаллизовалась сравнительно недавно. Соответственно, полагаем необходимым рассмотреть факторы, оказавшие влияние на появление данного феномена, условно разделив их на юридические, военные и технические.

Первая категория причин, которую можно обозначить как «юридическую», тесно связана с закрепленным в ст. 2 Устава ООН запретом применения силы или угрозы силой [6], в связи с чем начался активный поиск альтернативных, ненасильственных методов достижения внешнеполитических задач, позволяющих государствам формально не нарушать запрет на применение силы.

Вторая группа причин появления термина «гибридная война», условно назовем ее «военной», обусловлена тем, что масштабное силовое противостояние теряет свою актуальность не только в силу несоответствия международному праву, но и из-за практической неэффективности с военной точки зрения. Эпоха широкомасштабных вооруженных действий уходит в прошлое, как и применение многотысячных армий, а также наличие четко очерченных границ театра военных действий. Помимо этого, в современных государствах значительные человеческие потери, вызванные военными операциями, вызывают закономерное общественное возмущение и протесты со стороны избирателей (примером служат массовые акции в США против участия в вооруженных конфликтах в Ираке и Афганистане). В то же время утраты, характерные для «информационной войны», несопоставимы с потерями в ходе традиционного боевого противостояния, а достигнутый эффект зачастую равноценен.

Третью группу факторов, способствующих развитию концепта «гибридной войны», можно определить как «техническую», поскольку она тесно сопряжена с нарастающими технологическими возможностями, находящимися в распоряжении современных государств. Беспрецедентная глобализация в информационной сфере и появление инновационных средств массовых коммуникаций в последние годы привели к тому, что для ведения несилового противостояния теперь существует гораздо больше доступных, дешевых и результативных средств по сравнению с классическими методами вооруженной борьбы, которые остаются технически сложными и экономически затратными.

Рассматривая феномен «гибридных войн» следует обратить внимание на отсутствие единого мнения относительно того, всегда ли «гибридная война» подпадает под категорию вооруженного конфликта в понимании МГП.

Апелляционная палата Международного трибунала по бывшей Югославии в деле *Прокурор против Тадича (Tadić, ICTY, Decision on the Defence Motion for Interlocutory Appeal, 1995)* указала, что: «вооруженный конфликт существует всякий раз, когда происходит применение вооруженной силы между государствами или между правительственными органами и организованными вооруженными группами в пределах государства» (п. 70). В свою очередь, характерное для «гибридных войн» использование информационных операций, а также экономического давления не рассматриваются как применение вооруженной силы.

Мы же, в свою очередь, полагаем, что «гибридные войны» представляют собой феномен, который *a priori* находится на грани между правовыми режимами. То есть пока единственными формами выражения конкретного гибридного конфликта являются информационные атаки, скрытые операции, различного рода диверсии и пр., то нам не приходится говорить о вступлении в действие норм МГП. Вместе с тем для большинства конфликтов гибридного характера свойственно значительное повышение уровня эскалации, который в определенный момент приводит к использованию вооруженной силы и масштабным человеческим жертвам. Именно тогда к данному гибриднему конфликту начинает применяться МГП.

В контексте правовой квалификации «гибридных войн» считаем также необходимым обратиться к резолюции А/RES/3314 (1974) Генеральной Ассамблеи ООН «Определение агрессии» и уточнить, может ли «гибридная война» рассматриваться в качестве агрессии. Так, ст. 1 резолюции А/RES/3314 определяет, что «агрессией является применение вооруженной силы государством против суверенитета, территориальной неприкосновенности или политической независимости другого государства или каким-либо другим образом, несовместимым с Уставом Организации Объединенных Наций, как это установлено настоящим определением». Исходя из определения агрессии можно сделать вывод, что в отношении «гибридных войн» понятие агрессии не применимо, поскольку, во-первых, для квалификации каких-либо действий в качестве «агрессии» необходимо наличие как минимум двух субъектов – двух сторон конфликта, а при «гибридной войне» эти стороны часто не определены да и сама атака не объявляется. Во-вторых, в указанной статье речь идет о государствах, а в «гибридных войнах» могут участвовать и различного рода негосударственные акторы.

Одним из наиболее значимых прецедентов привлечения государства к международной ответственности за действия, обладающие признаками «гибридной войны», стало рассмотрение Международным Судом ООН дела «О военной и военизированной деятельности в Никарагуа и против Никарагуа» (*Никарагуа против Соединенных Штатов Америки*).

Данный конфликт восходит к событиям июля 1979 года, когда после смены власти в Никарагуа США предприняли ряд враждебных действий в отношении нового никарагуанского правительства (минирование портов

Никарагуа, многочисленные вторжения в его воздушное пространство американскими самолетами, а также масштабная финансовая и военная поддержка антиправительственных вооруженных формирований, известных впоследствии как «контрас»). В своем решении от 27 июня 1986 г. Международный Суд ООН подчеркнул, что положение ст. 2 (4) Устава ООН, запрещающее угрозу силой и ее применение, является нормой *jus cogens*. Относительно позиции США, утверждавших, что их действия носили характер коллективной самообороны, Международный Суд ООН отметил отсутствие условий, необходимых для признания такой самообороны правомерной. В частности, не было зафиксировано официального запроса на помощь со стороны третьего государства, которое якобы подверглось нападению (§ 195), а также отсутствовало надлежащее уведомление Совета Безопасности ООН о применении силы, как того требует ст. 51 Устава ООН (§ 200) [7]. В результате США были признаны виновными в нарушении ряда норм международного права, включая принципы невмешательства во внутренние дела других государств, запрета на применение силы и суверенного равенства государств.

Как уже было отмечено ранее, одной из характерных форм проявления многих «гибридных войн» выступают кибератаки и иные информационные операции. В настоящее время существует множество принятых на международном уровне документов, частично касающихся информационного пространства (к примеру, резолюция A/RES/7619 (2021) Генеральной Ассамблеи ООН «Достижения в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности»). Однако основная проблема здесь заключается в том, что именно юридически обязательные акты в данной сфере крайне немногочисленны. Среди наиболее известных многосторонних соглашений в области регулирования киберпространства можно выделить Конвенцию Совета Европы о киберпреступности (Будапештская конвенция 2001 г.). При этом данная Конвенция, во-первых, ограничена по составу участников (носит региональный характер); во-вторых, ввиду стремительного развития информационных технологий она уже в значительной мере устарела.

Российская Федерация в 2011 году активно продвигала проект Конвенции об обеспечении международной информационной безопасности. В данном документе впервые на нормативно-правовом уровне вводилось определение «информационной войны» как конфликта между государствами в цифровом пространстве, цель которого – нанесение ущерба критической информационной инфраструктуре, подрыв социально-экономических и политических систем, психологическая обработка населения и давление на органы власти для принятия решений, отвечающих интересам противоборствующей стороны. Согласно ст. 6 проекта, государства-участники обязуются не использовать информационные технологии для

вмешательства во внутренние дела других стран [8]. На сегодняшний день данное международное соглашение остается лишь проектом.

Разработка всеобъемлющего международного акта в области цифровой безопасности осложняется особенностями информационного пространства как объекта правового регулирования. Современные технологии изменяются столь стремительно, что юридические нормы зачастую не успевают адекватно отразить происходящие процессы. Кроме того, цифровая среда пока не обладает ни единым понятийным аппаратом, ни хотя бы минимальной терминологической унификацией. В. К. Аулов полагает, что «гибридные войны» требуют масштабной реформы МГП [9, с. 57]. С этим мнением трудно не согласиться, однако следует признать, что отсутствие правового регулирования часто устраивает сами государства, которые выступают в роли основных субъектов международного права. Нахождение информационных операций вне правовых рамок в определенной степени восполняет ограниченные возможности по применению силы, наложенные основополагающими принципами международного права.

На основании изложенного, представляется возможным заключить следующее.

Особенность «гибридной войны» заключается в том, что она характеризуется отсутствием четкой границы между состоянием мира и военного конфликта. В условиях, когда информационный компонент выходит на первый план, действующее международное право фактически оказывается неспособным адекватно отреагировать на вызовы подобного рода. В контексте «гибридной войны» доказать факт противоправного вмешательства в большинстве случаев практически невозможно, что и делает данный вид конфликта особенно опасным с точки зрения, частности, МГП. Дело «*О военной и военизированной деятельности в Никарагуа и против Никарагуа*» представляет собой скорее исключение из правил, поскольку там факт применения вооруженной силы против другого государства был очевиден и выражался в соответствующих противоправных действиях.

Учитывая, что путь к признанию недопустимости применения военной силы в международном праве занял многие века, можно предположить, что аналогичный путь предстоит пройти и в контексте правового регулирования «гибридных войн» и сопровождающего их информационного противоборства. Это станет возможным только при наличии альтернативных, не насильственных способов разрешения межгосударственных конфликтов и реализации национальных интересов.

Список цитированных источников

1. Международное гуманитарное право: война, память, справедливость (юридические и исторические аспекты) : учеб. пособие / под ред. Л. А. Лазутина. – М. : Изд-во «Юрайт», 2025. – 312 с.

2. Mattis, J. Future Warfare: The Rise of Hybrid Wars / J. Mattis, F. Hoffman // USNI. – URL: <http://milnewstbay.pbworks.com/f/MattisFourBlockWarUSNINov2005.pdf> (date of access: 24.04.2025).

3. Schmitt, M. N. The Nature of International Law Cyber Norms / M. N. Schmitt. – URL: <https://centaur.reading.ac.uk/89852/9/Tallinn-Paper-No-5-Schmitt-and-Vihul.pdf> (date of access: 23.04.2025).

4. Charney, J. Third State Remedies in International Law / J. Charney. – URL: <https://repository.law.umich.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1713&context=mjil> (date of access: 23.04.2025).

5. Котляр, В. С. Международное право и современные стратегические концепции США и НАТО : автореф. ... д-ра юрид. наук / В. С. Котляр. – М., 2007. – 54 с.

6. Устав Организации Объединенных Наций : принят 26 июня 1945 г. // Организация Объединенных Наций. – URL: <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text> (дата обращения: 20.04.2025).

7. Case concerning military and paramilitary activities in and against Nicaragua (Nicaragua v. United States of America) : Judgment, 27 June 1986 // International Court of Justice. – URL: <http://www.icj-cij.org/files/case-related/70/070-19860627-JUD-01-00-EN.pdf> (date of access: 18.04.2025).

8. Конвенция об обеспечении международной информационной безопасности // Организация Объединенных Наций. – URL: <http://www.scrf.gov.ru/media/files/file/P7ehXmaBUDOAAcATW2Rwa3yNK1bNAWI9.pdf> (дата обращения: 20.04.2025).

9. Международное гуманитарное право (право вооруженных конфликтов) : учеб. пособие / В. К. Аулов, А. Н. Сотников, Ю. Н. Туганов [и др.] / под общ. ред. В. К. Аулова. – М. : Изд-во «Юрайт», 2025. – 73 с.

Kutsenko A. O., Minsk, Belarusian State University, Faculty of International Relations; Academic advisor: Ripinskaya A. A., Minsk, Belarusian State University, Senior Lecturer of the Department of International Law.

**ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ОСУЖДЕННЫХ
В УСЛОВИЯХ ВООРУЖЕННОГО КОНФЛИКТА
И ОККУПАЦИИ: МЕЖДУНАРОДНЫЕ СТАНДАРТЫ
И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ**

**LEGAL STATUS OF CONVICTED PERSONS IN CONDITIONS OF ARMED
CONFLICT AND OCCUPATION: INTERNATIONAL STANDARDS
AND NATIONAL PECULIARITIES OF THE REPUBLIC OF BELARUS**

Лебедевич Т. С., Харламенко У. В.

Республика Беларусь,
г. Минск,
УО «Академия Министерства внутренних дел
Республики Беларусь»,
курсанты уголовно-исполнительного факультета

Научный руководитель

Бородич А. И.

Республика Беларусь,
г. Минск,
УО «Академия Министерства внутренних дел
Республики Беларусь»,
профессор кафедры
международного и конституционного права,
кандидат юридических наук, профессор

Аннотация: В статье рассматривается правовой статус осужденных лиц в контексте вооруженных конфликтов и возможной оккупации с акцентом на международно-правовых нормах и законодательстве Республики Беларусь. Анализируются положения Женевских конвенций, международных пактов и внутренних нормативных актов. Отмечаются основные риски и пробелы в правоприменительной практике, подчеркивается необходимость соблюдения минимальных стандартов в любых условиях, включая военное или чрезвычайное положение.

Ключевые слова: осужденные, международное гуманитарное право, Беларусь, Женевская конвенция, военное положение, права человека.

Annotation: The article examines the legal status of convicted persons in the context of armed conflicts and possible occupation, with an emphasis on international legal norms and the legislation of the Republic of Belarus. The provisions of the Geneva Conventions, international covenants and domestic regulations are analyzed. The main risks and gaps in law enforcement practice are noted, and the need to comply with minimum standards in any conditions, including martial law or a state of emergency, is emphasized.

Keywords: convicted persons, international humanitarian law, Belarus, Geneva Convention, martial law, human rights.

Одной из важнейших задач международного гуманитарного права является защита жертв вооруженных конфликтов. Такая защита может проявляться также в форме обеспечения строгой изоляции лиц, представляющих общественную опасность, в том числе и лиц, отбывающих уголовное наказание в виде лишения свободы.

Международное право не содержит специальных нормативных правовых актов, которые регулируют исключительно правовое положение осужденных во время вооруженных конфликтов. Однако, защита прав данной категории лиц обеспечивается комплексом норм международного гуманитарного права и международного права прав человека, применяемых в совокупности. Международное право прав человека является составной частью международного гуманитарного права так как имеет общую конечную цель – защита прав и свобод населения как в мирное, так и в военное время. Этим обусловлено их применение в совокупности.

Таким образом, актуальными являются вопросы обеспечения прав и законных интересов данной категории граждан с одной стороны, интересов государства в защите национальной безопасности с другой стороны, интересов общества с третьей.

Лица, находящиеся на территории стороны конфликта или оккупированной территории и не входящие в состав вооруженных сил, считаются гражданскими и подлежат защите. Национальное законодательство Республики Беларусь гласит о том, что лица, осужденные к уголовному наказанию, остаются гражданами своей страны, но подвергаются некоторым правоограничениям [1].

Исходя из вышеперечисленного, можно сделать следующий вывод: осужденные лица, находящиеся в местах лишения свободы, считаются гражданскими лицами и подпадают под защиту международного гуманитарного права. Также и комментарий Международного Комитета Красного Креста (далее – МККК) к Женевским конвенциям разъясняет, что заключенные (осужденные или подследственные), если они не являются комбатантами, продолжают считаться гражданскими и охраняются нормами IV Конвенции.

Несмотря на отсутствие норм, прямо регламентирующих правовой статус осужденных лиц в условиях введения военного положения, национальное законодательство Республики Беларусь предусматривает сохранение за данной категорией лиц основных прав и гарантий.

Согласно ст. 8 Уголовно-исполнительного кодекса Республики Беларусь (далее – УИК), государство обязуется обеспечивать защиту прав, свобод и законных интересов осужденных, а ст. 10 данного кодекса устанавливает, что лица, отбывающие наказание, сохраняют принадлежащие им

права человека, за исключением ограничений, прямо предусмотренных законом. В соответствии со ст. 11 УИК, осужденные обладают правом на личную безопасность, и на администрацию учреждений уголовно-исполнительной системы возлагается обязанность по обеспечению реализации данного права [2].

При этом граждане в период военного положения пользуются всеми установленными Конституцией Республики Беларусь правами и свободами, за исключением прав и свобод, ограничение которых предусмотрено настоящим Законом и иными законодательными актами в интересах национальной безопасности, общественного порядка, защиты нравственности, здоровья населения, прав и свобод других граждан [3].

Учитывая, что лица, содержащиеся в исправительных учреждениях, находятся под полной ответственностью государства, у него существует обязанность обеспечения надлежащих условий содержания и соблюдение норм международного гуманитарного права, включая положения Женевских конвенций, участником которых является Республика Беларусь. Таким образом, правовая система Республики Беларусь опосредованно предусматривает сохранение за осужденными лицами правового статуса и основных прав даже в условиях военного положения.

Кроме того, ст. 76 IV Конвенции определены некоторые вопросы о правовом положении осужденных во время оккупации:

«обвиняемые покровительствуемые лица будут содержаться в заключении в оккупированной стране, и, в случае осуждения, они должны там же отбывать свое наказание;

причем для них должен быть установлен санитарный и пищевой режим, достаточный для поддержания их здоровья в хорошем состоянии и, по меньшей мере, соответствующий режиму тюремных учреждений оккупированной страны;

они будут получать медицинскую помощь, необходимую по состоянию их здоровья;

им будет равным образом разрешено пользоваться духовной поддержкой, которая могла бы им потребоваться;

женщины будут заключаться в отдельные помещения и находиться под непосредственным наблюдением женщин;

будет приниматься во внимание специальный режим, предусмотренный для несовершеннолетних;

заключенные покровительствуемые лица должны иметь право на посещение их делегатами державы-покровительницы и Международного комитета Красного Креста согласно ст. 143;

кроме того, они будут иметь право получать не менее одной посылки помощи в месяц».

Таким образом, государство, которое контролирует территорию, обязано обеспечивать гуманное обращение с лицами, находящимися в местах

лишения свободы, включая осужденных. Если же территория оказывается оккупированной, эти обязанности переходят к оккупационной власти, которая несет ответственность за безопасность, здоровье и права заключенных. Исходя из всего вышеперечисленного, можно сделать вывод о том, что как международное, так и национальное законодательство содержит нормы об обеспечении прав осужденных, немаловажным является и то, что согласно всем этим нормам осужденные, находящиеся в изоляции от общества, должны оставаться в таких же условиях. А значит, таким образом, обеспечивается и право граждан, так как лица, отбывающие наказание представляют общественную опасность.

В истории известны случаи, когда осужденные были призваны на военную службу. Стоит разобрать подробнее такую возможность.

Призыв осужденных на военную службу в период вооруженных конфликтов – это крайне противоречивая практика, затрагивающая как внутреннее уголовное и военное законодательство, так и нормы международного гуманитарного права (далее – МГП). В большинстве государств, особенно с развитой правовой системой, такая практика либо прямо запрещена, либо строго ограничена. Однако в условиях масштабных войн или дефицита личного состава некоторые страны прибегают к использованию осужденных, зачастую под предлогом добровольного участия с последующей амнистией.

В международном праве нет явного и четкого ограничения, запрещающего призвать на военную службу лиц, имеющих судимость. Тем не менее, государства обязаны придерживаться принципов гуманности, равенства и уважения к личности, что исключает возможность принудительного или предвзятого призыва. Более того, государство несет ответственность за защиту и обеспечение достойных условий жизни для всех, кто находится под его контролем, в том числе и для осужденных.

С точки зрения международного гуманитарного права, принуждение заключенных к участию в боевых действиях противоречит основополагающим принципам Женевских конвенций, особенно в части защиты достоинства и прав лиц, находящихся под стражей. Такие действия могут рассматриваться как форма принудительного труда или даже как нарушение запрета на привлечение уязвимых групп к участию в вооруженном конфликте.

Вне зависимости от страны, привлечение заключенных к участию в боевых действиях всегда сопряжено с определенными общими опасностями и трудностями. Так как участие данной категории лиц не регламентировано на законодательном уровне, существует риск не соблюдения их прав и обязанностей, а также гарантии социальной защиты и реабилитации, что в последующем влечет нарушение норм международного гуманитарного права и национального законодательства государства в области защиты гражданского населения во время войны. Стоит выделить такой

риск как продолжение преступной деятельности осужденными в условиях вооруженных конфликтов. Осужденные склонны к совершению преступлений, следовательно, могут нарушать дисциплину в воинских подразделениях, что дестабилизирует обстановку и снижает боеспособность. Дезертирство, неповиновение приказам, и другие нарушения воинской дисциплины являются потенциальными угрозами.

Таким образом, привлечение осужденных к военной службе должно рассматриваться исключительно как крайняя мера, при строгом соблюдении международного права и норм права человека.

Обращаясь к национальному законодательству Республики Беларусь, необходимо отметить, что оно содержит положения, ограничивающие возможность призыва на военную службу лиц, имеющих судимость. Данные ограничения продиктованы необходимостью обеспечения безопасности и поддержания надлежащей дисциплины в вооруженных силах. В частности, призыву не подлежат лица, осужденные за совершение тяжких и особо тяжких преступлений, а также лица, страдающие психическими заболеваниями или имеющие иные медицинские противопоказания к военной службе.

Следовательно, призыву на военную службу по мобилизации не подлежат граждане:

отбывающие наказание в виде лишения свободы, ограничения свободы или ареста;

в отношении которых судом применены принудительные меры безопасности и лечения, – в течение срока применения этих мер;

в отношении которых осуществляется уголовное преследование или уголовное дело передано прокурору для направления в суд либо осуществляется судебное производство [4].

Отсутствие возможности мобилизации осужденных обусловлено тем, что отбывание наказания данной категории лиц имеет свои цели и задачи, а их участие в военных действиях существенно затруднит процесс достижения главной цели уголовной ответственности – исправление.

Над осужденными должна быть осуществлена постоянная охрана и надзор. Однако, когда они находятся на специальных операциях или боевых действиях, сложно установить надлежащий контроль над их поведением, что может привести к совершению ими новых преступлений. Стоит выделить также психологический аспект участия данных лиц в военных конфликтах. Участие в боевых действиях может усилить агрессивность и импульсивность, что затруднит контроль над гневом и увеличит риск насильственных действий после возвращения к мирной жизни.

Более целесообразным представляется использование альтернативных форм участия осужденных в обеспечении обороны страны, не связанных с непосредственным участием в боевых действиях. Например, они могут быть привлечены к производству военной техники, боеприпасов,

обмундирования и других предметов, необходимых для армии. Это может быть организовано как на территории исправительных учреждений, так и на предприятиях, расположенных за их пределами. Однако данный вид деятельности также стоит контролировать, так как существует риск совершения преступления, используя производимую осужденными технику, боеприпасы и иные средства ведения боевых действий.

Список цитированных источников

1. Женевская конвенция о защите гражданского населения во время войны : заключена в г. Женеве 12 авг. 1949 г. // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 01.04.2025).

2. Уголовно-исполнительный кодекс Республики Беларусь : 11 янв. 2000 г., № 365-З : принят Палатой представителей 14 дек. 1999 г. : одобр. Советом Респ. 22 дек. 1999 г. // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 05.04.2025).

3. О военном положении : Закон Респ. Беларусь от 13 янв. 2003 г. № 185-З : в ред. от 11 мая 2023 г. № 268-З // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 12.04.2025).

4. О воинской обязанности и воинской службе : Закон Респ. Беларусь от 5 нояб. 1992 г. № 1914-ХІІ : в ред. от 11 окт. 2024 г. № 36-З // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 14.04.2025).

Lebedevich T. S., Kharlamenko U. V., Minsk, Academy of the Ministry of Internal Affairs Republic of Belarus, the Faculty of Correctoin; Academic advisor: Borodich A. I., Minsk, Academy of the Ministry of Internal Affairs, Professor of the Department of International and Constitutional Law of the Republic of Belarus, Candidate of Law, Associate Professor.

ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНИМОСТИ НОРМ МЕЖДУНАРОДНОГО ГУМАНИТАРНОГО ПРАВА К ГИБРИДНЫМ ВОЙНАМ

PROBLEMS OF APPLICABILITY OF THE NORMS OF INTERNATIONAL HUMANITARIAN LAW TO HYBRID WARS

Лисовская Д. С.

Республика Беларусь,
г. Минск,
УО Федерации профсоюзов Беларуси
«Международный университет «МИТСО»,
студент юридического факультета

Научный руководитель

Чайкина А. В.

Республика Беларусь,
г. Минск,
УО Федерации профсоюзов Беларуси
«Международный университет «МИТСО»,
преподаватель кафедры международного права

Аннотация: Предметом исследования являются нормы международного гуманитарного права, применимые к ситуациям, квалифицируемым в качестве гибридных войн. В статье анализируется природа гибридных войн, состоящая в закономерном развитии методов, средств ведения вооруженных конфликтов.

Ключевые слова: гибридные войны, методы и средства ведения войны, международное гуманитарное право.

Annotation. The subject of the study is the norms of international humanitarian law applicable to situations classified as hybrid wars. The article analyzes the nature of hybrid wars, which consists in the natural development of methods and means of conducting armed conflicts.

Keywords: hybrid wars, methods and means of warfare, international humanitarian law.

Вопрос необходимости создания правовой базы, регламентирующей отношения, складывающиеся в связи с таким явлением, как «гибридная война» осложнен тем фактом, что правовая мысль всегда следует за общественным прогрессом, то есть всегда опаздывает. Сам по себе общественный прогресс, пожалуй, оказывает решающее значение на формирование тех отношений, которые впоследствии будут рассмотрены как заслуживающие регламентации.

Гибридная война, понятие, складывающееся из-за прибегания к новым, прогрессивным, методам и средствам ведения войны как раз создает то поле отношений, которое может нуждаться в ограничениях нормами

права. Здесь следует отметить, что именно подразумевает под собой гибридная война, чтобы рассмотреть отдельные примеры ее проблематичности как явления, возможно, требующее правовой регламентации.

Как утверждает первопроходец данной темы, Франк Хоффман: «гибридная война влечет за собой взаимодействие или слияние традиционных и нетрадиционных методов и средств ведения войны. Данный феномен включает в себя политическую войну и сочетает в себе обычную войну, а также нерегулярную войну и кибервойну с другими методами воздействия, такими как неизбирательное насилие, преступные беспорядки, кибератаки и распространение ложной информации в средствах массовой информации» [1, с. 45].

Таким образом, конкретным примером неустойчивости наличия политического и правового аспектов в концепции «гибридной войны», а также зависимости этой концепции от состояния общественной мысли могут послужить создаваемые в настоящее время в Пентагоне межфункциональные группы («Cross-functional teams» CFTs). Данные группы создаются с целью оптимизации системы принятия решений, выработки эффективного и молниеносного решения возникшей проблемы, в интересах создания временного запаса и обеспечения доминирующих позиций в любом возникающем кризисе. Данная концепция уже широко применяется бизнесом и гражданскими органами управления США» [2, с. 82]. Деятельность этих групп хоть и уходит корнями в идею обеспечения национальной безопасности, но тем не менее представляет собой конфронтационную деятельность, то есть вступление в некоторого рода противостояние. Исходя из этого примера, можно сделать вывод, что некоторые государства, стремясь обеспечить доминирующее положение в системе международных отношений, обгоняют правовую мысль и одновременно с этим создают отношения, которые нуждаются в более детальном рассмотрении. Эти отношения на практике могут изначально не выглядеть, как агрессивные или недружественные, но если смотреть на них с более дальновидной точки зрения, то они представляют собой неявный и абсолютно новый вид ведения конфликта.

Проблема гибридных войн, как раз, и заключается в том, что может быть трудно определить, какие акты к ним относятся, а также является ли сам термин достаточно обоснованным с точки зрения права. История возникновения данного термина указывает на его политический характер. В 2005 году, после опубликования Стратегии национальной обороны Соединенных Штатов Америки, Франк Хоффман, проведя анализ представленной там классификации угроз национальной безопасности, резюмировал изменение форм ведения войны в современном мире [3]. Именно это послужило причиной для внедрения нового термина, подводящего американских лидеров к принятию мер, отвечающим веяниям времени.

Подобная позиция имеет под собой основания, поскольку в последние годы вооруженные конфликты видоизменяются с точки зрения средств

и методов, театр военных действий перемещается из кинетических пространств в кибернетические, а противостояние все чаще происходит между государствами и группировками, не способными вести военные действия такими же средствами и методами, как государства, а поэтому вынужденными прибегать к новым. Это создает почву для внедрения новых терминов, характеризующих такую ситуацию.

Примером может послужить ситуация, сложившаяся в 2006 году между Израилем и «Хезболлой». «Хезболла», как антиправительственная вооруженная группа, ясно продемонстрировала способность негосударственных субъектов изучать и деконструировать уязвимые места вооруженных сил и разрабатывать соответствующие контрмеры. Уроки, извлеченные из этой конфронтации, уже перекликаются с другими государствами и негосударственными субъектами [4].

Гибридные войны, отражая тенденции ведения вооруженных действий, при этом все же не имеют ни достаточной теоретической обоснованности, ни эмпирической. Так, квалификация различных действий государств, направленных на ослабление неприятельского государства такими способами как кибероперации, распространение неправдивой информации в средствах массовой информации, идеологическое воздействие на аудиторию, становится все более трудной. Безусловно, такая картина наталкивает на вывод о наличии правового пробела в этой сфере и необходимости создания специального документа, регламентирующего подобные акты государств. Но достаточно ли оснований для введения термина, который в своей сущности будет закреплять новый вид вооруженного конфликта наряду с международными вооруженными конфликтами и немеждународными.

Джон МакКуэн считает, что «хотя по форме гибридные войны являются обычными, решающие сражения в современных гибридных войнах ведутся не на обычных полях сражений, а на асимметричных полях сражений среди населения зоны конфликта, населения тыла и населения международного сообщества» [5, с. 108].

Гибридная война – это проецирование всех элементов национальной мощи на континуум действий: от операций по обеспечению стабильности, безопасности, реконструкции и до вооруженной борьбы», – утверждает Маргарет Бонд [6, с. 25].

И тем не менее на данный момент, концепция «гибридных войн» не может быть внесена под сферу влияния международного гуманитарного права, а отдельные заявления государств или ученых-теоретиков о квалификации той либо иной ситуации в качестве гибридной войны не порождает для сторон этой ситуации правовых обязательств.

В подтверждение этому существует и мнение альтернативное мнениям зарубежных ученых: «Гибридная война – сочетание военных (насильственных) и ненасильственных методов воздействия на противоборствующее государство, используемых прежде всего в области пропаганды, вызы-

**ЗАЩИТА ГРАЖДАНСКИХ ЛИЦ
В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ:
ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ И РЕШЕНИЯ**

**PROTECTION OF CIVILIANS IN CONTEMPORARY ARMED CONFLICTS:
LEGAL PROBLEMS AND SOLUTIONS**

Михальченко Д. А.

Республика Беларусь,
г. Брест,
УО «Брестский государственный университет
имени А. С. Пушкина»,
студент юридического факультета

Научный руководитель

Сливко О. Я.

Республика Беларусь,
г. Брест,
УО «Брестский государственный университет
имени А. С. Пушкина»,
старший преподаватель кафедры
теории и истории государства и права

Аннотация: Статья анализирует правовые проблемы защиты гражданских лиц в современных вооруженных конфликтах, включая гибридные войны, использование новых технологий и недостаточную ответственность за нарушения норм международного гуманитарного права.

Ключевые слова: гражданские лица, международное гуманитарное право, Женевские конвенции, гибридные войны, беспилотники, кибероружие.

Annotation: The article analyzes the legal problems of protecting civilians in modern armed conflicts, including hybrid wars, the use of new technologies and insufficient accountability for violations of international humanitarian law.

Keywords: civilians, international humanitarian law, Geneva Conventions, hybrid wars, drones, cyber weapons.

Защита гражданских прав человека и гражданина в настоящее время является актуальной темой. Она не потеряла своей значимости во все времена: начало зарождения цивилизаций тесно связано с завоевательными войнами, где победа государства всегда сопровождалась потерями, в том числе среди гражданского населения.

Так, «в XX в., после второй мировой войны, жертвы среди гражданского населения стали в значительной степени превышать потери среди военных. Процент погибших на войне по отношению к населению Земли каждые полвека увеличивается в 4,5 раза. Также одним из примеров может служить военный конфликт Грузии с Южной Осетией, количество жертв насчитывает более 2 тысяч человек, большая часть которых мирные жители» [6, с. 127].

Защита гражданских лиц в условиях вооруженных конфликтов является одной из важнейших задач международного гуманитарного права (далее – МГП). С момента принятия Женевских конвенций 1949 г., которые ставят в центр своего внимания защиту мирного населения, этот вопрос стал ключевым в регулировании вооруженных конфликтов. В условиях гибридных войн, использования беспилотников и частных военных компаний, а также из-за недостаточности механизмов контроля за соблюдением норм МГП, защита гражданских лиц остается крайне актуальной и нуждается в совершенствовании.

Современные вооруженные конфликты претерпели значительные изменения. Они все чаще представляют собой гибридные войны, включающие в себя и традиционные военные столкновения, и кибератаки, информационные войны и поддержку нерегулярных вооруженных формирований. В таких условиях становится сложно идентифицировать четкие линии фронта, и гражданские лица могут оказаться вовлечены в конфликт, не будучи его участниками.

В МГП защита гражданского населения состоит в создании таких условий их существования, когда лица сохраняют право на уважение личности, чести и достоинства, право проводить религиозные обряды, женщины не должны подвергаться изнасилованию и склонению к занятию проституцией и, в целом, покушению на их нравственность.

Формы вооруженного насилия, как террористические акты и вооруженные группировки, часто действующие вне рамок государств, осложняют защиту гражданского населения.

Международный Комитет Красного Креста (далее – МККК) отслеживает ущерб, причиняемый гражданскому населению, и услуги, необходимые для выживания гражданского населения (от медицинских учреждений до систем водоснабжения и электроснабжения) [8]. В связи с этим МККК постоянно призывает государства и стороны вооруженных конфликтов воздерживаться от применения оружия взрывного характера широкого спектра действия в густонаселенных районах, поскольку оно представляет высокий риск неизбирательного действия. К сожалению, становится все больше случаев прямой враждебности по отношению к гуманитарным организациям и их сотрудникам или даже прямых угроз их безопасности.

В рамках своего мандата МККК работает в горячих точках и подвергает свой персонал высокому риску. С 1996 года МККК потерял 56 сотрудников

при исполнении своих профессиональных обязанностей. Уязвимость гуманитарного персонала сказывается на многих других организациях, включая национальные общества Красного Креста и Красного Полумесяца, с которыми МККК сотрудничает по всему миру. Например, только в Сирии Сирийское арабское общество Красного Полумесяца потеряло более 50 добровольцев с начала конфликта (с 2011 года) [7, с. 72].

Одним из наиболее значимых изменений в современных вооруженных конфликтах является активное использование беспилотников, кибероружия и автономных систем для проведения военных операций. Например, использование беспилотных летательных аппаратов (дронов) для атак, направленных на стратегические объекты, может привести к значительному числу жертв среди мирного населения. Атаки с использованием дронов зачастую не только затрудняют точность оценки ущерба среди мирных жителей, но и приводят к значительному разрушению инфраструктуры, что наносит долгосрочный ущерб целым регионам.

Цифровые войны, включающие кибератаки на инфраструктуру государства, тоже создают угрозы для гражданского населения, поскольку эти атаки могут повредить критически важные объекты, такие как больницы, водоснабжение и электросети. В результате, даже не участвуя в конфликте, мирные жители могут стать объектом атак, что ставит под угрозу их жизнь и безопасность. Например, кибератаки, направленные на системы здравоохранения, могут привести к невозможности оказания медицинской помощи в зоне конфликта, а разрушение энергетической инфраструктуры – к массовым гуманитарным последствиям.

Международное гуманитарное право включает в себя нормы, направленные на защиту гражданских лиц, однако они часто сталкиваются с трудностями в применении, особенно в отношении негосударственных акторов. Вооруженные группы, не являющиеся частями официальных вооруженных сил, не всегда принимают на себя обязательства, предусмотренные Женевскими конвенциями и Дополнительными протоколами, которые регулирует немеждународные вооруженные конфликты. Это затрудняет защиту мирных жителей в таких конфликтах и повышает риск их вовлечения в насилие.

Одной из наиболее острых правовых проблем является определение гражданских лиц в условиях современных вооруженных конфликтов. IV Женевская конвенция от 12 августа 1949 г. определяет гражданских лиц как тех, кто не принимает участия непосредственно в военных действиях [2, ст. 3]. Однако в современных конфликтах, где граница между боевыми действиями и мирной жизнью часто размыта, становится сложным точно выделить гражданских лиц. В условиях гибридных войн, когда стороны конфликта не всегда идентифицируются как государства или официальные вооруженные силы, гражданские лица могут стать объектами насилия

со стороны различных акторов. Например, партизанские группы или террористические организации, которые используют мирных жителей в качестве «живых щитов» или в роли рекрутов, ставят под угрозу традиционную правовую классификацию гражданских лиц.

IV Женевская конвенция предусматривает общую защиту детей как лиц, не принимающих участия в военных действиях. Согласно Конвенции дети, как часть гражданского населения, подпадают под действие всех положений, касающихся обращения с покровительствуемыми лицами, которые определяют основной принцип гуманного обращения с людьми, включающий уважение к жизни, физическую и психическую неприкосновенность, уважение человеческого достоинства, запрещение оскорбительного и унижающего обращения, запрещение осуждения и применения наказания без суда [2, ст. 3]. В отношении детей, как и всего гражданского населения, запрещаются пытки, телесные наказания, медицинские и научные опыты, коллективные наказания, репрессалии, меры запугивания или террора, взятие заложников, незаконное депортирование и т. д. [2, ст. 13, 27, 30–34, 147].

Дополнительные протоколы в значительной мере развили и дополнили положения IV Женевской конвенции, касающиеся защиты гражданского населения, в том числе и детей.

Применение принципов пропорциональности и необходимости, ключевых для международного гуманитарного права, также вызывает проблемы в современных конфликтах. Принцип пропорциональности запрещает использование силы, если она наносит ущерб гражданским лицам в той степени, которая превышает ожидаемую военную выгоду [1, ст. ст. 51, 57]. Однако в условиях современных войн, таких как воздушные удары с использованием дронов, где точность и минимизация потерь среди мирных жителей крайне сложны, часто происходит нарушение этого принципа. В то же время, принцип необходимости, который ограничивает использование силы, должен быть соблюден с учетом реальных условий войны, что также является проблематичным. Однако в условиях современных войн, когда используются высокотехнологичные средства поражения, иногда сложно понять, что является необходимым для победы в конфликте, а что – чрезмерным или неоправданным.

Еще одной важной проблемой является недостаточная ответственность за нарушения норм защиты гражданских лиц. В некоторых случаях, как, например, в гражданских войнах или конфликтах с участием террористических группировок, правонарушители остаются безнаказанными, что ведет к продолжению насилия против мирного населения.

Кроме того, особую сложность в определении гражданских лиц в конфликте создают новые формы насилия, например, кибератаки и информационные войны, которые затрудняют идентификацию объектов нападения и мешают соблюдению принципов МГП.

С начала 1990-х годов МККК активно работал в странах бывшей Югославии, включая Сербию, Хорватию и Боснию и Герцеговину. Организация предоставляла гуманитарную помощь, включая продовольствие, медикаменты и предметы первой необходимости, а также осуществляла защиту гражданского населения, посещая места содержания заключенных и содействуя в восстановлении семейных связей [5].

Одним из наиболее трагичных последствий конфликтов было исчезновение более 35 000 человек. МККК продолжает работать с властями региона, призывая их выполнять обязательства по поиску и идентификации пропавших лиц, а также предоставлению ответов их семьям. В последние годы усилия были направлены на использование архивных материалов международных организаций и военных подразделений, присутствовавших в регионе во время конфликтов [4; 5].

В рамках усилий по защите гражданского населения МККК содействовал заключению специальных соглашений между сторонами конфликта, направленных на обеспечение гуманитарного доступа и защиту гражданских лиц. Эти соглашения предусматривали, в частности, свободный проход гуманитарных грузов и сотрудничество с Красным Крестом в оказании помощи.

В Руанде МККК также оказывал гуманитарную помощь, включая медицинскую помощь, восстановление семейных связей и поддержку беженцев и перемещенных лиц. Организация также работала с властями и местными организациями для обеспечения соблюдения международного гуманитарного права.

МККК проводил тренинги для сотрудников вооруженных сил и полиции Руанды, направленные на повышение осведомленности о правилах ведения боевых действий и защите гражданского населения. Целью этих мероприятий было улучшение понимания и соблюдения международного гуманитарного права.

В ходе геноцида в Руанде МККК продолжал свою деятельность, несмотря на сложные условия. Присутствие делегатов МККК в некоторых районах, таких как Сянгугу, могло способствовать предотвращению насилия, поскольку эмблема Красного Креста и присутствие делегатов часто уважались, что обеспечивало определенную защиту гражданскому населению [3].

В восточной части Демократической Республики Конго, особенно в городе Гома, МККК оказывает помощь пострадавшим в результате боевых действий между вооруженными группами и правительственными войсками. Организация предоставляет медицинскую помощь, включая лечение ранений, и оказывает содействие в обеспечении доступа к воде и санитарным условиям. Кроме того, МККК работает над предотвращением распространения заболеваний, таких как Эбола, в условиях гуманитарного кризиса.

Для того чтобы обеспечить более эффективную защиту гражданских лиц, необходимы усилия по расширению применимости норм международного гуманитарного права к негосударственным акторам. Одна из важных мер – это включение обязательств, связанных с защитой гражданских лиц, в правовые рамки для всех участников конфликта, независимо от их статуса.

Современные технологии, в том числе беспилотные летательные аппараты, должны быть включены в правовые инструменты, регулирующие войну. Это включает в себя:

- разработку новых норм, ограничивающих использование автономных оружий и дронов, направленных на минимизацию ущерба мирным жителям;

- регулирование новых технологий ведения войны, таких как искусственный интеллект и автономные системы, требует создания международных соглашений по их ограничению. Страны должны разработать механизмы мониторинга и контроля за такими технологиями, чтобы предотвратить их использование против гражданских лиц и гражданской инфраструктуры;

- применение принципа пропорциональности к современным технологиям ведения войны, где дистанция и точность ударов играют критическую роль;

- важно развивать гуманитарные организации, которые будут работать непосредственно с гражданским населением в зонах конфликта, обеспечивая им помощь и защиту. Это требует создания новых механизмов координации действий между международными организациями, национальными государствами и частными фондами;

- частные военные компании (далее – ЧВК) все чаще участвуют в конфликтах, но на практике они не всегда подчиняются международному гуманитарному праву. Необходимо создать международные стандарты, регулирующие деятельность ЧВК, чтобы предотвратить их злоупотребления и обеспечить защиту гражданских лиц в районах их деятельности;

- современные конфликты включают элементы информационных войн, где фальсификация информации и пропаганда могут привести к насилию против гражданского населения. Разработка международных стандартов для противодействия информационным атакам и фейковым новостям поможет снизить риск эскалации насилия в обществах, пострадавших от конфликтов.

Для повышения ответственности за нарушение прав гражданских лиц необходимо укрепление механизмов международного правосудия. Важно развивать институт универсальной юрисдикции, чтобы независимо от местоположения преступника или места совершения преступления, ответственные за нарушения прав гражданских лиц могли быть привлечены к ответственности.

Защита гражданских лиц в условиях современных вооруженных конфликтов требует комплексного подхода и адаптации международного гуманитарного права к новым реалиям. Проблемы, возникающие из-за использования новых технологий, участия негосударственных акторов в конфликте и недостаточной ответственности за нарушения, требуют пересмотра и совершенствования существующих правовых норм. Укрепление обязательности норм МГП, регулирование новых технологий и улучшение механизмов ответственности станут важными шагами на пути к более эффективной защите мирных жителей в условиях современных войн.

Список цитированных источников

1. Дополнительный протокол I к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов // *Icrc.org*. – URL: <https://clck.ru/3Hf28A> (дата обращения: 15.03.2025).
2. Женевская конвенция о защите гражданского населения во время войны: заключена в г. Женеве 12 авг. 1949 г. // *Un.org*. – URL: <https://clck.ru/3HezXw> (дата обращения: 15.03.2025).
3. «A season in hell»: The Rwandan genocide and the ICRC's Fundamental Principles // *Icrc.org*. – URL: <https://clck.ru/3LsmPz> (mode of access: 16.03.2025).
4. Human Rights Day Yugoslavia // *Icrc.org*. – URL: <https://clck.ru/3LsmJQ> (mode of access: 16.03.2025).
5. Serbia // *Icrc.org*. – URL: <https://clck.ru/3LsmEw> (mode of access: 16.03.2025).
6. Бадло, М. С. Защита прав человека во время международных вооруженных конфликтов / М. С. Бадло // *Современные наукоемкие технологии*. – 2013. – № 6. – С. 127–128.
7. Кушлейко, А. С. Современные вызовы для гуманитарной деятельности / А. С. Кушлейко // *Пути к миру и безопасности*. – 2018. – № 1 (54). – С. 67–76.
8. Международный Комитет Красного Креста // *Icrc.org*. – URL: <https://www.icrc.org/ru> (дата обращения: 15.03.2025).

Mikhalchenko D. A., Brest, Brest State A. S. Pushkin University, Law Faculty; Academic adviser: Slivko O. Ya., Brest, Brest State A. S. Pushkin University, Senior Lecturer of the Department of Theory and History of State and Law.

**ПРИМЕНЕНИЕ НАУЧНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ
В ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТАХ
КАК ПРОБЛЕМА МЕЖДУНАРОДНОГО ГУМАНИТАРНОГО ПРАВА**

**APPLICATION OF SCIENTIFIC TECHNOLOGIES IN ARMED CONFLICTS
AS A PROBLEM OF INTERNATIONAL HUMANITARIAN LAW**

Мурашко Е. С.

Республика Беларусь,
г. Минск,
УО «Академия Министерства внутренних дел
Республики Беларусь»,
курсант следственно-экспертного факультета

Научный руководитель

Дементей О. А.

Республика Беларусь,
г. Минск,
УО «Академия Министерства внутренних дел
Республики Беларусь»,
преподаватель кафедры
конституционного и международного права

Аннотация: В статье проведен анализ применения таких достижений научно-технического прогресса, как беспилотные летательные аппараты, а также достижений химической отрасли в вооруженных конфликтах через призму проблематики международного гуманитарного права.

Ключевые слова: международный конфликт, беспилотные летательные аппараты, химические вещества, гражданское население.

Annotation: The article analyzes the application of such achievements of scientific and technological progress as unmanned aerial vehicles, as well as achievements of the chemical industry, in armed conflicts through the prism of the problems of international humanitarian law.

Keywords: international conflict, unmanned aerial vehicles, chemical substances, civilian population.

На сегодняшний день развитие научно-технического прогресса и появление в его рамках инновационных технологических разработок существенным образом повлияло на различные сферы жизнедеятельности современного общества. В то же время, следует обратить внимание на то, что результаты научных исследований, реализовавшиеся в форме научных открытий и технологий постепенно (а иногда и в ускоренном темпе) модер-

низировались под нужды текущей общественно-политической действительности, меняя тем самым свое целевое назначение. В связи с этим видится актуальным к исследованию вопрос о соответствии положениям международного гуманитарного права отдельных аспектов применения достижений научно-технического прогресса в современных вооруженных конфликтах.

Один из ярких примеров модификации современных научных технологий является создание и выпуск беспилотных летательных аппаратов (далее – БПЛА), которые изначально были предназначены для развлечения либо для художественных целей: съемка кино, видео, фильмов и так далее. На сегодняшний день первоначальные дроны прошли стадию модернизации и переквалифицировались под другое целевое назначение, которое заключается в нанесении значительного ущерба и используется на фронтах в разных точках мира. Об этом также ведет речь Камиджани М. К.: «Изначально дроны создавались как разведывательные самолеты. При этом вопросы о гуманитарных правах и правах человека были менее изучены. Однако в определенный момент к беспилотным системам начали присоединять и использовать боевые ракеты» [1, с. 680].

Особой разновидностью являются «дроны FPV – это беспилотные летательные аппараты, которые оснащены функцией «вид от первого лица» (First Person View – сокращенно FPV). Что такое режим FPV – это функция передачи видео в реальном времени при помощи камеры, установленной в передней части БПЛА. Формально FPV-дроном можно считать любой БПЛА, если оператор управляет им, ориентируясь на «картинку» со встроенной камеры, однако в последнее время под ними все чаще подразумевают быстрые квадрокоптеры, управляемые при помощи специальной гарнитуры» [2, с. 15–16].

В настоящее время международными соглашениями вопрос о применении БПЛА урегулирован недостаточно. Такое регулирование ограничивается ст. 8 Чикагской конвенции 1944 г., согласно которой полеты беспилотных летательных аппаратов над территорией любой страны не допускаются без получения специального разрешения и соблюдения пунктов, содержащихся в этом разрешении» [3].

Как утверждает М. К. Камиджани, в небоевых ситуациях использование беспилотников в качестве вооружения также должно быть ограничено в рамках гуманитарных прав и правозащитных норм. Что касается легитимности использования дронов, то здесь следует обратить внимание на некоторые моменты. В первую очередь беспилотники должны рассматриваться как оружие, инструмент для запуска ракет и бомб. При этом необходимо следовать стандартам прав человека» [1, с. 680].

Также данный автор указывает на возможность допущения еще одного нарушения норм международного права в процессе применения БПЛА: «Шпионаж с помощью военных беспилотников внутри другой страны, не только нарушает ряд положений Чикагской конвенции,

но и противоречит таким принципам, как запрет на вмешательство во внутренние дела страны и неприменение силы. Ответственность стран, с территории которых осуществлялась эта акция, также очевидна с точки зрения международного права» [1, с. 681].

По нашему мнению, еще одним проблемным аспектом в области применения научных технологий в условиях вооруженных конфликтов, является применение достижений в химической отрасли, которые, будучи направленными на использование в промышленности, видоизменялись и применялись в военных целях. Так, В. Н. Прямыцын и В. В. Чертов пишут, что «...в годы Первой мировой войны получило развитие применение отравляющих веществ, в том числе и тех, что были предназначены для поражения живой силы противника посредством отравления источников воды...» [4, с. 14]. Аналогичное применение было свойственно и для Великой Отечественной войны: «...Отступая под натиском советских войск, противник стремился превратить оставляемую территорию в зону пустыни приводил в негодность водопроводы и колодцы, засыпал мусором и трупами животных водохранилища, отравлял воду с помощью химикатов...» [4, с. 18].

Неоспоримыми являются факты применения химического оружия в более поздних вооруженных конфликтах. Так, исследователи Супотницкий М. В., Шило Н. И., Ковтун В. А. изучали причины, вызвавшие возвращение химического оружия на поля сражений во время ирано-иракской войны 1980–1988 гг. и его роль в ходе боевых действий [5].

Как показывает мировая практика, на сегодняшний день и во времена прошлых вооруженных конфликтов, не исключался факт применения химических веществ в больших объемах для поражения живой силы (т. е. в отношении людей). В последующем, применение данных веществ и их модификаций в отношении человека приобрело противоправный характер, и, соответственно, было запрещено международными соглашениями путем создания категории «химическое и биологическое оружие». Примером применения данного вида оружия является смеси дефолиантов и гербицидов «Agent Orange» со стороны США в период войны во Вьетнаме, что не соответствует нормам международного гуманитарного права [6].

Исходя из указанных примеров стоит определить положительные и негативные аспекты применения рассмотренных научно-технических достижений в вооруженных конфликтах.

Положительными аспектами будут являться:

1. Поиск с использованием дронов пострадавших в результате стихийного бедствия и вооруженного конфликта.
2. Координация с использованием деятельности гуманитарных отрядов и отрядов медицинской помощи на территории стихийного бедствия и вооруженного конфликта.

3. Предотвращение деятельности террористических организаций, направленной на нанесения ущерба мирному населению, в том числе пресечение попыток совершения террористических актов и т. д.

Негативными аспектами будут являться:

1. Нанесение дальнобойных ударов по гражданским объектам в виду неосторожности либо не профессиональности сотрудников вооруженных сил той или иной противоборствующей стороны.

2. Нанесение ударов по гражданским объектам, посредством использования FPV-дронов, как попытка дестабилизировать деятельность противоборствующей стороны.

3. Использование дронов для осуществления шпионажа.

4. Использование современных химических веществ и модификаций биологического оружия в военных целях с наличием косвенного умысла на причинение вреда гражданскому населению (например, отравление посредством трубопроводных вод, снабжающих население питьевой водой и т. п.).

Приведенные негативные примеры отражают существенные аспекты возможного нарушения норм международного гуманитарного права, при этом к последним следует относить:

1) ст. 22 Женевской конвенции о защите гражданского населения во время войны, которая регулирует вопрос о летательных аппаратах, применяющихся исключительно для перевозки раненных и больных гражданских лиц [7];

2) ст. 16 Женевской конвенции о защите гражданского населения во время войны, регулиующую вопрос о статусе раненных, больных, инвалидов, беременных женщин и так далее [7];

3) ст. 13–15 Женевской конвенции об обращении с военнопленными, регулирующие вопрос о гуманном отношении с военнопленными [8];

4) иные положения Женевских конвенций, дополнительных протоколов к ним и других соглашений в области международного гуманитарного права.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что применение современных научных технологий может иметь как негативные, так положительные стороны. Применение результатов научных достижений по мере развития общества может менять свое целевое значение. Именно поэтому, следует принимать определенные упреждающие меры, в том числе путем разработки и заключения соответствующего международного соглашения, направленные на недопущение нарушений норм международного гуманитарного права, допускаемых в процессе использования инновационных технологий.

Список цитированных источников

1. Камиджани, М. К. Нарушение воздушного пространства страны беспилотными летательными аппаратами (дронами) с точки зрения международного права / М. К. Камиджани // Journal of Digital Technologies and Law. – 2024. – № 3. – С. 674–689. –

URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/narushenie-vozdushnogo-prostranstva-strany-be-spilotnymi-letatelnyimi-apparatami-dronami-s-tochki-zreniya-mezhdunarodnogo-prava> (дата обращения: 01.05.2025).

2. Гайдук, В. В. Применение FPV-дронов в современных локальных конфликтах / В. В. Гайдук // Развитие вооружения и военной специальной техники. История и современное техническое обеспечение боевых действий : материалы Респ. науч.-техн. конф., 10 апр. 2024 г. / редкол.: А. А. Почебыт (пред. редкол.) [и др.] ; сост. И. Б. Шеденкова. – Минск : БНТУ, 2024. – С. 15–19.

3. Конвенция о международной гражданской авиации : заключена в г. Чикаго 7 дек. 1944 г. // Электронный фонд «Консорциум Кодекс». – URL: <https://docs.cntd.ru/document/1902240> (дата обращения: 07.05.2025).

4. Прямыцын, В. И. «В боевой обстановке войска зачастую готовы пить любую воду». история водоснабжения в отечественных вооруженных силах / В. И. Прямыцын, В. В. Чертов // ВИЖ. – 2019. – № 1. – С. 12–19. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vc-boevoy-obstanovke-voyska-zachastuyu-gotovy-pit-lyubuyu-vodu-istoriya-vodosnabzheniya-v-otechestvennyh-vooruzhyonnyh-silah> (дата обращения: 07.05.2025).

5. Супотницкий, М. В. Применение химического оружия в ирано-иракской войне 1980–1988 гг. 2. Применение химического оружия в боевых действиях / М. В. Супотницкий, Н. И. Шило, В. А. Ковтун // Вестник войск РХБ защиты. – 2019. – Т. 3, № 2. – С. 150–174.

6. Животова, П. 10 августа 1961 г. американцы впервые применили химикат Agent Orange во Вьетнаме / П. Животова // Ассоциация «Российское историческое общество». – URL: https://historyrussia.org/index.php?option=com_content&view=article&layout=edit&id=7644 (дата обращения: 03.05.2025).

7. Женевская конвенция о защите гражданского населения во время войны : заключена в г. Женеве 12 авг. 1949 г. // Организация Объединенных Наций. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/geneva_civilian.shtml (дата обращения: 07.05.2025).

8. Женевская конвенция об обращении с военнопленными : заключена в г. Женеве 12 авг. 1949 г. // Организация Объединенных Наций. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/geneva_prisoners.shtml (дата обращения: 07.05.2025).

Murashko E. S., Minsk, Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus, cadet of the Investigative Expert Faculty; Academic advisor: Dementey O. A., Minsk, Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus, Lecturer at the Department of Constitutional Law and International Law.

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ
ПО ЗАЩИТЕ МИРНОГО НАСЕЛЕНИЯ
В ХОДЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ВООРУЖЕННОГО КОНФЛИКТА**

**LAW ENFORCEMENT ACTIVITIES TO PROTECT CIVILIANS
DURING AN INTERNATIONAL ARMED CONFLICT**

Петрухина В. В.

Республика Беларусь,
г. Минск,
УО «Академия Министерства внутренних дел
Республики Беларусь»,
курсант уголовно-исполнительного факультета

Научный руководитель

Бородич А. И.

Республика Беларусь,
г. Минск,
УО «Академия Министерства внутренних дел
Республики Беларусь»,
профессор кафедры
конституционного и международного права,
кандидат юридических наук, профессор

Аннотация: В статье дан подробный анализ деятельности сотрудников органов внутренних дел по защите мирного населения при возникновении международного вооруженного конфликта.

Ключевые слова: органы внутренних дел, мирное население, международный вооруженный конфликт, правоохранительная деятельность, Женевская конвенция.

Annotation: The article provides a detailed analysis of the activities of internal affairs officers to protect civilians in the event of an international armed conflict.

Keywords: Internal affairs agencies, civilians, international armed conflict, law enforcement, Geneva Convention.

Актуальность рассматриваемого вопроса имеет особое значение, поскольку вопрос деятельности правоохранительных органов по защите мирного населения в ходе международного вооруженного конфликта недостаточно регламентирован в законодательстве Республики Беларусь.

Вооруженные конфликты являются одновременно и прецедентом, и правовым вопросом. С 1945 года Уставом ООН запрещается прибегать к силе в отношениях между государствами, за исключением случаев само-

обороны при нападении. Тем не менее, вплоть до 2010 года в международном уголовном праве отсутствовало юридическое определение агрессии. Не существует также и международного юридического определения вооруженных конфликтов как таковых. С 1949 года в ст. 2, общей для четырех Женевских конвенций, дается определение международного вооруженного конфликта, влекущего за собой применение гуманитарного права. В ст. 3, общей для всех Женевских конвенций, устанавливаются минимальные правила, применимые в немеждународных вооруженных конфликтах, вместе с тем определение самих конфликтов не уточняется. Дополнительный протокол I 1977 г. к Женевским конвенциям, а также судебная практика международных судов расширили определение международных вооруженных конфликтов и предложили критерии толкования этого определения.

Целью этих определений является обязательное соблюдение норм договорного и обычного гуманитарного права, применимые именно к международным вооруженным конфликтам, а не более узкие нормы, применимые к немеждународным вооруженным конфликтам.

Деятельность органов внутренних дел в условиях вооруженных конфликтов и при введении чрезвычайного положения характеризуется рядом специфических черт. Во-первых, они являются специальными органами государства, деятельность которых направлена, прежде всего, на поддержание должного общественного порядка и необходимой безопасности граждан. Во-вторых, в силу этого органы внутренних дел для организации и практического осуществления мер, обеспечивающих общественный порядок и безопасность граждан в этих условиях, имеют в своей структуре все необходимые элементы (подразделения) для выявления и пресечения противоправных действий. В-третьих, осуществляя борьбу с противоправными явлениями, органы внутренних дел осуществляют свои властные полномочия на существующую социальную среду, в связи с чем их деятельность непосредственно касается значительного количества граждан, проживающих в зоне чрезвычайного положения или вооруженного конфликта. В-четвертых, органы внутренних дел, предупреждая и пресекая правонарушения и преступления в этих чрезвычайных условиях, тем самым способствуют обеспечению и защите основных прав и свобод граждан в данных условиях.

Кроме того, деятельность подразделений органов внутренних дел осуществляется в особой форме, которая является чрезвычайной, поскольку применяется в таких экстраординарных условиях, когда повседневные формы организации работы органов внутренних дел не в состоянии обеспечить эффективное решение задач по восстановлению общественного порядка, охране прав и свобод граждан. В чрезвычайных ситуациях эта деятельность подчинена одной цели – устранению негативных последствий чрезвычайных обстоятельств криминогенного или природно-техногенного характера и пресечению деятельности незаконных вооруженных формирований [1].

Конвенция – официальный многосторонний договор с участием большого числа сторон. Конвенции, как правило, открыты для участия международного сообщества в целом или большого числа государств [2].

Международным вооруженным конфликтом считаются вооруженные конфликты, возникающие между двумя или более государствами-участниками Женевских конвенций, а также случаи оккупации всей или части территории государства-участника, а также национальные освободительные войны [3].

Женевская конвенция о защите гражданского населения во время войны, также известная как четвертая женевская конвенция – принята 12 августа 1949 г.; вступила в силу 21 октября 1950 г. [4].

Согласно ст. 16 этой Конвенции от 12 августа 1949 г. о защите гражданского населения во время войны, раненые и больные, а также инвалиды и беременные женщины будут пользоваться особым покровительством и защитой, а также в ходе международного вооруженного конфликта каждая находящаяся в конфликте сторона будет содействовать мероприятиям по розыску убитых и раненых, по оказанию помощи потерпевшим кораблекрушение и прочим лицам, подвергающимся серьезной опасности, а также по их ограждению от ограбления и дурного обращения, каждая из находящихся в конфликте сторон будет облегчать розыск, производящийся членами разрозненных войной семей с целью установления связи друг с другом и, если это возможно, способствовать их соединению, а также будет поддерживать деятельность организаций, которые посвящают себя этому делу.

Поскольку это позволят военные требования, каждая находящаяся в конфликте сторона будет содействовать мероприятиям по розыску убитых и раненых, по оказанию помощи потерпевшим кораблекрушение и прочим лицам, подвергающимся серьезной опасности, а также по их ограждению от ограбления и дурного обращения [4].

Кроме того, необходимо отметить, что помимо указанных нормативных правовых актов, например, существует Закон Республики Беларусь «Об органах внутренних дел Республики Беларусь» (далее – Закон), в котором закреплено понятие органов внутренних дел – государственных правоохранительных органов, осуществляющих борьбу с преступностью, охрану общественного порядка и обеспечивающие общественную безопасность в соответствии с задачами, возложенными на них данным Законом и иными законодательными актами. Органы внутренних дел относятся к военизированным организациям и являются составной частью системы обеспечения национальной безопасности. В ст. 2 Закона указаны основные задачи органов внутренних дел:

– защита жизни, здоровья, чести, достоинства, прав, свобод и законных интересов граждан Республики Беларусь, иностранных граждан и лиц без гражданства (далее, если не указано иное, – граждане) от преступных и иных противоправных посягательств, обеспечение их личной и имущественной безопасности, защита прав и законных интересов организаций

от преступных и иных противоправных посягательств в соответствии с компетенцией органов внутренних дел;

- защита интересов общества и государства от преступных и иных противоправных посягательств, охрана общественного порядка и обеспечение общественной безопасности;

- защита собственности от преступных и иных противоправных посягательств;

- профилактика, выявление, пресечение преступлений и административных правонарушений, производство дознания по уголовным делам, ведение административного процесса в соответствии с их компетенцией;

- розыск обвиняемых, местонахождение которых неизвестно, лиц, скрывающихся от органов, ведущих уголовный процесс, лиц, уклоняющихся от отбывания наказания или иных мер уголовной ответственности, без вести пропавших и других лиц в случаях, предусмотренных законодательными актами, установление лиц, совершивших преступления, лиц, подлежащих привлечению к административной ответственности, в соответствии с компетенцией органов внутренних дел;

- организация исполнения и отбывания наказания и иных мер уголовной ответственности, административных взысканий в соответствии с компетенцией органов внутренних дел;

- участие в реализации государственной политики в области гражданства, миграции и регистра населения;

- оказание в пределах компетенции органов внутренних дел на условиях и в порядке, предусмотренных законодательством, помощи гражданам, государственным органам, общественным объединениям и иным организациям в реализации их прав и возложенных на них обязанностей.

На органы внутренних дел законодательными актами могут быть возложены иные задачи [5].

Следует отметить, что помимо указанных, в Женевской Конвенции закреплено также Покровительствуемые лица имеют право при любых обстоятельствах на уважение к их личности, чести, семейным правам, религиозным убеждениям и обрядам, привычкам и обычаям. С ними будут всегда обращаться гуманно, и, в частности, они будут охраняться от любых актов насилия или запугивания, от оскорблений и любопытства толпы. Женщины будут специально охраняться от всяких покушений на их честь, и, в частности, от изнасилования, принуждения к проституции или любой другой формы покушений на их нравственность. С учетом положений, касающихся состояния здоровья, возраста и пола, состоящая в конфликте сторона, во власти которой находятся покровительствуемые лица, будет со всеми ими обращаться одинаково, без какой-либо дискриминации, в частности по причинам расы, религии или политических убеждений. Однако в отношении этих лиц стороны, находящиеся в конфликте, могут принимать такие меры контроля или меры обеспечения безопасности, ко-

торые могут оказаться необходимыми вследствие войны. Ни одно покровительствуемое лицо не может быть наказано за правонарушение, совершенное не им лично. Коллективные наказания, так же, как и всякие меры запугивания или террора запрещены. Ограбление воспрещается. Репрессалии в отношении покровительствуемых лиц и их имущества воспрещаются. Взятие заложников запрещается.

Применяя меры контроля, указанные в данной Конвенции, держава, во власти которой находятся покровительствуемые лица, не должна обращаться с беженцами, фактически не пользующимися покровительством ни одного правительства, как с иностранцами, являющимися гражданами противника, в силу лишь их юридической принадлежности к неприятельскому государству.

Уголовное законодательство оккупированной территории остается в силе, за исключением случаев, когда оно может быть отменено или приостановлено оккупирующей державой, если это законодательство представляет собой угрозу безопасности оккупирующей державы или препятствует применению настоящей Конвенции. С учетом упомянутого соображения и необходимости обеспечить эффективное отправление правосудия судебные органы оккупированной территории будут продолжать исполнять свои функции при всех правонарушениях, предусмотренных этим законодательством.

Оккупирующая держава тем не менее может подчинить население оккупированной территории действию постановлений, существенно необходимых для выполнения ее обязательств согласно настоящей Конвенции, поддержания нормального управления территории и обеспечения безопасности оккупирующей державы, личного состава и имущества оккупационных войск или администрации, а также используемых ею объектов и коммуникационных линий [4].

Таким образом, можно сделать вывод, что в случае возникновения международного вооруженного конфликта правоохранительные органы будут осуществлять деятельность по защите мирного населения, а также выполнять свои задачи, возложенные на них законодательством Республики Беларусь, в частности, законом «Об органах внутренних дел», а также руководствоваться требованиями Женевской Конвенции о защите гражданского населения во время войны.

Список цитированных источников

1. Особенности деятельности органов внутренних дел в условиях внутренних вооруженных конфликтов. – URL: <https://studopedia.org/11-30516.html> (дата обращения: 01.05.2025).
2. Декларации, конвенции и другие нормативные документы. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/ (дата обращения: 02.05.2025).
3. Вооруженные конфликты // Практический словарь гуманитарного права. – URL: <https://slovar-gumanitarnogo-prava.org/content/article/4/mezhdunarodnyi-vooruzhennyi->

konflikt-mvk/#:~:text=Согласно %20договорному %20гуманитарному %20праву %20международным,освободительные %20войны %20(ЖІ %2С %20ЖІІ %2С (дата обращения: 01.05.2025).

4. Женевская Конвенция о защите гражданского населения во время войны : заключена в г. Женеве 12 авг. 1949 г. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/geneva_civilian_1.shtml (дата обращения: 01.05.2025).

5. Об органах внутренних дел. – URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=h10700263> (дата обращения: 01.05.2025).

Petruhina V. V., Minsk, Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus, cadet of the Criminal-Executive Faculty; Academic advisor: Borodich A. I., Minsk, Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus, Professor of the Department of Constitutional and International Law, PhD, Professor.

**ПРЕДОТВРАЩЕНИЕ НЕГАТИВНОГО ВЛИЯНИЯ
ОДНОСТОРОННИХ САНКЦИЙ НА ПРАВА ЧЕЛОВЕКА
В СФЕРЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ГУМАНИТАРНОГО ПРАВА**

**PREVENTING THE NEGATIVE IMPACT
OF UNILATERAL SANCTIONS ON HUMAN RIGHTS
IN THE SPHERE OF INTERNATIONAL HUMANITARIAN LAW**

Прокопович И. А.

Республика Беларусь,
г. Минск,
УО «Академия Министерства внутренних дел
Республики Беларусь»,
курсант факультета милиции
общественной безопасности

Научный руководитель

Дементей О. А.

Республика Беларусь,
г. Минск,
УО «Академия Министерства внутренних дел
Республики Беларусь»,
преподаватель кафедры
конституционного и международного права

Аннотация: В статье дан подробный анализ негативного влияния односторонних санкций и односторонних принудительных мер, а также рассмотрены пути решения по предотвращению негативного влияния односторонних санкций на права человека в сфере международного гуманитарного права.

Ключевые слова: односторонние санкции, односторонние принудительные меры, Совет Безопасности ООН, урегулирование конфликта, предотвращение негативного влияния.

Annotation: The article provides a detailed analysis of the negative impact of unilateral sanctions and unilateral coercive measures, as well as solutions to prevent the negative impact of unilateral sanctions on human rights in the field of international humanitarian law.

Keywords: unilateral sanctions, unilateral coercive measures, UN Security Council, conflict resolution, prevention of negative influence.

Современный человек, живущий в информационном мире, обладающий возможностью получать, воспринимать, анализировать и воспроизводить полученную информацию, давно слышал о таком понятии как «санкции», но далеко не каждый знает, что санкции, которые применяются в отношении различных стран в качестве средства давления, негативно влияют на гуманитарное право в разных областях человеческой жизни.

Деятельность определенных государств и международных организаций, которая оказывает негативное давление с учетом применения односторонних санкций, все больше вызывает вопросов у мирового сообщества, особенно если они приобретают экстерриториальный характер. Очевидно, что государства прибегая к санкциям преследуют определенные политические цели, но не стоит забывать, что их применение имеет существенную правовую базу, которая в международном праве имеет жесткие условия, не соблюдая которых может наступить как политическая, так и международная ответственность.

Главным оправданием введения односторонних санкций является то, что они вводятся государствами в пределах их суверенных полномочий или международными организациями в пределах своей компетенции. Нужно также учитывать, что санкции не имеют экстерриториального эффекта и приводят к юридическим последствиям только в пределах юрисдикции вводящего их государства. При этом использование экстерриториальных односторонних санкций противоречит одному из основополагающих принципов международного права – принципу невмешательства во внутренние дела государств.

Нужно понимать, что *односторонние санкции могут вводиться и в отсутствие какого бы то ни было вооруженного конфликта, но иногда последствия их применения могут расцениваться как преступление в форме агрессии или преступление против человечества*. Даже в том случае, когда Совет Безопасности ООН (далее – СБ ООН) принимает соответствующую резолюцию с целью урегулирования конфликта, то односторонние санкции могут оказать куда более масштабные последствия, охватывая более широкий круг лиц, чем это допускает разрешение СБ ООН. При этом нужно предусматривать вводимые новые виды ограничений и механизмы наказаний. Так, например, вводимые ограничительные меры США и ЕС, которые вводились в рамках борьбы с терроризмом; санкции ЕС в отношении Афганистана, Северной Кореи, Ирака, Гаити, Эритреи, Судана, Сомали [1, с. 33; 2, с. 235]. Если обратиться к нормам международного права, то эти односторонние меры не были санкционированы и не имели под собой иных правовых оснований, то есть их применения только усугубляет тяжесть вооруженного конфликта, что способствует увеличению насилия и не гарантирует защиту прав человека.

Односторонние санкции в международном праве однозначно являются негативным, но фактическим явлением. Они всегда влекут те или иные негативные последствия, особенно это касается третьих государств.

Данные государства вправе рассматривать односторонние санкции как недружественные акты и могут реагировать соответствующим образом. Тем не менее, как показывает практика, государства применяют односторонние санкции, не опираясь на решения и нормы СБ ООН. Возникает вопрос правомерности применения таких санкций, так как эти санкции превышают режим применения санкций со стороны СБ ООН. Если допустить факт, что односторонние меры являются мерой реагирования на противоправные поведения стран-адресатов, то к ним применимы критерии по поводу правомерности контрмер, предусмотренные нормами международного права об ответственности государств за международно-противоправные деяния. Главной и основной целью применения контрмер является желание конкретного государства к прекращению конкретного нарушения. Также важным вопросом является принцип соразмерности, который устанавливает правила ответственности за нарушения государств, вводящих санкции.

Современное международное право не содержит норм, которые бы прямо указывали на запрет применения государством односторонних невоенных принудительных мер в отношении другого государства. Международные организации и государства стремятся повлиять друг на друга, но при этом ни одна из сторон не признает, что средства давления, применяемые ими, выходят за рамки международного права, и каждая из сторон стремится обосновать их правомерность.

В этой связи полагаем, что *первой мерой, направленной на предотвращение негативного влияния односторонних санкций*, следует признать вынесение на рассмотрение вопроса на заседание СБ ООН по поводу принятия резолюции, которая бы давала определение понятие «односторонних санкций» и «односторонних принудительных мер», выходя за рамки которых, страны нарушители были бы подвержены международной ответственности. Существует механизм контрмер, который широко известен в области международного права. Действия этих контрмер должны полностью соответствовать праву международной ответственности. То есть такие меры могут приниматься исключительно напрямую затронутыми санкциями государства в ответ на нарушения определенных международных обязательств в целях возобновления соблюдения таких обязательств. Они должны носить принцип соразмерности и быть соразмерны нарушению тех или иных обязательств. Также они обязаны носить временный характер и при этом не должны нарушать права человека и нормы международного гуманитарного права.

В качестве *второй меры, направленной на предотвращение негативного влияния односторонних санкций*, предлагаем массовый и неоднократный призыв к государствам соблюдать нормы международного права, также опираться на гуманитарные принципы предосторожности в отношении односторонней деятельности государств. Если говорить о влиянии односторонних принудительных мер, то государства в таком случае обязаны

руководствоваться принципом верховенства права. Они не должны предпринимать незаконные действия или вводить односторонние принудительные меры. Они могут вводить односторонние меры только в крайних случаях исходя из собственной военной безопасности, но при этом должны соответствовать нормам международного права.

Третьей мерой, направленной на предотвращение негативного влияния односторонних санкций, является создание механизма мониторинга и оценки воздействия односторонних санкций на права человека. Этот механизм позволил бы оперативно, эффективно и беспристрастно документировать, и давать оценки в связи с негативными последствиями влияния односторонних санкций на права человека для последующего привлечения к ответственности согласно нормам международного права [3].

В настоящее время усилия по оценке негативного воздействия односторонних принудительных мер на гуманитарную сферу имеют фрагментарный характер и практически неощутимы. В основном в рамках этой оценки рассматриваются экономические последствия и их негативное воздействие на такие сферы, как доступ к продовольствию, лекарствам, медицинскому оборудованию, образованию. Так называемая гуманитарная блокада, которая демонстрирует сугубо негативные последствия односторонних санкций, на постоянной основе осуждается Генеральной Ассамблеей ООН только в отношении Кубы. США ввели блокаду в отношении Кубы более 60 лет назад, что привело к множеству негативных гуманитарных последствий для кубинского государства. Вопрос оценки гуманитарной блокады был включен по просьбе Кубы в повестку дня Генеральной Ассамблеи в 1991 году, где с каждой ежегодной резолюцией эксперты ООН требуют прекратить экономическую блокаду, введенную США против Кубы [4].

Важно понимать, что наряду с односторонними санкциями существуют и другие причины, влияющие на проблемы в области прав человека, такие как бедность, вооруженные конфликты, стихийные бедствия и пандемии. Поэтому для проведения оценки негативного воздействия односторонних санкций на гуманитарную сферу следует опираться и на другие факторы. Так, например, до 2011 года в Сирийской Арабской Республике расход питьевой воды на душу населения приходился около 106 литров в день на человека. В период войны этот показатель снизился до 70 литров в день на человека. По причине введения односторонних принудительных мер в отношении восстановления инфраструктуры в стране, а именно системы водоснабжения, в настоящий период она функционирует в Сирии только на 50 % от своей мощности [3].

Для обеспечения прозрачности и определенной последовательности реализации оценки последствий односторонних санкций, она должна проводиться на основе *методологии*, которая была разработана Управлением по координации гуманитарных вопросов Секретариата ООН. Методология изложена в Руководстве по оценке гуманитарных последствий

санкций 2004 г. В этом руководстве описываются две главные проблемы, которые связаны с проведением оценок гуманитарных последствий применения санкций:

1) точная оценка существующего положения дел в гуманитарной сфере;

2) отделение последствий санкций для здоровья и благополучия людей от последствий, вызванных другими причинами.

Это методология оценки, которая основана на концепции обеспечения безопасности человека, использует определенные модели причинно-следственных связей с использованием показателей процесса и результата, касающихся гуманитарных вопросов [5].

Методология Управления по координации гуманитарных вопросов также включает в себя пять шагов, дающих полную картину влияния санкционного режима на гуманитарную ситуацию:

1) четкое определение соответствующих санкционных мер (типов предложенных или действующих санкций) и результатов (положения дел в гуманитарной сфере);

2) проведение оценки условий, существовавших до введения санкций;

3) определение моделей учета причинно-следственных связей для каждого аспекта темы, касающейся обеспечения безопасности человека по формуле «4+4» для выявления возможных связей между санкциями и положением дел в гуманитарной сфере;

4) определение потенциальных источников информации по всем показателям процесса и результата, определенным в моделях учета причинно-следственных связей, и сбор необходимой информации для завершения процесса разработки моделей;

5) определение степени влияния санкций на наблюдаемые последствия, отдельно от последствий, вызванных другими причинами, применительно ко всем аспектам темы, касающейся обеспечения безопасности человека [5].

При этом второй, четвертый и пятый пункты частично можно применить к оценке гуманитарных последствий ОПМ, в то время как первый шаг требует определения санкционных мер и результатов. В настоящее время ОПМ, которые вводятся государствами и международными организациями, далеко выходят за рамки эмбарго на поставку оружия, финансовых санкций, целевых торговых санкций и так далее. Некоторые из них имеют экстерриториальный характер, что расширяет масштаб последствий негативного воздействия ОПМ на права человека, затрудняет ее оценку. Так, например, введенные США санкции против Российской Федерации оказали сильное экстерриториальное воздействие на развивающиеся страны, в основном страны глобального Юга. Также введенные односторонние принудительные меры в 2014 году против Исламской Республики Иран затронули Паки-

стан, так как они заблокировали проект строительства газопровода, который был необходим Пакистану для преодоления серьезного экономического кризиса [3].

С расширением ОПМ следует учитывать более широкий спектр показателей. С учетом этого можно предложить проект инструмента для мониторинга и оценки воздействия односторонних санкций на гуманитарную ситуацию, который бы включал в себя определенный ряд показателей по следующим аспектам:

- 1) право на здоровье;
- 2) право на воду, питание и медицину;
- 3) образование и культурные права;
- 4) социальную защиту, обеспечение услугами и инфраструктурой;
- 5) гуманитарная помощь.

Также выделяют другие аспекты в гуманитарной области, такие как необходимость проводить оценку экономических и трудовых прав, социальных гарантий, уровня жизни, развития, права на пользования результатами научного процесса, защита уязвимых групп, права на международную торговлю, обеспечения гуманитарной помощи организациями, защиту и безопасность, предпринимательства и конкурентоспособность, нехватка энергии, окружающей среды, права на жизнь, передвижения, свободу от пыток и многое другое [3].

Таким образом можно сделать вывод, что на современном этапе идет активный процесс по поводу урегулирования на уровне ООН вопроса негативного влияния односторонних принудительных мер. Необходимо понимать, что пока отсутствует определение односторонних принудительных мер или односторонних санкций, будет сложно привлечь государства к необходимой ответственности.

Список цитированных источников

1. Довгань, Е. Ф. Односторонние принудительные меры, МГП и беспристрастная гуманитарная деятельность: интервью с Еленой Довгань / Е. Ф. Довгань // Международный журнал Красного Креста. – 2021. – № 916–917. – С. 27–58.

2. Сегалл, А. Экономические санкции: ограничения правового и политического характера / А. Сегалл // Международный журнал красного креста. – 1998. – № 836. – С. 235–258.

3. Мониторинг и оценка воздействия односторонних санкций и их чрезмерного соблюдения на права человека : доклад Специального докладчика по вопросу о негативном воздействии односторонних принудительных мер на осуществление прав человека Елены Ф. Довгань Генеральной Ассамблеи от 9 авг. 2024 г. // Организация Объединенных Наций. – URL: <https://docs.un.org/ru/A/HRC/57/55> (дата обращения: 01.05.2025).

4. Необходимость прекращения экономической, торговой и финансовой блокады, введенной Соединенными Штатами Америки против Кубы : резолюция

A/46/193 Генер. Ассамблеи от 19 авг. 1991 г. // Организация Объединенных Наций. – URL: <https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n91/267/79/img/n9126779.pdf>/ (дата обращения: 01.05.2025).

5. Bessler, M. Field Guidelines for Assessing the Humanitarian Implications of Sanctions / M. Bessler, R. Garfield, G. Mc Hugh // Inter-Agency Standing Committee. – 2004. – P. 1-22.

Prokopovich I. A., Minsk, Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus, cadet of the Faculty of Public Safety Police; Academic advisor: Dementey O. A., Minsk, Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus, Lecturer of the Department of Constitutional and International Law.

**СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ
МЕЖДУНАРОДНОМУ ГУМАНИТАРНОМУ ПРАВУ
В УСЛОВИЯХ ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ**

**MODERN CHALLENGES TO INTERNATIONAL HUMANITARIAN LAW
IN THE CONTEXT OF ARMED CONFLICT**

Савченко А. Ю., Мисюля М. И.

Республика Беларусь,
г. Минск,
УО «Академия Министерства внутренних дел
Республики Беларусь»,
курсанты уголовно-исполнительного факультета

Научный руководитель

Бородич А. И.

Республика Беларусь,
г. Минск,
УО «Академия Министерства внутренних дел
Республики Беларусь»,
профессор кафедры
конституционного и международного права,
кандидат юридических наук, профессор

Аннотация: Современные вызовы международному гуманитарному праву (МГП) в условиях вооруженных конфликтов становятся все более актуальными и многообразными. В последние десятилетия наблюдается рост числа конфликтов, характерных для XXI века, включая гражданские войны, террористические акты и использование новых технологий в боевых действиях. Эти изменения ставят под сомнение эффективность традиционных норм МГП, созданных для защиты жертв войны и ограничения средств ведения боевых действий.

Ключевые слова: международное гуманитарное право, вооруженные конфликты, вызовы, вооружение.

Annotation: Modern challenges to international humanitarian law (IHL) in the context of armed conflict are becoming more relevant and diverse. In recent decades, there has been an increase in the number of conflicts characteristic of the 21st century, including civil wars, terrorist attacks and the use of new technologies in combat operations. These changes call into question the effectiveness of the traditional rules of IHL, created to protect victims of war and limit the means of warfare.

Keywords: international humanitarian law, armed conflicts, challenges, armament.

Международное гуманитарное право (далее – МГП) представляет собой систему норм, регулирующих способы ведения вооруженных конфликтов и направленных на защиту мирного населения, военнопленных и других жертв войн. Основные принципы МГП – различие, пропорциональность и гуманность – лежат в основе правового регулирования вооруженных столкновений и обеспечивают минимизацию их последствий. Однако динамичное изменение природы войн, появление новых технологий и политизация правоприменительных механизмов ставят перед международным сообществом новые вызовы, требующие пересмотра существующих норм и адаптации правовых механизмов к современным реалиям.

Актуальность данной темы обусловлена тем, что вооруженные конфликты продолжают представлять серьезную угрозу международной безопасности и правам человека. В последние десятилетия международное сообщество столкнулось с изменением традиционного характера войн: вместо межгосударственных конфликтов все чаще возникают внутригосударственные противостояния, сопровождающиеся асимметричными боевыми действиями, участием негосударственных вооруженных формирований, террористических организаций и частных военных компаний. Эти изменения усложняют правоприменение, поскольку многие субъекты современных войн не признают нормы гуманитарного права или сознательно их игнорируют.

Таким образом, данное исследование направлено на анализ современных вызовов международному гуманитарному праву, рассмотрение проблем его правоприменения, изучение последствий вооруженных конфликтов для мирного населения и поиск путей адаптации существующих правовых норм к новым реалиям. Решение этих вопросов требует междисциплинарного подхода, объединяющего правовые, политические, технологические и гуманитарные аспекты. Актуальность темы обусловлена необходимостью выработки эффективных международных механизмов, способных обеспечить соблюдение норм гуманитарного права и минимизировать последствия войн.

Современные конфликты приобрели нетрадиционный характер, отходя от классической модели войн между государствами. Асимметричные и гибридные формы боевых действий включают участие негосударственных вооруженных формирований, террористических группировок и частных военных компаний, которые зачастую игнорируют нормы международного гуманитарного права. Например, борьба с транснациональными террористическими структурами, такими как «Исламское государство», ставит под сомнение возможность применения традиционных юридических категорий, поскольку такие организации не подпадают под классическое определение комбатантов и сознательно используют методы ведения войны, противоречащие основным гуманитарным принципам. Гражданская война в Сирии демонстрирует сложность правового регулирования современных

вооруженных конфликтов: в ней участвуют не только национальные вооруженные силы, но и многочисленные негосударственные акторы, применяющие передовые технологии, включая дроны и кибероружие.

Одним из ключевых вызовов международному гуманитарному праву является стремительное развитие технологий и появление новых средств ведения войны, которые существенно меняют характер вооруженных конфликтов. Технологическое совершенствование вооружений приводит к необходимости пересмотра существующих правовых норм, поскольку современные разработки, такие как искусственный интеллект, автономные боевые системы, кибероружие и гиперзвуковое вооружение, выходят за рамки традиционных представлений о военных действиях и требуют нового подхода к их регулированию.

Одним из примеров таких изменений является применение автономных боевых дронов, которые способны самостоятельно определять цели и принимать решения без участия человека. В 2020 году в Ливии был зафиксирован первый случай использования подобного вооружения, что вызвало серьезные правовые дискуссии. В отсутствие контроля со стороны человека такие системы ставят под сомнение фундаментальные принципы международного гуманитарного права, включая принцип пропорциональности и различия. Остается открытым вопрос о том, кто несет ответственность за их применение: государство, которое приобрело технологию, разработчики системы или военные операторы, которые могут не участвовать в процессе принятия решений.

Еще одним важным аспектом является кибероружие, которое уже стало значимой частью современных конфликтов. Например, вирус Stuxnet, использованный в 2010 году для атаки на иранские ядерные объекты, показал, что современные войны могут вестись не только в физическом пространстве, но и в киберсреде. Кибератаки способны парализовать критически важную инфраструктуру, включая энергетические сети, финансовые системы и даже медицинские учреждения, что создает угрозу гражданскому населению. Однако международное гуманитарное право пока не содержит четких положений, регулирующих применение кибероружия, что приводит к правовому вакууму и затрудняет привлечение к ответственности инициаторов атак [1, с. 23].

Гиперзвуковые ракеты, обладающие высокой скоростью и сложностью перехвата, представляют собой еще одну технологическую проблему для гуманитарного права. Их применение затрудняет соблюдение принципа различия, поскольку точность наведения может быть недостаточной для гарантии минимального ущерба гражданскому населению. В густонаселенных районах использование такого оружия может привести к неоправданным жертвам, что ставит вопрос о необходимости международного регулирования их применения.

Эти технологические вызовы требуют адаптации международного гуманитарного права к новым формам ведения войны. Важно разработать новые правовые механизмы, которые обеспечат регулирование автономных боевых систем и кибероружия, а также создадут единые стандарты для использования современных военных технологий. Без четких норм регулирования риск нарушений гуманитарных принципов остается высоким, а возможность установления ответственности за военные преступления существенно усложняется.

Нарушения международного гуманитарного права продолжают оставаться серьезной проблемой, создавая угрозу для соблюдения принципов гуманности и справедливости в условиях вооруженных конфликтов. Несмотря на существование механизмов правового регулирования, их применение сталкивается с многочисленными институциональными и политическими барьерами, которые снижают эффективность правоприменения и ограничивают возможности привлечения виновных к ответственности.

Одним из ключевых инструментов в борьбе с военными преступлениями является Международный уголовный суд (МУС), созданный для судебного преследования лиц, ответственных за наиболее тяжкие нарушения международного права. Однако его юрисдикция остается ограниченной, поскольку не все государства признают его полномочия или ратифицировали Римский статут. Даже среди тех, кто формально поддерживает деятельность МУС, часто возникают политические споры, приводящие к отказу сотрудничать с судом или игнорированию его решений. В результате многие случаи преступлений против человечества и военных преступлений остаются безнаказанными, а правоприменительные механизмы теряют свою эффективность [2, с. 58].

Гуманитарные последствия современных вооруженных конфликтов приобретают глобальный масштаб. В условиях городских боевых действий резко возрастает число жертв среди мирного населения, разрушение критически важной инфраструктуры приводит к гуманитарным катастрофам, а вынужденные миграции способствуют формированию кризисов перемещения. Согласно данным Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев (UNHCR), число вынужденных переселенцев из зон вооруженных конфликтов достигло рекордных значений, что оказывает давление на соседние государства и международные институты, предоставляющие гуманитарную помощь. Экономическое воздействие конфликтов также является значительным: блокирование поставок жизненно важных ресурсов, разрушение производственных мощностей и социальные потрясения способствуют ухудшению качества жизни населения в затронутых регионах.

Применение гуманитарного права остается политизированным, а его интерпретация зависит от геополитических интересов. В ряде случаев военные преступления получают международную огласку и приводят к санкциям,

тогда как аналогичные нарушения в других конфликтах остаются без реагирования. Политизация решений международных трибуналов снижает доверие к правоприменительным механизмам, поскольку рассматриваются преимущественно дела против менее влиятельных государств, тогда как действия крупных мировых акторов остаются вне судебного преследования [3].

Современные вооруженные конфликты демонстрируют, что международное гуманитарное право нуждается в серьезной адаптации, способной учитывать технологический прогресс, изменения характера войн и сложности их правоприменения. Несмотря на существование устоявшихся принципов, таких как различие, пропорциональность и гуманность, их соблюдение зачастую оказывается затрудненным из-за политизации норм, недостаточной независимости судебных органов и появления новых форм ведения боевых действий, включая кибервойну и автономные боевые системы.

Для повышения эффективности международного гуманитарного права необходима комплексная модернизация его механизмов и инструментов правоприменения. Ключевыми направлениями реформирования должны стать усиление независимости международных судебных институтов, разработка нормативных актов, регулирующих применение новейших технологий в вооруженных конфликтах, и повышение прозрачности механизмов привлечения к ответственности за военные преступления. Гарантирование соблюдения прав мирного населения требует устранения политических манипуляций и двойных стандартов, которые часто препятствуют объективному рассмотрению нарушений.

Таким образом, дальнейшее развитие международного гуманитарного права должно строиться на принципах универсальности, объективности и научной адаптации к новым вызовам. Международное сообщество должно предпринимать активные шаги по совершенствованию правовых норм и обеспечению их эффективного соблюдения. Только при наличии прозрачных правоприменительных процедур, независимых судебных механизмов и глобального сотрудничества возможно сохранение гуманитарных ценностей даже в условиях вооруженных конфликтов.

Список цитированных источников

1. Schneider, M. Autonomous Weapons and Their Ethical Implications: a review / M. Schneider, L. Carter. – London: Sage Publications, 2021. – URL: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/09670106211017671>) (date of access: 01.05.2025).

2. Issues raised regarding the Rome Statute of the ICC by national Constitutional Courts, Supreme Courts and Councils of State // International Committee of the Red Cross. – URL: <https://www.icrc.org/en/download/file/7779/issues-raised-regarding-rome-statute-icrc-01-2010-eng.pdf> (date of access: 05.05.2025).

3. Сполярнич, М. Призыв к тому, чтобы международное гуманитарное право стало политическим приоритетом / М. Сполярнич. – Женева: МКК, 2025. –

URL://blogs.icrc.org/law-and-policy/2025/02/06/a-call-to-make-international-humanitarian-law-a-political-priority/ (дата обращения: 01.05.2025).

Sauchanko A. Yu., Misiulia M. I., Minsk, Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus, Department of Criminal Executive Law; Academic advisor: Borodich A. I., Minsk, Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus, Professor of the Department of Constitutional and International Law, PhD, Professor.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ГУМАНИТАРНОЕ ПРАВО В ОГНЕ ВОЙНЫ: ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОБЛЮДЕНИЯ

INTERNATIONAL HUMANITARIAN LAW IN THE FLAMES OF WAR: CHALLENGES AND PROSPECTS OF COMPLIANCE

Садовников А. Д.

Республика Беларусь,
г. Брест,
УО «Брестский государственный
университет имени А. С. Пушкина»,
студент юридического факультета

Научный руководитель

Сливко О. Я.

Республика Беларусь,
г. Брест,
УО «Брестский государственный
университет имени А. С. Пушкина»,
старший преподаватель кафедры
теории и истории государства и права

Аннотация: Статья анализирует актуальные проблемы соблюдения международного гуманитарного права в условиях современных вооруженных конфликтов. Автор рассматривает основные вопросы и предлагает пути повышения уровней его эффективности и соблюдения.

Ключевые слова: Международное гуманитарное право, вооруженные конфликты, Женевские конвенции, Международный комитет Красного Креста, гуманитарная помощь.

Annotation: The article analyzes the current problems of compliance with international humanitarian law in the context of modern armed conflicts. The author examines the main issues and suggests ways to increase the levels of its effectiveness and compliance.

Keywords: International humanitarian law, armed conflicts, the Geneva Conventions, the International Committee of the Red Cross, humanitarian aid.

В современном мире в условиях вооруженных конфликтов проблема соблюдения норм международного гуманитарного права (далее – МГП) является особенно напряженной. Несмотря на существование определенных правовых норм, направленных на защиту мирного населения, военнопленных и гуманитарных работников, их выполнение часто оказывается затрудненным. Войны нового типа, включая террористические и гибридные

[1] конфликты, использование запрещенных методов ведения боевых действий и отсутствие эффективных механизмов наказания за нарушения делают реализацию норм МГП трудной задачей.

Само международное гуманитарное право имеет своим назначением минимизацию страданий и лишений, которые вынуждены претерпевать лица, так или иначе вовлеченные в вооруженный конфликт. В настоящее время данная отрасль права опирается на четыре Женевских конвенции, принятые в 1949 году, и два Дополнительных протокола, вступивших в силу в 1977 году, а также договоры и законы, которые регламентируют использование классических вооружений, вовлечение детей в военные действия [5]. Оно представляет собой набор правил, охраняющих человеческую личность и имущество от угрозы повреждения или уничтожения в ходе военных действий, а также ограничивающих воюющие стороны в выборе средств и методов ведения войны. Тем самым право вооруженных конфликтов обеспечивает необходимый баланс между универсальным принципом гуманизма и военной необходимостью [2].

Говоря об основных принципах МГП, необходимо выделить несколько основных моментов. Итак, запрет нападений на гражданские объекты подразумевает направленность военных действий только против военных объектов. Женевские конвенции требуют от сторон, участвующих в конфликте, проводить различие между гражданским населением и непосредственными участниками военных действий (комбатантами) с целью обеспечения защиты гражданского населения и гражданских объектов. Запрещены нападения как на гражданское население в целом, так и на отдельных мирных граждан, недопустимо убивать или наносить ранения противнику, который сдался в плен или не может более принимать участия в боевых действиях.

Также запрещено применять средства или методы ведения боевых действий, способные вызвать ненужные потери или излишние страдания. Раненым и больным необходимо оказывать медицинскую помощь, независимо от того, к какой стороне в конфликте они принадлежат. Необходимо обеспечивать защиту медицинского персонала и медицинских учреждений, а также их транспорта и оборудования. Эмблема красного креста или красного полумесяца на белом фоне является знаком этой защиты. Лица и объекты, использующие эмблемы красного креста и красного полумесяца, не могут подвергаться нападению. В то же время, запрещено использовать эмблему для прикрытия действий вооруженного характера.

Взятые в плен участники военных действий и интернированные гражданские лица, находящиеся во власти противника, имеют право на сохранение жизни, уважение их достоинства, личных политических, религиозных прав и убеждений. Они должны быть защищены от любых насиль-

ственных действий и репрессалий. Они имеют право на переписку со своими семьями и на получение помощи. Каждому человеку должны быть предоставлены основные судебные гарантии [3].

Стоит отметить такую организацию, как Международный Комитет Красного Креста (далее – МККК), которая предоставляет гуманитарную помощь и защиту людям, пострадавшим от вооруженных конфликтов и насилия. Незаменимая роль МККК в выполнении им и его различными подразделениями гуманитарной функции, как показывает практика, определяется тем, что Красный Крест как организация сохраняет свою независимость и автономность. Однако не документы сами по себе определяют эффективность деятельности МККК. Главное – это результативность гуманитарных действий, осуществляемых, в том числе и МККК, в самой гуще конфликтов.

В последние годы данная деятельность происходит в обстановке острой конкуренции с организациями ООН и разного рода неправительственными организациями (далее – НПО). Как известно, Международный союз ассоциаций насчитывает в своих рядах 35000 НПО. Только в ООН консультативную функцию при Экономическом и социальном совете этой организации выполняют 3500 НПО. В такой обстановке достижение позитивных результатов гуманитарной деятельности предполагает необходимость развивать новые подходы и совершенствовать технику осуществления гуманитарных акций.

Среди инициатив, предпринятых МККК в последние десятилетия, есть немало таких, что позволили и даже, можно сказать, потребовали развития сотрудничества между разными гуманитарными организациями. В итоге был сделан значительный прогресс в деле признания необходимости координации и согласования действий гуманитарных организаций, от чего, как показывает практика, все указанные организации только выигрывают. Согласованная деятельность гуманитарных организаций содействовала тому, что в поле зрения этих организаций оказались вопросы, связанные с судьбами перемещенных лиц и лиц, пропавших без вести, с защитой женщин и детей в ходе военных конфликтов, а также с запретом использования противопехотных мин [5].

Большой вклад в оказание помощи перемещенным лицам вносит и ООН. В 1992 году решением Генерального секретаря ООН была введена должность ответственного за вопросы перемещенных лиц, что существенно актуализировало эту проблематику. В частности, были выявлены явные упущения международного сообщества в деле перемещенных лиц и в тех действиях, которые следовало предпринимать для решения данной проблемы.

В 1999 году в ООН был создан постоянный комитет, призванный объединить усилия международного сообщества в рамках программ ООН по развитию (PNUD), Всемирной продовольственной программы (РАМ), Детских фондов ООН (UNICEF), Организации ООН по продовольствию

и сельскому хозяйству (FAO), Всемирной организации здравоохранения (OMS), Верховного комиссариата ООН по делам беженцев (HCR) и Бюро по координации гуманитарных проблем (OCHA), а также МККК, Международной федерации, Верховного комиссариата ООН по правам человека (HCDH), представителя Генерального секретаря, Всемирного банка (BM), Международного совета агентств волонтеров (ICVA), Международной организации мигрантов (OIM) и комитета по вопросам гуманитарного вмешательства. В итоге был осуществлен комплекс мер и создан ряд структур, таких, например, как межорганизационная сеть высокого уровня по внутренне перемещенным лицам (2000 г.) и Объединение лиц перемещенных внутри страны (IDP Unit – 2002 г.).

Эта сеть объединяет представителей основных институтов ООН и неправительственных организаций. Относительная комплексность этих органов не помешала тому, чтобы некоторый порядок был привнесен в решение вопросов перемещенных лиц. Так, определенный прогресс был достигнут в Демократической Республике Конго – на пути кооперации усилий с Организацией ООН по продовольствию и сельскому хозяйству (FAO) – и в Анголе, где МККК работает в тесном сотрудничестве с Всемирной продовольственной программой (РАМ), Фондом спасения детей (SCF), Оксфордский комитет помощи голодающим (Oxfam), Врачи без границ, Международный медицинский корпус.

Затрагивая такой вопрос, как отмена противопехотных мин, следует отметить, что до подписания Оттавской конвенции, которая высказалась за полный запрет противопехотных мин, право и военные доктрины руководствовались некими правилами, которые вещали об «ответственности» за использование смертоносных снарядов. Конвенция ООН о запрещении или ограничении обычного оружия от 1980 г., как известно, высказалась за запрещение или ограничение конкретных видов обычного оружия, которые могут считаться наносящими чрезмерные повреждения или имеющими неизбирательное действие. Такой подход быстро выявил свои границы, особенно если учесть, что ответственность или предотвращение страданий становилось уделом воюющих сторон. Противопехотные мины миллионами были установлены в различных регионах мира, и они убивали и калечили в течение ряда десятилетий тысячи людей, включая женщин и детей, вне зависимости от того, участвовали они или нет в военных действиях. По данным ООН, за последние 10 лет каждый год в результате взрыва мин или других неразорвавшихся боеприпасов по-прежнему гибнут или получают увечья почти 15 тысяч человек. Мины поражали любого человека, включая и женщин, и детей, даже тогда, когда они занимались самыми мирными делами. Многие из них оказывались покалеченными. И из гуманитарных соображений во многих странах стали выпускать разного рода протезы. Но даже при наличии протезов искалеченные люди не

могли далее быть в физическом смысле полноценными людьми как участниками, например, трудового процесса.

Нужно сказать, что данная проблема оказалась неразрешимой для дипломатии. Так, на конференции в Вене (1995), а потом в Женеве (1996), где обсуждались вопросы, связанные с содержанием Конвенции 1980 г., международное сообщество пришло к выводу о том, что улучшить судьбу жертв противопехотных мин, а тем более предотвратить появление этих жертв, невозможно сделать на пути только выработки неких правовых положений. И потому в октябре 1996 года было положено начало «Оттавскому процессу», который по инициативе канадского правительства, собрал в столице Канады представителей правительств 50 стран, представителей МККК и ООН, а также ответственных лиц Движения за запрет противопехотных мин. Этому процессу существенное внимание уделяли многочисленные средства массовой информации и электронной коммуникации. И уже менее чем через год, 18 сентября 1997 г., была принята «Конвенция о запрете использования, хранения, производства и трансфера противопехотных мин и их уничтожения». Это был большой успех гражданского общества. И это нашло свое выражение в том, что представитель Движения за запрет противопехотных мин Джуди Вильяме был удостоен в 1997 году Нобелевской премии. При этом общепризнанным является и вклад МККК как в становление движения за запрет противопехотных мин, так и в принятие указанной выше Конвенции.

В настоящее время Оттавский процесс продолжается, о чем свидетельствуют, например, постоянные международные форумы, на которых рассматриваются различные аспекты реализации Концепции, вступившей в силу 1 марта 1999 г. На этих форумах принимают участие не только представители государств, подписавших Конвенцию, но также и представители различных секторов мирового сообщества и гражданского общества, заинтересованных в реализации данной проблемы. Необходимо отметить, что наблюдатели отмечают существенное улучшение в данном вопросе. Речь идет о том, что уменьшается число жертв от противопехотных мин, в частности, благодаря активной кампании против этих мин в СМИ [5].

Что касается основных проблем соблюдения норм МГП, а именно их нарушений, когда военные нападали на жилые дома, школы, больницы. В некоторых конфликтах были зафиксированы случаи обстрелов и бомбардировок данных объектов, что по итогу приводило к массовым потерям среди мирного населения.

В истории множество подобных случаев, которые будет уместно привести в пример. Одним из наиболее известных и трагических примеров нарушения норм международного гуманитарного права является резня в Сребренице, произошедшая в июле 1995 года во время войны в Боснии и Герцеговине. Это преступление было совершено силами боснийских сербов под командованием генерала Ратко Младича и признано геноцидом

международными судами. Сребреница была объявлена ООН зоной безопасности и находилась под защитой миротворцев ООН, однако это не предотвратило массовые убийства. После взятия города войсками боснийских сербов более 7000 боснийцев-мусульман, в основном мужчин и мальчиков, были систематически расстреляны и захоронены в массовых могилах. Женщины, дети и пожилые люди подверглись депортации, а многие женщины стали жертвами сексуального насилия.

Этот случай демонстрирует сразу несколько грубых нарушений норм МГП и положений, указанных в принятых ранее конвенциях. Во-первых, убийство военнопленных и мирных жителей нарушает фундаментальный принцип защиты лиц, не участвующих в боевых действиях. Во-вторых, депортация гражданского населения с оккупированных территорий без их согласия также является нарушением международного права. В-третьих, нападение на «зону безопасности», признанную ООН, и неспособность миротворцев защитить гражданских лиц стали ярким примером кризиса в системе обеспечения соблюдения норм МГП. Международный трибунал по бывшей Югославии в последующие годы рассмотрел это преступление, и его организаторы, включая Ратко Младича и Радована Караджича, были осуждены за геноцид, военные преступления и преступления против человечности. Этот случай стал важным прецедентом в международной судебной практике, однако он также показал, что нормы международного гуманитарного права остаются уязвимыми перед лицом политических и военных реалий.

Происходили так же случаи применения запрещенных видов оружия и соответствующих методов ведения военных действий, что являлось и является грубым нарушением. Сюда относится и ненадлежащее обращение с военнопленными, включая пытки, жестокое и унижающее достоинство обращение с пленными, насильственное перемещение гражданского населения (депортация) с оккупированных территорий без их согласия. Следуя из ранее сказанного, данные проблемы подчеркивают важность соблюдения Женевских конвенций всеми сторонами конфликта для обеспечения безопасности и защиты мирного населения и дальнейшей поддержки гуманитарных принципов в будущем.

Необходимо сказать о некоторых возможных предложениях и способах предотвращения нарушения принципов МГП, которые человечество может применить для дальнейшего недопущения негативных последствий. Во-первых, обеспечение доступа к продовольствию, медикаментам и гуманитарной помощи нуждающимся. Важно гарантировать безопасный и непрерывный доступ к основным жизненно важным ресурсам для гражданского населения, особенно в зонах конфликтов. Это поможет предотвратить голод, болезни и другие чрезмерные страдания. Во-вторых, необходимо проводить обучающие программы и кампании по соблюдению прав человека. Важно проводить обучающие мероприятия для вооруженных

групп, военнослужащих и других участников конфликтов с целью информирования о необходимости соблюдения прав человека и принципов МГП. Это может способствовать снижению нарушений и повышению осведомленности о правах человека. В-третьих, требуется усиливать механизмы мониторинга и отчетности. Необходимо создать эффективные механизмы для мониторинга соблюдения прав человека и принципов МГП во время вооруженных конфликтов. Это позволит выявлять нарушения, наказывать виновных лиц и предотвращать дальнейшие преступления. В-четвертых, проводить расследования и судебные преследования. Важно проводить независимые расследования нарушений прав человека и принципов МГП, а также привлекать виновных к ответственности перед международными трибуналами или национальными судами. Это поможет предотвратить безнаказанность и обеспечить справедливость для жертв конфликтов.

Так же необходимо содействовать мирному урегулированию конфликтов. Основное внимание должно быть уделено урегулированию конфликтов путем дипломатических усилий, переговоров и мирных соглашений. Это поможет предотвратить новые нарушения прав человека и принципов МГП, а также обеспечить долгосрочное мирное разрешение конфликтов. [4]

В заключении можно сказать, что несмотря на наличие определенных международных норм в МГП, их выполнение сталкивается с множеством трудностей и для их решения необходим комплексный подход: усиление механизмов контроля, развитие международных судебных органов, повышение ответственности государств и вооруженных групп, а также системное просвещение военных и гражданских специалистов в данной отрасли права. Только через взаимодействие государств, международных организаций и гражданского общества возможно добиться более строгого соблюдения норм гуманитарного права и снижения уровня страданий в условиях вооруженных конфликтов. Соблюдение норм международного гуманитарного права – не только юридическая, но и моральная обязанность мирового сообщества. От того, насколько эффективно будут решаться проблемы его реализации, зависит защита большого количества людей, оказавшихся в зоне военных действий.

Список цитированных источников

1. Лукьянов, В. Ю. Гибридные войны как угроза безопасности в XXI веке / В. Ю. Лукьянов. – URL: <https://goo.su/YJU0> (дата обращения: 20.03.2025).
2. Гасанов, Э. А. Международное гуманитарное право в контексте современных вызовов / Э. А. Гасанов. – URL: <https://goo.su/uzMyQES> (дата обращения: 20.03.2025).
3. Зверев, П. Г. Женевская конвенция о защите гражданского населения во время войны 1949 г.: о законах оккупации в свете международного миротворчества ООН 2014 г. / П. Г. Зверев. – URL: <https://goo.su/MgvKv> (дата обращения: 20.03.2025).

4. Логачева, Н. В. Проблемы реализации норм международного гуманитарного права в условиях вооруженных конфликтов: от теории к практике 2024 г. / Н. В. Логачева, Н. В. Авдеев, П. К. Сутягин. – URL: <https://goo.su/9QshVB> (дата обращения: 20.03.2025).

5. Малахов, И. С. Международный комитет Красного Креста и гуманитарное действие 2011 г / И. С. Малахов. – URL: <https://goo.su/zlJvvs> (дата обращения: 04.04.2025).

Sadovnikov A. D., Brest, Brest State A. S. Pushkin University, Law faculty;
Academic advisor: Slivko O. Y., Brest, Brest State A. S. Pushkin University, Senior Lecturer of the Department of Theory and History of State and Law.

**ВЛИЯНИЕ ДЕЗИНФОРМАЦИИ И ПРОПАГАНДЫ
НА СОБЛЮДЕНИЕ НОРМ МЕЖДУНАРОДНОГО
ГУМАНИТАРНОГО ПРАВА В СОВРЕМЕННЫХ КОНФЛИКТАХ**

**THE IMPACT OF DISINFORMATION AND PROPAGANDA
ON COMPLIANCE WITH INTERNATIONAL HUMANITARIAN LAW
IN MODERN CONFLICTS**

Судникович К. С.

Республика Беларусь,
г. Минск,
УО «Академия Министерства внутренних дел
Республики Беларусь»,
студент факультета права

Научный руководитель

Середа Р. А.

Республика Беларусь,
г. Минск,
УО «Академия Министерства внутренних дел
Республики Беларусь»,
заместитель начальника кафедры
конституционного и международного права,
полковник милиции,
кандидат юридических наук, доцент

Аннотация: В статье дан анализ способов использования дезинформации для оправдания нарушений международного гуманитарного права, также рассматривается воздействие дезинформации на общественное мнение, международное давление и эскалацию насилия.

Ключевые слова: дезинформация, пропаганда, вооруженные конфликты, информационная война, международное сотрудничество, противодействие пропаганде.

Annotation: The article analyzes the ways in which disinformation is used to justify violations of international humanitarian law, and also examines the impact of disinformation on public opinion, international pressure, and the escalation of violence.

Keywords: disinformation, propaganda, armed conflicts, information warfare, international cooperation, countering propaganda.

В современном мире информация является для людей главным инструментом, используемым как для защиты, так и для своеобразного запугивания и введения в заблуждение ради собственной выгоды. В эпоху информацион-

ных технологий, когда доступ к информации стал практически неограниченным для каждого, способность формировать и контролировать общественное мнение приобретает первостепенное значение. Люди находятся в наиболее уязвимом положении и больше всего нуждаются в точной, достоверной информации для обеспечения собственной безопасности и благополучия. Однако именно в таких ситуациях свобода мнений и их свободное выражение, включая «свободу искать, получать и распространять информацию и идеи любого рода», в наибольшей степени ограничиваются условиями войны и действиями сторон в конфликте и других субъектов по манипулированию и ограничению доступа к информации ради достижения политических, военных и стратегических целей [1, с. 4]. В результате формируется искаженная картина реальности, где невозможно отличить правду от лжи, где люди становятся жертвами информационных манипуляций. Это напрямую влияет на соблюдение норм международного гуманитарного права и защиту мирного населения в современных конфликтах.

Международное гуманитарное право, являясь сводом правил, направленных на минимизацию человеческих страданий во время войны, все больше сталкивается с вызовами, связанными с целенаправленным распространением ложной и вводящей в заблуждение информации. Подобного рода атаки подрывают основы гуманитарных принципов, поскольку создают атмосферу недоверия и подозрительности к любым источникам информации, особенно к тем, кто стремится оказать помощь пострадавшим. Дезинформация является преднамеренным распространением ложной или вводящей в заблуждение информации. В контексте международного гуманитарного права данный аспект приобретает особую опасность, потому что его могут использовать как оправдание нарушений этого права, манипулирование общественным мнением и подрыва доверия к гуманитарным организациям и усилиям по поддержанию мира [2]. К примеру, дезинформация о нейтральности и беспристрастности гуманитарных организаций приводит к тому, что их воспринимают как участников конфликта, что ставит под угрозу безопасность гуманитарного персонала и затрудняет оказание помощи нуждающимся, создает атмосферу недоверия и вражды.

В частности, дезинформацию могут использовать для отрицания или искажения фактов военных преступлений, дегуманизации противника, для создания ложного представления о военной необходимости, чтобы оправдать нападения на гражданские объекты или чтобы выдвинуть обвинения гуманитарным работникам в предвзятости или поддержке одной из сторон конфликта. В пример можно привести искажение информации о жертвах конфликта, например, преувеличение числа погибших или выставление определенных групп населения как врагов. Это способствует эскалации насилия и безнаказанности за военные преступления.

Рассматривая вопрос о дезинформации, самым основным является представление норм в выгодном для себя свете, чтобы оправдать действия,

которые на самом деле являются нарушениями. Например, частые утверждения о том, что нападение на гражданский объект было оправдано военной необходимостью. Такое искажение может принимать различные формы, например, более глубокое толкование понятия «военная необходимость» для оправдания непропорционального ущерба гражданскому населению, или утверждение, что гражданские лица использовались в качестве «живого щита», что якобы снимает ответственность за их гибель с нападающей стороны [3, с. 146]. Важно отметить, что международное гуманитарное право содержит четкие определения и ограничения в отношении военной необходимости, пропорциональности и защиты гражданского населения в Женевских конвенциях, и попытки их произвольного толкования являются грубым нарушением права.

Распространение дезинформации может приводить к тому, что медицинские работники и гуманитарные организации становятся мишенями, гражданское население подвергается дискриминации и преследованию, в свою очередь, военные преступления остаются безнаказанными из-за невозможности установить истину. И этого можно было бы избежать, не будь дезинформация сейчас на каждом шагу.

Пропаганда – это распространение идей, взглядов и аргументов для продвижения определенной идеологии, политической программы или же военных целей. Пропаганда может быть правдивой, полуправдивой или лживой, но она всегда направлена на формирование определенного отношения или поведения людей к той или иной ситуации. Особенно опасной является пропаганда, которая поощряет ненависть, дискриминацию и насилие в отношении определенных групп населения, а также та, что искажает или отрицает факты грубых нарушений прав человека и международного гуманитарного права [4]. Пропаганда, отрицающая или оправдывающая нарушения международного гуманитарного права, разрушает моральные барьеры человека и создает атмосферу безнаказанности, поощряя дальнейшее насилие и злоупотребления.

Методов распространения дезинформации и пропаганды на данный момент довольно много, и все эти методы показывают хороший результат действенности. Начиная с традиционных средств массовых информационных, таких как телевидение, газетные статьи, заявления на радио, заканчивая социальными сетями и онлайн-платформами, сами способы, которые показывают в них, являются классическими. Если информация структурирована и изложена вполне логично, люди не всегда задумываются над ее правдивостью. Не последнюю роль в данном вопросе так же играют эксперты и научные деятели. Человек больше поверит тому, кто специализируется на той или иной теме, связанной с конфликтами, примет его высказывания за чистую монету, лишний раз не проверив, существует тот или иной ученый на самом деле, или данная пометка добавлена в новость для усиления влияния на граждан. Эта тенденция усиливается в условиях информационного

перегружа, когда люди испытывают трудности с фильтрацией информации из-за стресса, или же перегрузки и склонны полагаться на авторитетные источники, даже если они скомпрометированы или являются частью пропаганды. Поэтому проверка источников, критическое мышление и медиаграмотность становятся ключевыми навыками для противостояния дезинформации и защиты принципов международного гуманитарного права.

Существует большое разнообразие мер по противодействию дезинформации и пропаганде, которые демонстрируют свою эффективность при условии их правильного планирования и реализации. Обеспечение защиты независимой журналистике, а также обучение людей медиаграмотности поможет укрепить критическое мышление и способность анализировать информацию, поступающую из различных источников. Это включает в себя обучение распознаванию признаков дезинформации, проверке фактов, оценке надежности источников и пониманию целей и мотивов распространителей информации. Кроме того, важно создавать и поддерживать платформы для обмена информацией и опытом между журналистами, экспертами и гражданским обществом, чтобы повысить эффективность борьбы с дезинформацией.

Создание специальных организаций или групп, занимающихся мониторингом и разоблачением дезинформации, играет критически важную роль в контексте противодействия дезинформации. Она часто направлена на дискредитацию гуманитарных организаций и создание препятствий для оказания помощи нуждающимся. Мониторинг и разоблачение ложных обвинений и клеветы могут помочь защитить гуманитарных работников и обеспечить доступ к жертвам конфликта. Кроме того, разоблачение дезинформации, направленной на дегуманизацию определенных групп населения, может помочь предотвратить дискриминацию, преследования и геноцид. Также такая информация часто распространяется именно через границы, поэтому для эффективной борьбы с ней необходимо международное сотрудничество. Организации, занимающиеся мониторингом и разоблачением дезинформации, должны обмениваться информацией и опытом с другими странами, разрабатывая совместные стратегии и координировать свои действия по предотвращению распространения дезинформации.

В результате вышеизложенного, можно сделать вывод о том, в нынешних реалиях дезинформация и пропаганда стали мощным и разрушительным оружием, которое влияет на исход конфликтов, потому как оказывает максимально отрицательное влияние на соблюдение норм международного гуманитарного права. Они используются для оправдания нарушений, дегуманизации противника, сокрытия правды, ослабления международного давления и разрушения доверия, подрывая сами основы гуманности и защиты жертв войны [5, с. 249].

В связи с этим, борьба с дезинформацией и пропагандой должна стать приоритетным направлением деятельности международного сообщества,

требующим совместных усилий правительств, международных организаций, СМИ, гражданского общества в вопросе разработки комплексных стратегий и дополнительных инструментов для защиты прав человека к тем, что уже имеются на сегодняшний день. Технологии не стоят на месте, принося людям не только пользу, но и большие проблемы. Игнорирование данной проблемы ведет к размыванию гуманитарных принципов, эскалации конфликтов, увеличению числа жертв и разрушению гуманитарных ценностей, что делает мир более опасным, жестоким и непредсказуемым как в будущем, так и уже сейчас.

Список цитированных источников

1. Генеральная Ассамблея. Доклад Специального докладчика по вопросу о поощрении и защите права на свободу мнений и их свободное выражение. – URL: <https://www.refworld.org/ru/reference/themreport/unga/2017/ru/118640> (дата обращения: 01.05.2025).
2. Конспект лекций Белорусского государственного университета, факультет международных отношений, кафедры международного права. – Минск, 2011.
3. Калугин, В. Ю. Механизм имплементации международного гуманитарного права / В. Ю. Калугин. – Минск : Светоч, 2003. – 335 с.
4. Верховный комиссар по поощрению и защите всех прав человека: резолюция 48/141 Генер. Ассамблеи // Международные акты о правах человека. Сборник документов / сост. и вступ. ст.: В. А. Карташкин, Е. А. Лукашева. – М., 1998. – 784 с.
5. Калугин, В. Ю. Международное гуманитарное право : учеб. пособие / В. Ю. Калугин, Л. В. Павлова, И. В. Фисенко. – Минск : Тесей, 1999. – 306 с.

Sudnikovich K. S., Minsk, Academy of the Ministry of Internal Affairs, student of the Faculty of Law; Academic advisor: Sereda R. A., Minsk, Academy of the Ministry of Internal Affairs, Deputy Head of the Department of Constitutional and International Law, Colonel of Militia, Candidate of Law, Associate Professor.

О ЗАЩИТЕ ЖЕРТВ ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ

PROTECTION OF VICTIMS OF ARMED CONFLICTS

Шустерман К. А.

Республика Беларусь,
г. Минск,
УО «Академия Министерства внутренних дел
Республики Беларусь»,
курсант 3-го курса
уголовно-исполнительного факультета

Хмарский В. О.

Республика Беларусь,
г. Минск,
УО «Академия Министерства внутренних дел
Республики Беларусь»,
курсант 3-го курса
уголовно-исполнительного факультета

Научный руководитель

Бородич А. И.

Республика Беларусь,
г. Минск,
УО «Академия Министерства внутренних дел
Республики Беларусь»,
профессор кафедры
конституционного и международного права,
кандидат юридических наук, профессор

Аннотация: В настоящей статье рассмотрены особенности правового положения жертв международных вооруженных конфликтов на основе международно-правовых актов, регулирующих положение данных субъектов.

Ключевые слова: вооруженный конфликт, жертвы войны, военнопленные, гражданское население.

Annotation: The article considers the peculiarities of the legal status of victims of international armed conflicts on the basis of international legal acts regulating the situation of these subjects.

Keywords: armed conflict, war victims, prisoners of war, civilian population.

В настоящее время остается актуальной проблема существования вооруженных конфликтов, которые приводят к крайне негативным послед-

ствиям: гибели людей, разрушению инфраструктуры государств, увеличению преступности, вынужденному перемещению людей, то есть к прекращению нормальной жизнедеятельности населения и развития государств. Говоря про вооруженные конфликты наиболее важным является вопрос защиты жертв войны. Правовое регулирование затронутой темы осуществляется положениями Женевской конвенции об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях, Женевской конвенцией об улучшении участи раненых, больных и лиц, потерпевших кораблекрушение, из состава вооруженных сил на море, Женевской конвенцией об обращении с военнопленными, Женевской конвенцией о защите гражданского населения во время войны, Дополнительным протоколом к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающимся жертв международных вооруженных конфликтов (Протокол I), Дополнительным протоколом к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающимся защиты жертв международных вооруженных конфликтов немеждународного характера (Протокол II).

Начнем с того, что жертвами вооруженных конфликтов признаются лица, которые не принимают непосредственного участия в военных действиях или прекратили такое участие с определенного момента.

В соответствии с Женевскими конвенциями 1949 г. и Дополнительными протоколами к ним 1977 г. к жертвам международных вооруженных конфликтов относятся:

- военнопленные,
- раненые,
- больные и лица, потерпевшие кораблекрушение,
- гражданское население.

Но помимо вышеперечисленных международное гуманитарное право выделяет еще 10 категорий лиц-жертв вооруженных конфликтов. Это:

1) медицинский и духовный персонал, принадлежащий вооруженным силам;

2) раненые и больные из числа гражданских лиц, в том числе роженицы, новорожденные и другие лица, которые могут нуждаться в неотложной медицинской помощи и уходе, такие как немощные и беременные женщины;

3) парламентарии;

4) персонал организаций гражданской обороны;

5) персонал, участвующий в операциях по оказанию помощи;

6) гражданское население и гражданские лица;

7) лица, лишенные свободы, задержанные или интернированные;

8) население оккупированных территорий;

9) женщины и дети;

10) иностранцы, беженцы и апатриды на территории одной из сторон в конфликте.

Лицо считается жертвой независимо от того, было ли задержано, привлечено к ответственности или осуждено лицо, совершившее нарушение, и независимо от родственной связи, которая может существовать между виновником и жертвой.

Вышеперечисленные акты, регулирующие правовое положение жертв вооруженных конфликтов, закрепляют следующие общие для всех требования:

– жертвы войны должны при всех обстоятельствах пользоваться защитой и гуманным обращением без какой бы то ни было дискриминации по причинам расы, цвета кожи, религии или веры, пола, происхождения или имущественного положения;

– запрещается любое посягательство на их жизнь и физическую неприкосновенность, в частности убийство, нанесение увечья, жестокое бесчеловечное обращение, пытки, истязания, посягательство на человеческое достоинство, оскорбительное и унижающее обращение, осуждение и применение наказания за несовершенно совершенные правонарушения, в том числе коллективное наказание;

– наличие специальной защиты и покровительства, которые распространяются на женщин, детей и престарелых.

В международном праве система защиты жертв вооруженных конфликтов построена на основе предоставления общей, специальной и минимальной защиты.

Право на общую защиту имеет все гражданское население. Право на специальную защиту предоставляется медицинскому и духовному персоналу, детям, женщинам, а также беженцам и апатридам. Минимальная защита дается отдельной категории лиц, которые не могут рассчитывать на общую и специальную защиту, но могут получить некоторые юридические гарантии защиты. Последнее касается шпионов и наемников, которым предоставляются гарантии на судебное разбирательство их дела [1, с. 124].

Рассмотрим подробнее положения, касающиеся каждой из категорий жертв международных вооруженных конфликтов согласно Женевским конвенциям 1949 г. и Дополнительных протоколов 1977 г.

Начнем с военнопленных. Указанный статус имеют:

1. Личный состав вооруженных сил (правительственные войска, ополчение и добровольческие отряды, военнослужащие вооруженных сил, подчиненные правительству, которое не признает держащая в плену держава).

2. Участники движений сопротивления, принадлежащие к стороне, находящейся в конфликте и выполняющие соответствующие условия (партизаны).

3. Лица, следующие за вооруженными силами, но не входящие в их состав непосредственно (гражданские лица, входящие в экипажи военных самолетов, военные корреспонденты, поставщики, личный состав рабочих команд и служб, осуществляющих бытовое обслуживание вооруженных сил).

4. Члены экипажей торговых судов и гражданской авиации (не пользующихся более льготным режимом в силу других положений международного права).

5. Лица из числа населения неоккупированной территории, которое добровольно берется за оружие для борьбы с вторгающимися войсками неприятеля, не имея времени сформироваться в регулярные воинские подразделения (если оно открыто носит оружие и соблюдает законы и обычаи войны) [2, с. 317].

С военнопленными воюющие обязаны обращаться гуманно. Их запрещается убивать, а также подвергать научным и медицинским опытам.

Они считаются находящимися во власти неприятеля, который несет полную ответственность за их судьбу. Поэтому воюющие должны защищать военнопленных от всяких актов насилия, от оскорблений, уважать их личность и честь, с военнопленными-женщинами обращаться не хуже, чем с мужчинами, не применять к военнопленным никаких физических пыток и принуждения для получения каких-либо сведений (военнопленный обязан сообщить только свою фамилию, имя, звание, дату рождения и личный номер).

Работа военнопленных должна оплачиваться, но они не могут привлекаться к работам военного, опасного для здоровья и унижительного характера. Военнопленные могут поселяться в специальных для них лагерях. Они должны обеспечиваться питанием, одеждой и медицинской помощью. Запрещаются коллективные наказания. К военнопленным может быть индивидуально применено дисциплинарное и уголовное наказание, но только один раз за один и тот же проступок или преступление [3, с. 144].

Никакие физические или моральные пытки и никакие другие меры принуждения не могут применяться к военнопленным для получения от них каких-либо сведений.

Все вещи и предметы личного пользования, за исключением оружия, воинского снаряжения и военных документов, вещи и предметы обмундирования, питания, знаки различия и государственной принадлежности, имеющие главным образом субъективную ценность, а также предметы личной защиты (металлические каски, противогазы) не могут быть отняты у военнопленного [2, с. 319].

Следующая категория жертв международных военных конфликтов – раненые и больные (лица, которые вследствие травмы, болезни или другого физического или психического расстройства или инвалидности нуждаются в медицинской помощи или уходе и которые воздерживаются от любых враждебных действий), а также лица, потерпевшие кораблекрушение (лица, которые подвергаются опасности на море или других водах в результате несчастья, случившегося либо с ними, либо с перевозившим их судном или летательным аппаратом, и которые воздерживаются от любых враждебных действий).

Согласно ст. 10 Дополнительного протокола I к Женевской конвенции все раненые, больные и лица, потерпевшие кораблекрушение, независимо от того, к какой стороне они принадлежат, пользуются уважением и защитой. При всех обстоятельствах с ними обращаются гуманно и предоставляют им в максимально возможной мере и в кратчайшие сроки медицинскую помощь и уход, которых требует их состояние. Между ними не проводится никакого различия по каким бы то ни было соображениям, кроме медицинских [2, с. 319].

Больные и раненые ни в коем случае не могут отказываться, полностью или частично, от прав, которые им обеспечивают Женевские конвенции и специальные соглашения, если таковые имеются.

Воюющие должны, как это только будет возможно, зарегистрировать все данные, способствующие установлению личности раненых, больных и умерших неприятельской стороны, попавших в их руки. Это сведения включают в себя: государство, гражданином которого является это лицо; войсковой или личный номер, фамилию, имя (или имена), дату рождения, все другие сведения, содержащиеся в его удостоверении личности или опознавательном медальоне; дату и место взятия в плен или смерти; сведения, касающиеся ранений, болезни или причины смерти. Все эти данные должны быть незамедлительно переданы в Справочное бюро по делам военнопленных, образованное в воюющем государстве, а последнее передает эти сведения в Центральное Справочное Агентство по делам военнопленных, учрежденное в нейтральном государстве (Швейцария) [2, с. 320].

Перейдем к рассмотрению вопроса защиты гражданского населения. В указанную категорию жертв международных вооруженных конфликтов входят лица, которые не относятся ни к одной категории участников вооруженного конфликта и непосредственно не участвуют в военных действиях.

Защита гражданского населения предполагает, что эти лица при любых возникших обстоятельствах имеют право на гуманное обращение, на уважение их личности и чести, семейных прав, религиозных убеждений, привычек и обычаев. Стороны в конфликтной ситуации должны исходить из того, что не допускается принятие каких-либо мер, способных причинить физический или моральный вред одному из них [1, с. 125]. Нельзя применять к гражданскому населению никакие меры физического или морального давления с целью получения каких-либо сведений.

Также стоит отметить, что согласно ст. 48 Дополнительного протокола стороны конфликта должны всегда различать мирное население и комбатантов, а также гражданские и военные объекты. То есть указанной статьей вводится принцип «различия», заключающийся в том, что боевые действия сторон могут быть направлены только против комбатантов и военных объектов, но не могут быть направлены против гражданских лиц и объектов. Данный принцип лежит в основе международного гуманитар-

ного права, поскольку он преследует самую важную цель – защитить мирное население и гражданские объекты от последствий вооруженных конфликтов. В частности, указанный принцип заключается в том, что в отношении мирного населения запрещены следующие действия:

1. Прямое нападение. Данный запрет является первоочередным следствием принципа «различия», так как различие между комбатантами и мирным населением проводится как раз для того, чтобы защитить гражданских лиц от нападений во время боевых действий.

2. Терроризм. В отношении мирного населения запрещаются акты насилия, основной целью которых является террор гражданского населения.

3. Неизбирательное нападение. К неизбирательным нападениям относятся такие нападения, которые поражают военные объекты и гражданских лиц (или гражданские объекты). Примером неизбирательного нападения может быть массовая воздушная бомбардировка, которая затрагивает не только военные объекты и комбатантов, но и мирное население.

4. Нападение в порядке репрессалий. Запрещаются нападения на гражданское население со стороны одного государства в ответ на неправомерные действия другого государства, выражающиеся в нападении на гражданское население (гражданские объекты) [4, с. 401].

Таким образом, хотелось бы отметить, что несмотря на существующие нормы о защите жертв вооруженных конфликтов на территориях, где идут военные действия, международные нормы о правах человека часто нарушаются. Для того, чтобы нормы международного гуманитарного права соблюдались всеми без исключения, необходимо всем государствам проводить политику мирного сосуществования. Возникающие конфликты должны решаться за столом переговоров, а не на поле боя. Если же вооруженное противостояние все-таки возникло, необходимо стремиться заключить мирное соглашение или, хотя бы, перемирие [5, с. 56]. Ведь именно эти нормы направлены на обеспечение безопасности населения даже в условия вооруженных конфликтов, а их соблюдение позволит избежать возможные негативные последствия и предотвратить появление новых конфликтных ситуаций.

Список цитированных источников

1. Коновалова, Е. А. Международно-правовая защита жертв вооруженных конфликтов / Е. А. Коновалова, Э. Ф. Хазиева // Моя профессиональная карьера. – 2019. – Т. 1, № 7. – С. 121–127.

2. Международное публичное право : учеб. пособие / А. И. Бородич ; Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь. – Минск : Академия МВД, 2022. – 466 с.

3. Эрте, А. А. Международно-правовая защита жертв вооруженного конфликта / А. А. Эрте, А. Х. Ишмухаметов // Наука и общество в современных условиях. – 2015. – № 1 (3). – С. 143–145.

4. Скурыгин, Д. А. Правовой статус мирного (гражданского) населения во время военных конфликтов // Скиф. – 2022. – № 5 (69). – С. 398–404.

5. Акимов, А. А. Международно-правовая защита жертв вооруженных конфликтов / А. А. Акимов // *Фундаментальные и прикладные научные исследования: актуальные вопросы современной науки, достижения и инновации*: сб. науч. ст. по материалам XIII Междунар. науч.-практ. конф., Уфа, 15 дек. 2023 г. – Уфа : Вестник науки, 2023. – С. 53–57.

Shusterman K. A., Khmarskiy V. O., Minsk, Academy of the Ministry of Internal Affairs Republic of Belarus, the Faculty of Corrections; Academic advisor: Borodich A. I., Minsk, Academy of the Ministry of Internal Affairs Republic of Belarus, Professor of the Department of Constitutional and International Law, Candidate of Law, Associate Professor.

**РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПОВ
МЕЖДУНАРОДНОГО ГУМАНИТАРНОГО ПРАВА
В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ**

**IMPLEMENTATION OF THE PRINCIPLES
OF INTERNATIONAL HUMANITARIAN LAW
IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION OF ARMED CONFLICTS**

Юшкевич Е. А.

Республика Беларусь,
г. Минск,
УО «Академия Министерства внутренних дел
Республики Беларусь»,
студент факультета права

Научный руководитель

Середа Р. А.

Республика Беларусь,
г. Минск,
УО «Академия Министерства внутренних дел
Республики Беларусь»,
заместитель начальника кафедры
конституционного и международного права,
кандидат юридических наук, доцент

Аннотация: В статье рассматриваются современные технологии, применяемые в ходе военных действий, и их соответствие нормам и принципам международного гуманитарного права. Освещаются такие аспекты, как использование беспилотных летательных аппаратов, кибероружия и искусственного интеллекта в военных действиях.

Ключевые слова: международное гуманитарное право (МГП), беспилотный летательный аппарат, кибероружие, искусственный интеллект (ИИ), автономные системы вооружений (АСВ).

Annotation: The article examines modern technologies used in military operations and their compliance with the norms and principles of international humanitarian law. It highlights aspects such as the use of drones, cyber weapons, and artificial intelligence in military actions.

Keywords: international humanitarian law (IHL), unmanned aerial vehicle, cyber weapons, artificial intelligence (AI), autonomous weapons systems (AWS).

Современные военные действия претерпевают значительные изменения под влиянием новых технологий, что создает новые вызовы для применения и развития норм и принципов международного гуманитарного

права. Внедрение беспилотных летательных аппаратов, кибероружия и систем искусственного интеллекта не только меняет тактику и стратегию ведения боевых действий, но и ставит под сомнение действенность традиционных правовых норм, разработанных в условиях, когда такие технологии не существовали.

Международное гуманитарное право (далее – МГП), также известное как право вооруженных конфликтов, представляет собой совокупность международных правил и принципов, направленных на ограничение способов и средств ведения войны, а также на защиту лиц, не принимающих непосредственного участия в боевых действиях (гражданское население) и тех, кто больше не может участвовать в них (раненые, больные, военнопленные). Основные принципы МГП включают:

Принцип проведения различия: стороны, находящиеся в конфликте, должны всегда различать между комбатантами и некомбатантами, а также между военными объектами и гражданскими объектами. Нападения должны быть направлены только на военные цели.

Принцип военной необходимости определяет, что использование силы в ходе военных действий допустимо только тогда, когда оно необходимо для достижения законной военной цели. Это означает, что каждая сторона конфликта имеет право на ведение боевых действий, однако применение силы должно быть разумным и пропорциональным.

Принцип гуманности, в свою очередь, подразумевает, что во время вооруженных конфликтов необходимо уважать достоинство человеческой личности и защищать тех, кто не участвует в боевых действиях, включая мирное население и раненых.

Принцип соразмерности: нападения, даже направленные на военные цели, должны быть пропорциональны, то есть ожидаемый военный эффект должен быть соразмерен с предвидимым случайным ущербом, который может быть причинен гражданскому населению или гражданским объектам.

Запрещение причинения излишних страданий: Запрещено использование оружия и методов ведения войны, которые причиняют излишние страдания или не оправданы военной необходимостью.

Эти принципы, закрепленные в Женевских конвенциях и других международных договорах, являются краеугольным камнем МГП и направлены на смягчение последствий вооруженных конфликтов для гражданского населения и ограничение жестокости войны.

В последние годы наблюдается стремительное развитие цифровых технологий, которое затрагивает все сферы нашей жизни. Одними из наиболее заметных достижений цифровизации являются беспилотные летательные аппараты, кибероружие и искусственный интеллект. Эти инновации не только меняют способы ведения войн, но и оказывают серьезные последствия для жертв конфликтов. Несмотря на позитивные аспекты

цифровых технологий, их использование в военных целях требует серьезного осмысления и разработки международных норм, направленных на защиту гражданского населения. Без контроля и прозрачности может возникнуть ситуация, в которой прогресс в области технологий будет сопровождаться трагедиями, забытыми когда-то человечеством.

Рассмотрим цифровые технологии, а также их влияние на ведение военных действий и их соответствие нормам международного гуманитарного права.

Под беспилотным летательным аппаратом понимается летательный аппарат, предназначенный для выполнения полетов без экипажа на борту под управлением оператора беспилотного летательного аппарата с пункта (пульта) управления, в том числе без его визуального контакта с этим летательным аппаратом, или в заданном автономном режиме либо путем сочетания указанных способов [1].

В связи с ростом международной напряженности и стремительным развитием технологий, международное сообщество должно оперативно адаптировать международное гуманитарное право. Данный процесс включает в себя разработку новых норм, отвечающих современным вызовам, и укрепление существующих принципов, чтобы гарантировать защиту человеческого достоинства даже в условиях вооруженных конфликтов.

Беспилотные летательные аппараты (далее – БПЛА) используются для разведки, наблюдения, сбора стратегической и тактической информации, а также для нанесения ударов по целям.

Применение БПЛА в условиях, когда военные цели находятся вблизи гражданских объектов, сопряжено с высоким риском случайного поражения мирных жителей. Недостаточная информация, поступающая от БПЛА, может стать причиной трагических ошибок и жертвам среди гражданского населения.

Например, в Кабуле в 2021 году, в результате ошибочного удара беспилотника США погибли сотрудник гуманитарной миссии и члены его семьи, в том числе семеро детей.

Этот случай – яркое свидетельство того, что неправильная идентификация цели ведет к нарушению принципа различения, который призван защитить гражданских лиц от военных действий [2].

Грубые нарушения норм международного гуманитарного права были зафиксированы и в Йемене.

Специальные докладчики и мониторинговые миссии ООН неоднократно фиксировали случаи гибели мирных жителей в результате ударов с использованием БПЛА.

В ряде докладов подчеркивается, что многие атаки не соблюдали принципы международного гуманитарного права – особенно принцип различия и пропорциональности.

К сожалению, из-за отсутствия прозрачности, нет достаточной информации точного количества жутких инцидентов с применением БПЛА на гражданское население.

Поэтому, отметим, что для обеспечения соблюдения МГП в контексте использования БПЛА необходимы дальнейшие международные усилия по выработке четких стандартов и механизмов контроля, а также повышение прозрачности и ответственности сторон конфликта. Только таким образом можно минимизировать гуманитарные последствия и защитить права гражданского населения в условиях современных вооруженных конфликтов.

Отдельным направлением в развитии цифровых технологий стало кибероружие.

С развитием технологий кибервойна стала неотъемлемой частью современных конфликтов, что создает новые вызовы для международного гуманитарного права. Кибероружие, имея потенциал для значительного воздействия на инфраструктуру, коммуникации и даже личные данные, поднимает вопросы о применимости существующих норм МГП в условиях современных вооруженных конфликтов.

Кибероружие включает в себя программное обеспечение, вирусы и другие инструменты, предназначенные для нанесения вреда информационным системам противника. Таким образом, кибератаки могут быть направлены на уничтожение, изменение или препятствование работе критически важной инфраструктуры – например, энергетических сетей, систем водоснабжения или финансовых учреждений. Данное оружие может быть высокоэффективным и труднодоступным для контроля традиционных военных мер.

Однако применение этих принципов в киберпространстве требует детального анализа.

Приведем пример инцидента одного из первого широко признанного случая использования кибероружия для нанесения физического ущерба промышленным объектам.

Stuxnet 2010 – это высоко специализированный компьютерный червь, созданный для саботажа иранской ядерной программы. Он был нацелен на системы управления промышленным оборудованием (SCADA), в частности на программируемые логические контроллеры (Siemens), управляющие центрифугами для обогащения урана на объекте в Натанзе.

Поскольку объект был изолирован от сети Интернет, заражение происходило через инфицированные USB-накопители, которые попадали в сеть. После проникновения вредоносное ПО маскировалось и изменяло скорость вращения центрифуг – то ускоряя, то замедляя их, что приводило к механическому износу и выходу из строя оборудования.

По оценкам экспертов, Stuxnet уничтожил более 1000 центрифуг, существенно замедлив развитие ядерной программы Ирана [3].

МГП регулирует поведение сторон в вооруженных конфликтах, включая применение силы, защиту гражданских лиц и объектов.

Рассмотрим, какие принципы МГП были нарушены в случае с Stuxnet.

1. Принцип проведения различия.

Целью были центрифуги – военные объекты, связанные с разработкой ядерного оружия. Однако вредоносное ПО распространялось через компьютерные сети и USB-накопители, потенциально затрагивая гражданские системы.

Известно, что Stuxnet распространился за пределы Ирана, заражая компьютеры по всему миру, но без нанесения физического ущерба.

2. Принцип соразмерности.

Атака была направлена на военную инфраструктуру, но потенциальный риск распространения вируса мог привести к непреднамеренному ущербу гражданским системам. Однако прямых доказательств значительного гражданского ущерба нет.

3. Принцип военной необходимости.

Создатели пытались сделать вирус максимально таргетированным на конкретное оборудование Siemens, чтобы избежать широкого распространения. Тем не менее, вирус распространился по всему миру.

Кибератака такого масштаба может рассматриваться как применение силы согласно международному праву (см. резолюции ООН и доктрины международного права), что требует обоснования в рамках самообороны или санкций Совета Безопасности ООН.

Stuxnet стал первым известным примером использования кибероружия для нанесения физического ущерба. Несмотря на то, что атака была направлена на военный объект, вопросы соблюдения МГП в сфере кибервойн остаются предметом дискуссий.

Одна из наиболее значительных проблем, связанных с кибероружием, – это вопрос ответственности. При традиционных вооруженных конфликтах определить, кто несет ответственность за нарушение норм МГП, часто проще. В киберпространстве же анонимность и сложности в идентификации атакующего значительно затрудняют привлечение к ответственности за нарушения.

Страны, использующие кибероружие, должны разработать четкие стратегии и тактики для обеспечения соблюдения норм МГП. Это может включать в себя формализацию правил ведения боевых действий в киберпространстве и сотрудничество с международными организациями, чтобы гарантировать, что их действия будут соответствовать международным стандартам.

По нашему мнению, международное сотрудничество и расширенная интерпретация существующих норм МГП создаст все условия для правильного разграничения кибератаки и регулирования киберконфликтов, аналогичных существующим в сфере традиционных вооружений. В условиях

эволюции киберпространства и новых технологий важно адаптировать нормы МГП с учетом специфики кибероружия, чтобы обеспечить его использование в рамках международного гуманитарного права.

Отметим, что разработка новых правил, международное сотрудничество и создание механизмов ответственности, должны помочь снизить риски гуманитарных последствий и предотвратить эскалацию конфликтов в цифровую эпоху.

Таким образом, кибероружие представляет собой новую и сложную угрозу в условиях вооруженных конфликтов, ставя перед международным гуманитарным правом множество новых вопросов. Эффективная реализация норм МГП в киберпространстве требует обновления существующих правил, а также активного сотрудничества между государствами и международными организациями. Без этого возможности кибероружия могут быть использованы не только для достижения военных целей, но и для нарушения прав человека и гуманитарных норм, что неприемлемо в современном мире.

Следующий вид цифровых технологий, используемый в вооруженных конфликтах – искусственный интеллект (далее – ИИ).

В последние годы наблюдается экспоненциальный рост развития и внедрения ИИ во все сферы человеческой деятельности. Военная сфера не является исключением: от автономных систем вооружений (далее – АСВ) до систем поддержки принятия решений, ИИ трансформирует характер современных вооруженных конфликтов. Однако, стремительное внедрение ИИ поднимает серьезные вопросы о его соответствии существующим нормам и принципам международного гуманитарного права, которые были разработаны для регулирования поведения воюющих сторон в условиях вооруженного конфликта.

Применение традиционных принципов МГП к ИИ, особенно к АСВ, вызывает ряд серьезных проблем и вопросов. Во-первых, сложно определить, кто несет ответственность за действия АСВ, особенно в случае ошибок или непредвиденных последствий. Если АСВ совершает нарушение МГП, кто будет нести ответственность: программист, разработчик, командир, отдавший приказ на применение АСВ, или само устройство? Существующая система привлечения к ответственности в рамках МГП не разработана для таких ситуаций.

Во-вторых, принцип проведения различия требует от воюющих сторон способности четко различать между комбатантами и некомбатантами. Смогут ли АСВ, особенно те, которые используют алгоритмы машинного обучения, надежно и безошибочно идентифицировать цели и избежать нанесения ударов по гражданскому населению? Вопросы предвзятости алгоритмов и непредсказуемости поведения ИИ поднимают серьезные опасения относительно соблюдения этого принципа.

В-третьих, принцип пропорциональности требует оценки баланса между военным преимуществом и потенциальным ущербом для гражданского населения. Смогут ли АСВ оценить этот баланс и принять решения, которые соответствуют требованиям пропорциональности? Сложность оценки потенциальных последствий и непредсказуемость поведения ИИ усложняют соблюдение этого принципа.

АСВ – это системы вооружений, которые способны самостоятельно выбирать цели и применять силу без вмешательства человека. Разработка и внедрение АСВ вызывают наибольшую обеспокоенность с точки зрения соблюдения МГП.

Проблема ответственности за действия АСВ является одной из самых острых и сложных. Существуют различные точки зрения на то, кто должен нести ответственность за нарушения МГП, совершенные АСВ:

1. Ответственность человека.

Сторонники этой точки зрения утверждают, что ответственность всегда должна лежать на человеке, который разработал, запрограммировал, развернул или отдал приказ на применение АСВ. Это может быть программист, инженер, командир или политический лидер.

2. Ответственность за проектирование.

Данная точка зрения предполагает, что ответственность должна лежать на тех, кто проектирует и разрабатывает АСВ, поскольку они определяют возможности и ограничения системы.

3. Ответственность за развертывание.

Эта точка зрения предполагает, что ответственность должна лежать на тех, кто принимает решение о развертывании АСВ, поскольку они несут ответственность за оценку рисков и потенциальных последствий.

Некоторые предлагают создать новые формы ответственности, специально разработанные для ситуаций, связанных с ИИ и АСВ. Однако достижение консенсуса по этому вопросу остается сложной задачей.

Возможность АСВ соблюдать принципы различия, соразмерности и военной необходимости находится под большим вопросом. Эксперты утверждают, что АСВ, даже самые совершенные, не смогут надежно различать между комбатантами и некомбатантами, особенно в сложных и динамичных боевых условиях.

Кроме того, способность АСВ оценить пропорциональность и принять решения, соответствующие требованиям МГП, также вызывает сомнения. Алгоритмы машинного обучения, используемые в АСВ, могут быть предвзятыми или непредсказуемыми, что может привести к непропорциональным нападениям и случайному ущербу гражданскому населению.

Международное сообщество активно обсуждает вопросы регулирования использования ИИ в военной сфере. ООН, отдельные государства и не-

правительственные организации проводят конференции, семинары и исследования по этой теме. Существуют различные точки зрения на то, как регулировать использование АСВ:

Некоторые призывают к полному запрету разработки, производства и использования АСВ. Другие предлагают разработать нормативные рамки, которые бы устанавливали ограничения на использование АСВ и гарантировали соблюдение МГП. Третьи предлагают разработать международные стандарты и рекомендации по разработке и использованию ИИ в военной сфере.

Достижение консенсуса по этому вопросу остается сложной задачей, поскольку государства имеют разные взгляды на роль ИИ в военной сфере и на необходимость его регулирования.

Совершенно очевидно, что существующие нормы и принципы МГП, хотя и применимы к ИИ в вооруженных конфликтах, недостаточны для решения всех возникающих проблем. Необходима разработка новых нормативных рамок, которые бы учитывали специфические особенности ИИ и обеспечивали соблюдение МГП в условиях, когда ИИ играет все более важную роль в вооруженных конфликтах.

В заключение, использование беспилотных летательных аппаратов (БПЛА), искусственного интеллекта и кибероружия в современных военно-оперативных сценариях поднимает сложные вопросы, касающиеся применения норм и принципов международного гуманитарного права (МГП).

С одной стороны, технологии обеспечивают новые возможности для повышения эффективности боевых действий и минимизации потерь среди собственных войск. Однако, с другой стороны, они также ведут к риску нарушения основных принципов МГП, таких как различие, пропорциональность и гуманность.

В условиях применения БПЛА и киберопераций важно обеспечить, чтобы все действия строго соответствовали требованиям МГП. Это включает необходимость четкой идентификации объектов, отличия воюющих от невоюющих и минимизации гражданских потерь.

Таким образом, признание и внедрение принципов международного гуманитарного права в контексте новых технологий являются необходимыми для поддержания человечности во время конфликтов и защиты прав всех участников. Важно, чтобы международное сообщество активно работало над актуализацией и адаптацией норм МГП к условиям кибервойны и современного оружия, гарантируя, что прогресс в военных технологиях не приведет к утрате этических ценностей и гуманитарных принципов.

В условиях цифровизации вооруженных конфликтов реализация принципов международного гуманитарного права приобретает особую актуальность и сложность. Новые технологические средства ведения войны, такие как беспилотные летательные аппараты, кибероружие, автономные системы вооружений и системы искусственного интеллекта, ставят перед

правовым сообществом задачу адаптации существующих норм и разработки эффективных механизмов их применения. Несмотря на вызовы, фундаментальные принципы МГП – гуманность, различие, пропорциональность и необходимость – сохраняют свою значимость и должны оставаться ориентиром для всех участников вооруженных конфликтов, включая новые цифровые платформы и инструменты. Для обеспечения защиты гражданского населения и минимизации страданий в условиях цифровых войн необходимо дальнейшее развитие международного сотрудничества, повышение прозрачности использования новых технологий и укрепление контроля над соблюдением норм МГП. Таким образом, интеграция принципов международного гуманитарного права в цифровую сферу вооруженных конфликтов является ключевым условием поддержания международной безопасности и гуманитарных стандартов в XXI веке.

Список цитированных источников

1. Воздушный кодекс Республики Беларусь : 16 мая 2006 г., № 117-3 : принят Палатой представителей 3 апр. 2006 г. : одобр. Советом Респ. 24 апр. 2006 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 5 янв. 2024 г. № 346-3 // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 23.04.2025).

2. США признали, что их беспилотник по ошибке убил мирных афганцев. Семьи погибших призывают к правосудию // Столичное телевидение. – URL: <https://ctv.by/news/v-mire/ssha-priznali-chto-ih-bespilotnik-po-oshibke-ubil-mirnyh-afgancev-semi-pogibshih-prizyvayut-k-pravosudiyu#bounce> (дата обращения: 05.05.2025).

3. An Unprecedented Look at Stuxnet, the World's First Digital Weapon // WIRED. – URL: <https://www.wired.com/2014/11/countdown-to-zero-day-stuxnet/> (date of access: 05.05.2025).

Yushkevich E. A., Minsk, Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus, Faculty of Law; Academic advisor: Sereda R. A., Minsk, Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus, Deputy Head of the Department of Constitutional and International Law, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

ВОЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В КОСМИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ: СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ПРОБЛЕМЫ

MILITARY ACTIVITIES IN OUTER SPACE: CURRENT TRENDS AND CHALLENGES

Яцыно Д. Г.

Республика Беларусь,
г. Минск,
Белорусский государственный университет,
студент факультета международных отношений

Научный руководитель

Рипинская А. А.

Республика Беларусь,
г. Минск,
Белорусский государственный университет,
старший преподаватель кафедры международного права

Аннотация: В статье рассматриваются современные тенденции милитаризации космоса, проблемы международно-правового регулирования военной деятельности в космическом пространстве и необходимость разработки универсального международного договора для предотвращения гонки вооружений.

Ключевые слова: милитаризация, космическое пространство, коммерческий спутник, договор.

Annotation: The article examines current trends in the militarization of outer space, the problems of international regulation of military activities in outer space, and the need to develop a universal treaty to prevent an arms race.

Key words: militarization, outer space, commercial satellite, treaty.

Актуальность проблемы военной деятельности в космическом пространстве растет с каждым годом, что подтверждается значительным увеличением количества запусков военных космических аппаратов ведущими мировыми державами. Так, в 2024 году Соединенные Штаты Америки (далее – США) вывели на орбиту 122 военных космических аппарата. Для сравнения: в 2023 году страна запустила 43 спутника оборонного назначения, а в 2022 году – 32. На втором месте по числу запущенных военных спутников в 2024 году находится Китайская Народная Республика с 43 аппаратами. Согласно опубликованным данным, в 2024 году Российская Федерация запустила семь космических аппаратов военного назначения против 10 в 2023 году и 15 в 2022 году [2]. Несмотря на то, что военные спутники не

являются космическим оружием, тем не менее они могут стать потенциальным объектом размещения такого оружия, что, конечно, представляет собой проблему и вызывает беспокойство.

Вопросам военной деятельности в космическом пространстве ранее посвящали свои исследования многочисленные отечественные и зарубежные специалисты в области международного права. Например, О. А. Попова [6], А. Г. Радаев [8], И. В. Холиков [7], Б. В. Козюлин [3], М. Н. Лысенко [4], Итан Э. Хаазе [15], Х. Тен Кате [15] обращали внимание на вопросы милитаризации космического пространства, анализируя ограниченность действия существующих международных договоров. В то же время авторы рассматривали две концепции использования космоса – «невоенную» (строго мирные цели) и «неагрессивную» (допускающую разведку и контроль вооружений), а также проблемы двойного назначения спутников. Исследователи подчеркивали необходимость принятия нового международного договора для полного запрета оружия в космосе, отмечая сопротивление со стороны определенных государств. В свою очередь, в настоящей статье рассматриваются современные тенденции милитаризации космоса, а также проблемы международно-правового регулирования военной деятельности в космическом пространстве. Вместе с тем обосновывается необходимость разработки универсального международного договора для предотвращения гонки вооружений.

На сегодняшний день основными международными договорами, регулирующими деятельность в космическом пространстве, являются следующие:

Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела 1967 г. (далее – Договор по космосу 1967 г.) [9];

Соглашение о спасании космонавтов, возвращении космонавтов и возвращении объектов, запущенных в космическое пространство, от 1968 г. [11];

Конвенция о международной ответственности за ущерб, причиненный космическим объектам 1971 г. [12];

Конвенция о регистрации объектов, запускаемых в космическое пространство 1975 г. [13];

Соглашение о деятельности государств на Луне и других небесных телах 1979 г. [10].

Так, Договор по космосу 1967 г. акцентирует внимание на «исключительности» использования Луны и других небесных тел в мирных целях, исключая любые иные варианты. Статья IV соглашения определяет, что *«государства – участники Договора обязуются не выводить на орбиту вокруг Земли любые объекты с ядерным оружием или любыми другими видами оружия массового уничтожения, не устанавливать такое оружие на небесных телах и не размещать такое оружие в космическом пространстве каким-либо иным образом»*. При этом прямо не запрещается размещение оружия не массового уничтожения и ведение военных действий в космическом

пространстве. Одновременно в ст. IV указывается, что *«Луна и другие небесные тела используются всеми государствами – участниками Договора исключительно в мирных целях. Запрещается создание на небесных телах военных баз, сооружений и укреплений, испытание любых типов оружия и проведение военных маневров. Использование военного персонала для научных исследований или каких-либо иных мирных целей не запрещается»*. Следовательно, можно говорить о том, что для космического пространства установлен режим частичной демилитаризации, а для Луны и других небесных тел – полной демилитаризации, что, по сути, открывает для государств «театр» военных действий [8, с. 82].

В доктрине международного права нет единого мнения относительно формулировки «использование космического пространства в мирных целях», используемой в Договоре по космосу 1967 г. В данном контексте сформировались две концепции: концепция «невоенного использования космоса» и концепция «неагрессивного использования космоса».

Концепция «невоенного использования космоса» устанавливает, что космос неправомерно использовать в любых целях, кроме мирных. С точки зрения терминологии корректно обозначать эти цели как военные, поскольку трудно представить альтернативные цели, которые могли бы считаться немирными, но не относились бы к военным. Возникает проблема, касающаяся спутников двойного назначения, которые могут использоваться как в гражданских, так и в военных целях, а также вопрос о применении военного потенциала не по его прямому назначению, в частности, для космических исследований и других невоенных задач. Этот аспект вызывает разногласия среди ученых, поскольку множество космических объектов, изначально созданных для мирного использования, имеют потенциал стать космическим оружием, что может привести к уничтожению или повреждению действующих космических систем. Сторонники данного подхода исходят из следующего: при разработке Договора по космосу учитывался текст Договора об Антарктике 1959 г., который определяет использование в мирных целях как невоенное использование. В связи с этим положения Договора по космосу 1967 г., включая аспекты, касающиеся космического пространства, должны интерпретироваться аналогичным образом [6, с. 133–134].

В то же время концепция «неагрессивного использования космоса» не исключает полностью военное присутствие в космосе, но ограничивает его строгими рамками международного права, прежде всего Уставом ООН. В контексте данного подхода признается правомерность таких видов деятельности, как космическая разведка, контроль над вооружениями, самооборона – при условии, что они не нарушают принципы мирного сосуществования и не создают угрозы международной безопасности. Фактически, большинство космических держав сегодня действуют именно в этой парадигме, что отра-

жает объективные трудности полной демилитаризации космоса в современных геополитических условиях [6, с. 136–137]. Явным сторонником данной концепции являются, например, США. Кроме того, в 2018 г. против резолюций Генеральной Ассамблеи ООН A/RES/78/238 (2023 г.) «Предотвращение гонки вооружений в космическом пространстве» и A/RES/78/52 (2023 г.) «Меры по обеспечению транспарентности и укреплению доверия в космической деятельности» наряду с США выступал и Израиль. В 2017 году против резолюции Генеральной Ассамблеи ООН A/RES/79/21 (2024 г.) «Дальнейшие практические меры по предотвращению гонки вооружений в космическом пространстве» голосовали пять государств: США, Великобритания, Франция, Украина и Израиль [4, с. 33–34].

Аналогичным образом нормы международного гуманитарного права (далее – МГП) в Дополнительном протоколе I к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающемся защиты жертв международных вооруженных конфликтов от 8 июня 1977 г. (далее – ДП I 1977 г.) запрещает применение оружия неизбирательного действия (ст. 51 (4)), а возможное ведение военных действий в космосе не отменяет необходимость соблюдения существующих норм международных договоров, в частности, ДП I 1977 г., в соответствии с которым «запрещается применять оружие, снаряды, вещества и методы ведения военных действий, способные причинить излишние повреждения или излишние страдания» (ст. 35 (2)). То есть МГП не легализует применение силы в космическом пространстве и не способствует милитаризации космоса. Главной целью МГП является сохранение определенной гуманности в условиях вооруженного конфликта, особенно защита гражданского населения и гражданской инфраструктуры [7, с. 6].

Однако вопросы о полной демилитаризации космоса до сих пор остаются предметом обсуждений. К примеру, в 2008 году и затем в 2014 году Российская Федерация и Китайская народная Республика представляли на рассмотрение Конференции по разоружению проект договора о предотвращении размещения оружия в космосе, использования силы или угрозы силой против космических объектов. Данный договор предполагает запрет на размещение в космосе оружия всех видов и на любые силовые действия по отношению к космическим объектам. На данный момент эта инициатива не получила поддержки большинства государств [1, с. 520]. Кроме того, в декларации БРИКС 2017 г., принятой на саммите в Сямэне, Россия и Китай вновь выступили с совместной инициативой, призывающей к полной демилитаризации космического пространства и предотвращению гонки вооружений в космосе. Эта позиция отражает их долгосрочную стратегию в области космической безопасности и соответствует их предыдущим предложениям [14].

В контексте современных реалий наблюдается устойчивая тенденция к стиранию границ между гражданским и военным использованием космических технологий, что особенно проявляется в практике эксплуата-

ции коммерческих спутников для выполнения военных задач. Коммерческие спутники, в частности, определяются как те, которые предоставляют коммерческие спутниковые услуги или принадлежат коммерческим организациям [15]. При этом следует подчеркнуть, что гражданские спутники могут иметь двойное назначение и/или также использоваться вооруженными силами. Соответственно, с точки зрения МГП главный вопрос заключается в том, можно ли рассматривать коммерческий спутник в качестве военного объекта.

Так, в отношении определения статуса объекта отмечается следующее: «что касается объектов, то военные объекты ограничиваются теми объектами, которые в силу своего характера, расположения, назначения или использования вносят эффективный вклад в военные действия и полное или частичное разрушение, захват или нейтрализация которых при существующих в данный момент обстоятельствах дает явное военное преимущество» (норма 8) [5]. На наш взгляд, коммерческий спутник, используемый в военных целях, явно подходит под данное описание. Однако при определении правомерности использования коммерческого спутника в качестве военного объекта решающим будет принцип «соразмерности» [3, с. 103–104], который в нашем случае будет истолковываться следующим образом: ущерб гражданскому имуществу не должен являться чрезмерным по отношению к ожидаемому военному преимуществу.

Наконец, есть мнение, что смешивание гражданских и военных спутниковых систем нарушает принципы МГП, в соответствии с которыми, в частности, необходимо избегать «размещения военных объектов в густонаселенных районах или вблизи от них». Согласно ст. 57 ДП I 1977 г., участники военных действий должны четко разграничивать гражданские и военные объекты [3, с. 103–104].

На основании вышеизложенного можно сделать следующие выводы.

Космическое пространство стремительно трансформируется в потенциальную арену военного противостояния, что создает серьезные вызовы для международной безопасности. Наблюдается тревожная тенденция к милитаризации космоса, проявляющаяся в росте количества военных спутников и активной разработке противоспутниковых технологий ведущими космическими державами. При этом существующая нормативно-правовая база, основанная на Договоре о космосе 1967 г., не в полной мере соответствует современным реалиям, создавая опасные правовые вакуумы. Особую сложность, на наш взгляд, представляет двойственный характер многих космических технологий, когда гражданские разработки могут быть быстро перепрофилированы для военных целей, а космические объекты, предназначенные для мирного использования, – превращены в потенциальное оружие.

Современная ситуация требует принципиально нового осмысления подходов к регулированию космической деятельности. Традиционные механизмы контроля вооружений оказываются малоэффективными в уникальной среде космического пространства с его специфическими физическими и правовыми характеристиками. Существующие разногласия между ведущими космическими державами относительно допустимых пределов военного использования космоса значительно осложняют выработку консенсусных решений. Парадоксальным образом бурное развитие коммерческого космического сектора не снижает, а усугубляет эти противоречия, поскольку частные компании становятся новыми значимыми игроками на космической арене. В этих условиях необходим поэтапный переход к всеобъемлющей системе регулирования космической деятельности. Опыт российско-китайской инициативы демонстрирует возможные пути решения этой проблемы.

Особую сложность в то же время представляют вопросы правового статуса спутников двойного назначения и разработки критериев разграничения мирной и военной космической деятельности. В этих условиях важное значение приобретают меры по укреплению доверия, такие как повышение транспарентности национальных космических программ и создание механизмов предотвращения конфликтов в космосе.

Список цитированных источников

1. Международное публичное право. Особенная часть: учеб. пособие / Е. Ф. Довгань, Н. О. Мороз, Т. Н. Михалева [и др.] / под общ. ред. Е. Ф. Довгань. – Минск: Амалфея, 2025. – 816 с.

2. Военные спутники. – URL: <https://www.tadviser.ru/index.php/...> (дата обращения: 17.03.2025)

3. Козюлин, Б. В. Проблематика регулирования использования коммерческих спутников в военной сфере / Б. В. Козюлин / Известия Восточного института. – 2024. – № 1. – С. 100–107.

4. Лысенко, М. Н. Правовые проблемы и перспективы неразмещения оружия в космосе / М. Н. Лысенко // Право и управление. XXI век. – 2019. – № 2 (51). – С. 29–37.

5. Хенкертс, Ж.-М. Обычное международное гуманитарное право. Нормы. Т. I, МККК / Ж.-М. Хенкертс, Л. Досвальд Бек. – URL: <https://www.icrc.org/sites/default/files/external/doc/ru/assets/files/other/customary.pdf> (дата обращения: 04.05.2025).

6. Попова, О. А. Международно-правовое регулирование использования космического пространства в мирных целях: основные концепции / О. А. Попова // Актуальные проблемы российского права. – 2020. – № 7. – С. 129–143.

7. Холиков, И. В. Применение норм международного гуманитарного права в космическом пространстве / И. В. Холиков, В. Н. Плакса // Право в Вооруженных Силах. Военно-правовое обозрение. – 2020. – № 6 (275). – С. 69–75.

8. Радаев, А. Г. Современные международно-правовые аспекты предотвращения гонки вооружений в космическом пространстве / А. Г. Радаев // Актуальные

проблемы науки административного, финансового и международного права : материалы II Науч. круглого стола, Минск, 10 апр. 2024 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: А. В. Шидловский (гл. ред.), В. С. Михайловский, Н. М. Шевко. – Минск : БГУ, 2024. – С. 80–84. – URL: <https://www.elib.bsu.by/bitstream/123456789/312417/1/80-84.pdf> (дата обращения: 17.03.2025).

9. Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела : принят резолюцией 2222 (XXI) Генер. Ассамблеи от 19 дек. 1966 г. // Организация Объединенных Наций. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/outer_space_governing.shtml (дата обращения: 21.03.2025).

10. Соглашение о деятельности государств на Луне и других небесных телах : принято резолюцией 34/68 Генер. Ассамблеи от 5 дек. 1979 г. // Организация Объединенных Наций. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/moon_agreement.shtml (дата обращения: 21.03.2025).

11. Соглашение о спасании космонавтов, возвращении космонавтов и возвращении объектов, запущенных в космическое пространство : принято резолюцией 2345 (XXII) Генер. Ассамблеи от 19 дек. 1967 г. // Организация Объединенных Наций. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/astronauts_rescue.shtml (дата обращения: 21.03.2025).

12. Конвенция о международной ответственности за ущерб, причиненный космическим объектам : принята резолюцией 2777 (XXVI) Генер. Ассамблеи от 29 нояб. 1971 г. // Организация Объединенных Наций. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/damage.shtml (дата обращения: 21.03.2025).

13. Конвенция о регистрации объектов, запускаемых в космическое пространство : принята резолюцией 3235 (XXIX) Генер. Ассамблеи от 12 нояб. 1974 г. // Организация Объединенных Наций. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/objects_registration.shtml (дата обращения: 21.03.2025).

14. BRICS Leaders Xiamen Declaration // BRICS. – URL: https://www.nkibrics.ru/system/asset_docs/data/5a4f/6bcb/6272/695d/471a/0000/original/IX_BRICS_SUMMIT_-_XIAMEN_DECLARATION_SEPTEMBER_4_2017_XIAMEN_CHINA.pdf?1515154379 (date of access: 21.03.2025)

15. Global commercial space industry indicators and trends / E. E. Haase, C. B. Christensen, H. Ten Cate // *Acta Astronautica*. – 2002. – Vol. 50, № 12. – P. 747–757.

Yatsyno D. G., Minsk, Belarusian State University, Faculty of International Relations; Academic advisor: Ripinskaya A. A., Minsk, Belarusian State University, Senior Lecturer of the Department of International Law.

**Победители конкурса на лучшее эссе для студентов
с международным участием
по международному гуманитарному праву**

**«Проблемы соблюдения норм международного гуманитарного права
в условиях вооруженного конфликта»**
(учреждение образования Федерации профсоюзов Беларуси
«Международный университет «МИТСО»,
17 февраля 2025 г. – 21 апреля 2025 г.)

ДИПЛОМ I СТЕПЕНИ

Шилов А. А.

Российская Федерация,
г. Белгород,
ФГАОУ ВО «Белгородский государственный
национальный исследовательский университет»,
студент

Научный руководитель

Пасенов А. Н.

Российская Федерация,
г. Белгород,
ФГАОУ ВО «Белгородский государственный
национальный исследовательский университет»,
доцент кафедры
конституционного и международного права
юридического института,
кандидат юридических наук

**ПРОБЛЕМА ПРИМЕНЕНИЯ НОРМ МЕЖДУНАРОДНОГО
ГУМАНИТАРНОГО ПРАВА В КОСМИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ**

Когда обсуждали создание Женевских конвенций 1949 г. (далее – ЖК), география их применения ограничивалась территориями планеты Земля (суша, морское и воздушное пространства). Тогда не предполагалось, что космическое пространство возможно использовать в военных целях. Из системного понимания ст. 2, общей для четырех Женевских конвенций 1949 г. применение положений конвенций осуществляется на территории Высоких Договаривающихся Сторон. Подобная формулировка присутствует и в ст. 3, общей для четырех Женевских конвенций 1949 г. и, на первый взгляд, требует следующего понимания: она не только говорит о конфликте,

«не носящем международного характера» [6, с. 150], но и требует, чтобы вооруженный конфликт происходил «на территории одной из Высоких Договаривающихся Сторон». Это положение преподносит нам ограничение территориальности конфликта, говоря, что конфликт должен происходить на территории именно «одной» из Высоких Договаривающихся Сторон. Тем не менее, при другом варианте прочтения статьи, можно придать иной смысл: конфликт должен иметь место на территории одной из «Высоких Договаривающихся Сторон», что исключает конфликты, которые ведутся на территории государства, не являющегося участником Женевских конвенций [12]. Исключением являются: Мировой океан, нейтральные государства и некоторые иные территории. Неурегулированным остается вопрос о распространении применения ЖК и в целом международного гуманитарного права (далее – МГП) в космосе, в виду того, что Договор о космосе был принят в 1967 году [1].

В данном договоре упомянуты положения, которые входят в предмет регулирования МГП, а именно в ст. 2 установлен запрет оккупации, в абз. 1 ст. 4 – запрет размещения ядерного оружия и оружия массового поражения, в абз. 2 ст. 4 – запрет создания на небесных телах военных баз, сооружений и укреплений, испытания любых типов оружия и проведения военных маневров [1]. Тем самым прослеживается ряд ограничений и запретов по использованию оружия в космосе, а равно и применения некоторых методов ведения войны.

Относительно космического пространства среди ученых (Г. П. Жуков [2, с. 55], А. Х. Абашидзе [2, с. 55]) есть мнение, что оно является пространством, которое регулируется исключительно международным правом, подчеркивая уникальность космической деятельности и необходимость разработки специальных международных норм для ее регулирования. Это обусловлено спецификой пространства и его отстраненностью от национальной юрисдикции. Некоторые принципы, разработанные для других областей международного права, не всегда применимы к космическому пространству, поэтому следует уделить особое внимание соответствию космического и гуманитарного права.

Космическое пространство является фактором для науки, экономики и в будущем для иных потенциальных сфер, за которыми следует прогресс человечества. Высокая цель, которую ставит МГП, заключается в соблюдении гуманизма, одновременно подчеркивая важность оговорки Ф. Ф. Мартенса в регулировании вооруженных конфликтов [9, с. 347]. Использование космоса для военных целей сейчас уже не вымысел и для некоторых участников международных отношений является объектом притязаний. К традиционным лидерам, таким как США и Россия, присоединились более 80 других стран, включая Китай, Индию, Японию, Австралию и ОАЭ. Практически все государства в той или иной степени вовлечены в космическую деятельность или проявляют к ней интерес. Более того, частные компании,

такие как Space X и Rocket Lab, известные как «новые космические предприниматели», играют все более важную роль в космической сфере. Эта новая «космическая гонка» повышает риск конфронтации между государствами и иными негосударственными акторами. Космическое пространство, которое раньше считалось общим достоянием человечества, становится ареной, где государства стремятся укрепить свое присутствие, рассматривая его как стратегическое преимущество, если не доминирование. Это нашло отражение в Космической стратегии национальной безопасности США 2011 г., в которой космическая среда характеризуется как «перегруженная, спорная и конкурентная» [8].

В 2019 году министр обороны Франции Флоранс Парли заявляла о планах разместить в космосе противоспутниковое лазерное оружие. Предполагалось, что оно будет базироваться на небольших спутниках и применяться для вывода из строя спутниковых систем наблюдения вероятного противника. В 2024 году Франция начала работать над проектом BLOOMLASE, который предполагает использование мощного лазера для ослепления спутников потенциальных противников с Земли. Затем такую же систему планировали вывести на орбиту в рамках проекта FLAMHE – прямое размещение оружия в космосе. Так Франк Лефевр, директор отдела обороны в Французском центре аэрокосмических исследований (ONERA) заявил: «Мы предполагаем, что, сконцентрировав энергию на цели, сможем вывести из строя солнечные батареи вражеского спутника или его ослепить, проникнув через оптические окна» [3]. Уже в мае 2024 года член парламента Франции Алексис Джолли написал обращение к министру Европы и иностранных дел Франции, в котором заявил о начале гонки вооружений в космосе [3].

Существует ряд проблем правового регулирования космоса, без решения которых создаются трудности в виде разделения государств и их конфронтации в предмете понимания будущего космоса.

Понятие «космическое пространство» не существует, ввиду отсутствия формально определенных границ. Формальная определенность необходима для того, чтобы в последующем создать пространство с определенным правовым режимом.

Есть определенные опасения, связанные с использованием космических объектов двойного назначения. МГП не запрещает уничтожение объектов двойного назначения. Особенно при невозможности полного разграничения объектов. Это обусловлено технологическим прогрессом в космической отрасли и применением одних технологий как для гражданских, так и военных целей. Безусловно, любое разрушительное действие в космосе, приносящее ущерб, подлежит возмещению в рамках процедуры, предусмотренной Конвенцией о международной ответственности за ущерб, причиненный космическими объектами [4]. Концепция права заключается в том, что любое нарушение обязательств влечет за собой обязанность возместить ущерб [10].

На сегодняшний день, ввиду развитости технологий появляется возможность использования некоторых видов оружия, которое потенциально можно разместить в космосе: лучевое оружие; средства противоракетной обороны; средства ликвидации спутниковых и других космических устройств; электромагнитное оружие (ЭМО), спутники-разведчики (двойного назначения [5].

Оружие в космическом пространстве потенциально наделяет обладателя множеством тактических и стратегических преимуществ. Например, противоракетная оборона из космоса способна реагировать гораздо быстрее и эффективнее, чем противоракетные комплексы наземного базирования. Успех в разработке космических противоракет может нарушить ядерный паритет, а завоевание военного господства в космическом пространстве позволит доминирующей стороне получить превосходство над любым оппонентом. К примеру, вполне разумным в будущем, могут быть ограничения, связанные с МГП такие как: запрет на размещение в космосе оружия, направленного на поражение целей на Земле; запрет на использование методов и средств ведения войны, причиняющих чрезмерные повреждения или излишние страдания; агрессивное использование космических средств; ограничение искусственного создания космического мусора.

Дальнейшая эскалация гонки вооружений, при довольно слабом правовом регулировании космоса, в частности косвенного регулирования МГП, создает определенные серые зоны, которые могут быть использованы в антигуманных целях.

В последние десятилетия космическая деятельность претерпела значительные изменения, вовлекая в процесс не только традиционные космические державы, но и множество частных компаний. Это способствует пересмотру и развитию международного космического права, чтобы оно могло адекватно реагировать на новые реалии и вызовы. Одной из наиболее эффективных по вопросу размещения вооружений в космосе стала 77 сессия ГА ООН (2022–2023). На ней было принято сразу несколько документов, разработанных на основе докладов Первого комитета Генеральной Ассамблеи. Так, Резолюция 77/40 напоминает, что установленный режим в отношении космического пространства не предотвращает *ipso facto* гонку вооружений в нем, в связи с чем международное сообщество должно принять усилия для предотвращения дальнейшей милитаризации космоса. Резолюция 77/250 провозглашает историческую ответственность государств за мирное освоение космоса, а также просит учредить группу правительственных экспертов, которые подготовили бы рекомендации по разработке «международного юридически обязывающего документа о предотвращении гонки вооружений в космическом пространстве». Резолюция 77/251 рекомендует государствам предпринимать «меры транспарентности и укрепления доверия» для общего поддержания международного мира и безопасности и предотвращения гонки во-

оружий в космическом пространстве, в частности. На данный момент существует российско-китайский проект договора о предотвращении размещения оружия в космическом пространстве, применения силы или угрозы силой в отношении космических объектов (ДПРОК), который предусматривает запрет на размещение в космосе оружия любого вида и на какие-либо силовые действия в отношении космических объектов [7].

Для установления демилитаризованного режима в космосе необходимы следующие действия: создание правовой базы по запрещению применения вооружения и проведения мероприятий военного характера (принятие международных документов с формальным понятийным аппаратом; государства-члены, подписавшие договор, должны использовать космос исключительно в мирных целях; сделать недопустимым регистрацию устройств, которые могут быть применены как объекты двойного назначения).

Список цитированных источников

1. Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела (Москва – Вашингтон – Лондон, 27 января 1967 г.) // Сборник международных договоров СССР. – М., 1993. – Вып. XLVI.

2. Международное космическое право : учебник для вузов / под ред. Г. П. Жукова, А. Х. Абашидзе. – 2-е изд., стер. – М.: Изд-во «Юрайт», 2025. – 466 с. – URL: <https://urait.ru/bcode/561672> (дата обращения: 13.04.2025).

3. Vo Frantsii zayavili o nachale gonki vooruzheniy v kosmose [France announced the start of the arms race in space] // *iz.ru* – URL: <https://iz.ru/1703930/2024-05-29/vo-frantsii-zaiavili-o-nachale-gonki-vooruzhenii-v-kosmose> (date of access: 14.04.2025).

4. Конвенция о международной ответственности за ущерб, причиненный космическими объектами, 1972 г. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/damage.shtml (дата обращения: 15.04.2025).

5. Макаренко, С. И. Использование космического пространства в военных целях: современное состояние и перспективы развития систем информационно-космического обеспечения и средств вооружения / С. И. Макаренко // Системы управления, связи и безопасности. – 2016. – № 4. – С. 161–213.

6. Комментарий к Женевской конвенции об улучшении участи раненых, больных и лиц, потерпевших кораблекрушение, из состава вооруженных сил на море. – URL: <https://shop.icrc.org/commentaires-des-conventions-de-geneve-du-12-aout-1949-tome-ii-pdf-fr-2.html> (дата обращения: 16.04.2025).

7. Предотвращение гонки вооружений в космическом пространстве (PAROS) (Справка) // Министерство иностранных дел Российской Федерации. – URL: https://www.mid.ru/ru/press_service/1856490/ (дата обращения: 14.04.2025).

8. Стратегия национальной космической безопасности // Министерство обороны США. – URL: https://www.airandspaceforces.com/PDF/DocumentFile/Documents/2011/NSSS_2011.pdf (дата обращения: 14.04.2025).

9. Оговорка Мартенса // II Гагская конвенция о законах и обычаях сухопутной войны (Гаага, 29 июля 1899 г.) // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных Россией с иностранными государствами. – СПб., 1906. – Вып. I. – С. 345–360.

10. РСИ, дело фабрики Хожув (по существу) (цитируется в томе II. Глава 42, § 102); см. Также Статут РСИ, ст. 36, в которой говорится, что «государства-участники настоящего Статута могут в любое время заявить, что они признают в качестве обязательной *ipso facto* и без специального соглашения юрисдикцию Суда по всем правовым спорам, касающимся: ... (d) характера или объема возмещения, подлежащего возмещению за нарушение международного обязательства». Статья 36 Статута Международного суда содержит аналогичную формулировку.

11. BFM TV: francuzskij lazer smozhet vyvodit' iz stroya vrazheskiye sputniki [BFM TV: French laser will be able to disable enemy satellites]. *RT на русском*. – URL: <https://russian.rt.com/inotv/2019-06-18/BFM-TV-francuzskij-lazer-smozhet> (date of access: 13.04.2025).

12. Женевские конвенции от 12 августа 1949 г. и дополнительные протоколы к ним. – М., 1997. – 318 с.

Shilov A. A., Belgorod, Belgorod State University, Student; Academic advisor: Pasenov A. N., Belgorod, Belgorod State University, Associate Professor of the Department of Constitutional and International Law of Law Institute, PhD.

ДИПЛОМ II СТЕПЕНИ

Зырянова А. Д.

Республика Беларусь,
г. Минск,
УО Федерации профсоюзов Беларуси
«Международный университет «МИТСО»,
студентка юридического факультета

Научный руководитель

Чайкина А. В.

Республика Беларусь,
г. Минск,
УО Федерации профсоюзов Беларуси
«Международный университет «МИТСО»,
преподаватель кафедры
международного права

ПОСЛЕДСТВИЯ ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ ДЛЯ БЕЖЕНЦЕВ, ВЫНУЖДЕННЫХ ПОКИНУТЬ СВОЙ ДОМ

Каждый вооруженный конфликт оставляет после себя неизмеримые последствия: жертвы среди гражданского населения; разрушение гражданской инфраструктуры; женщины и дети, оставленные без крова. Каждый такой конфликт сопровождается большим количеством беженцев, вынужденных покинуть свою страну из-за боевых действий, а в некоторых случаях и в связи с принадлежностью к определенной группе лиц по расовому, религиозному признаку или в связи с определенными политическими убеждениями. Ярким примером такого преследования является геноцид в Руанде 1994 г. в контексте немеждународного вооруженного конфликта, когда руандийские «Власти хуту» массово призывали истреблять всех лиц, принадлежавших к этнической группе тутси. По данным многих источников, и в том числе самих властей Руанды, количество убитых тутси и некоторых хуту насчитывало от 800 тысяч до 1 млн человек, включая детей, которые даже не понимали за что их и их родителей так жестоко убивали. Помимо этого, многие лица были и остаются изувеченными от нанесения ударов мачете, которое являлось основным орудием убийства. Однако еще больше людей было вынуждено бежать в безопасные, по крайней мере от геноцида, места. Более 2 млн человек стали беженцами, которые нуждались как в материальной и медицинской помощи, так и в психологической.

К сожалению, случаи массовой миграции населения не являются исключениями. В последние годы интенсивность и количество новых конфликтов только растет, а вместе с ними растет и количество жертв среди

гражданского населения, в том числе беженцев. В 2024 году Организация Объединенных Наций (далее – ООН) зарегистрировала примерно 32 млн беженцев и эта цифра стала рекордной за последние десятилетия, но эта цифра не перестает расти. К основным регионам, наиболее затронутым этой глобальной проблемой относятся: Восток и Африканский Рог остаются одним из самых кризисных регионов, где почти 5 млн человек стали беженцами, что составляет около 20 % от общего числа беженцев в мире. В частности, Чад и Камерун принимают наибольшее количество переселенцев – 592,800 и 473,900 соответственно. Конфликт в Судане, начавшийся в апреле 2023 года, усугубил ситуацию, совсем недавняя вспышка гуманитарного кризиса привела к тому, что более 3 млн человек стали беженцами и внутренне перемещенными лицами. Сирия также представляет собой один из самых трагичных примеров гуманитарного кризиса. С начала конфликта в стране более 6,5 млн сирийцев стали беженцами, а еще 6,8 млн были вынуждены покинуть свои дома внутри страны [1].

Еще одним регионом, где количество беженцев составляет колоссальный процент мировой статистики среди беженцев в связи с вооруженным конфликтом, является Палестина. В лагерях для беженцев в приграничных государствах содержатся более 1,5 млн человек, признанных Ближневосточным агентством ООН для помощи палестинским беженцам и организации работ (далее – БАПОР). Эти лагеря находятся в Иордании, Ливане, Сирии, секторе Газа и на Западном берегу реки Иордан, включая Восточный Иерусалим.

Есть и другие районы за пределами лагерей, где сосредоточены поселения палестинских беженцев, например Ярмук, расположенный недалеко от столицы Сирии Дамаска [2].

Важно отметить, что это не просто статистика – за этими цифрами стоят живые люди, которые были вынуждены покинуть свои дома, оставив позади своих близких, имущество и привычный образ жизни.

Подведя небольшой итог, можно сказать, что статистика по беженцам демонстрирует серьезные гуманитарные проблемы, с которыми сталкиваются различные регионы мира.

С какими же проблемами сталкиваются беженцы, покидая свою страну в связи с военными действиями?

Для начала важно определить, какой международно-правовой защитой пользуются беженцы во время вооруженных конфликтов. Такая защита включает Конвенцию ООН о статусе беженцев от 28 июля 1951 г. (далее – Конвенция 1951 г.), Протокол, касающийся статуса беженцев, 1967 г., IV Женевская Конвенция о защите гражданского населения 1949 г. и Дополнительный Протокол 1977 г. к Женевским Конвенциям. Обязанность предоставлять защиту и помощь беженцам возложена на Управление Верховного

комиссара ООН по делам беженцев (далее – УВКБ) и БАПОР. А также на Международный Комитет Красного Креста (далее – МККК) как главного хранителя международного гуманитарного права.

Согласно ст. 1 Конвенции 1951 г. под беженцем понимается лицо, которое: «...в силу вполне обоснованных опасений стало жертвой преследований по признаку расы, вероисповедания, гражданства, принадлежности к определенной социальной группе или политических убеждений находится вне страны своей гражданской принадлежности и не может пользоваться защитой этой страны или не желает пользоваться такой защитой вследствие таких опасений; или, не имея определенного гражданства и находясь вне страны своего прежнего обычного местожительства в результате подобных событий, не может или не желает вернуться в нее вследствие таких опасений» [3, ст. 1]. Однако проблема толкования данного определения заключается в том, что некоторые государства ограничивают эту дефиницию, включая в нее только тех лиц, которые покинули свою страну из-за обоснованных опасений стать жертвой преследований со стороны властей своей страны. Это подразумевает, что для того, чтобы получить статус беженца, необходимо, чтобы преследования исходили непосредственно от государственных структур или с их одобрения. Однако в более узком толковании этого определения многие государства исключают из числа беженцев тех, кто бежит от массовых угроз безопасности, таких как военные действия или конфликты, которые являются результатом насилия со стороны террористических групп или повстанцев. При таких ситуациях государства зачастую не предоставляют статус беженца, поскольку считают, что такие лица не соответствуют критериям для получения статуса беженца, если действия террористических групп не санкционированы правительством [4]. Такое узкое толкование создает проблемы для многих лиц, которые могут находиться под угрозой насилия или преследования, но не могут доказать связь с действиями властей. Это может привести к тому, что значительное количество людей, нуждающихся в защите и помощи, окажется вне системы международной защиты беженцев и вовсе останется без минимальных условий и средств к существованию.

Особенно тревожными являются ситуации, когда лагеря беженцев, расположенные в приграничных зонах, становятся мишенью для насильственных действий или военных операций. Эти лагеря, созданные для обеспечения безопасности и защиты людей, часто оказываются в центре конфликтов, где мирные жители вновь становятся жертвами жестоких столкновений. Они находятся в ситуации, когда с одной стороны, они ищут защиту в новом государстве, а с другой – становятся жертвами тех же самых конфликтов, от которых пытались спастись. Примером такой ситуации служат лагеря беженцев на границах Сирии и Ирака. Здесь люди живут в условиях нехватки ресурсов, медицинской помощи и безопасности. Часто они

сталкиваются с насилием со стороны вооруженных группировок или становятся жертвами случайных обстрелов [5, с. 47].

В связи с вышеприведенными проблемами международно-правового регулирования защиты беженцев, возникает вопрос, кто же будет оказывать таким лицам должную медицинскую, материальную и иную помощь, как это предусмотрено международным правом? Безусловно, такие лица подпадают под защиту Конвенции 1951 г., однако в международном гуманитарном праве нет четкого определения понятия «беженец». Такие лица находятся под защитой IV Женевской Конвенции, но лишь в том случае если они находятся на территории государства, являющегося стороной в конфликте. Однако если это государство само становится жертвой внутреннего вооруженного конфликта, то в этом случае беженцы пользуются защитой в соответствии со ст. 3, общей для Женевских конвенций, и Дополнительным Протоколом II 1977 г. При таких обстоятельствах беженцы, о которых идет речь, оказываются жертвами двух конфликтов: во-первых, того, который имеет место в их собственной стране, а во-вторых – в стране, предоставившей им убежище [5, с. 47].

Многие государства, которые принимают беженцев, не предоставляют минимально необходимых условий для жизни, ограничиваясь лишь предоставлением территории. А международным организациям таким как, УВКБ, БАПОР, МККК, оказывающим гуманитарную помощь беженцам часто не хватает должного финансирования и персонала в связи с угрозами боевых действий в этих регионах. В приграничных зонах, где сосредоточены беженцы, условия жизни могут быть крайне тяжелыми, включая самые базовые нужды любого организма – отсутствие доступа к чистой воде, медицинской помощи и продовольствия.

Еще одной важной проблемой беженцев является их репатриация в страну их происхождения. Государства, понимая, что их страну населяет все больше и больше беженцев, может пытаться репатриировать их обратно. И часто это случается с нарушением норм международного права. Так, УВКБ должен убедиться, что: репатриация является действительно добровольной; беженец располагает всей информацией, необходимой для продуманного решения; страна происхождения не препятствует возвращению беженцев; возвращение происходит с мирными, а не с военными намерениями со стороны репатриантов [4]. Самое главное – это истинное волеизъявление беженца вернуться в свое государство. Согласно ст. 33 Конвенции 1951 г.: «...Договаривающиеся государства не будут никоим образом высылать или возвращать беженцев на границу страны, где их жизни или свободе угрожает опасность вследствие их расы, религии, гражданства, принадлежности к определенной социальной группе или политических убеждений...» [3, ст. 33].

Таким образом, в условиях растущих миграционных потоков, вызванных вооруженными конфликтами, важно помнить, что беженцы – это люди с мечтами и надеждами на лучшее будущее. Обеспечение их безопасности

и прав должно стать более приоритетным направлением для международного сообщества. Только совместными усилиями мы можем гарантировать им защиту и достойные условия жизни, предотвращая повторение трагедий прошлого опыта.

Список цитированных источников

1. Refugee statistics, Noteworthy Facts and Statistics by Region // Country. – URL: <https://www.unrefugees.org/refugee-facts/statistics/> (date of access: 18.04.2025).

2. Палестинские беженцы и палестинская диаспора: в чем разница, сколько их и где они живут? – URL: <https://www.bbc.com/russian/articles/cw4m8931zxpo> (дата обращения: 18.04.2025).

3. Конвенция ООН о статусе беженцев : заключена в г. Женеве 28 июля 1951 г. // Организация Объединенных Наций. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/refugees.shtml (дата обращения: 18.04.2025).

4. Беженцы // Практический словарь гуманитарного права. – URL: <https://slovar-gumanitarnogo-prava.org/content/article/4/bezhentsy/> (дата обращения: 18.04.2025).

5. Лавуайе, Ж.-Ф. Беженцы и перемещенные лица – международное гуманитарное право и роль МККК / Ж.-Ф. Лавуайе. – URL: <https://international-review.icrc.org/sites/default/files/reviews-pdf/2020-10/22.pdf> (дата обращения: 18.04.2025).

Zyryanova A. D., Minsk, International University «MITSO», Faculty of Law; Academic advisor: Chaikina A. V., Minsk, International University «MITSO», Trainee Lecturer at the Department of International Law.

ДИПЛОМ II СТЕПЕНИ

Кувшинникова И. А.

Российская Федерация,
г. Тамбов,
ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный
университет имени Г. Р. Державина»,
студентка

Научный руководитель

Шадский О. Г.

Российская Федерация,
г. Тамбов,
ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный
университет имени Г. Р. Державина»,
доцент кафедры
конституционного и международного права
Института права и национальной безопасности,
кандидат исторических наук, доцент

ПРОБЛЕМЫ ОБРАЩЕНИЯ С ВОЕННОПЛЕННЫМИ В УСЛОВИЯХ ВООРУЖЕННОГО КОНФЛИКТА

Военные конфликты всегда сопровождаются не только разрушениями и потерями, но и серьезными гуманитарными проблемами. Одна из них – это обращение с военнопленными. Хотя в международном праве существует целый ряд норм, направленных на защиту прав пленных, их соблюдение на практике часто оказывается под большим вопросом. Нарушения происходят как в классических межгосударственных конфликтах, так и во внутренних вооруженных столкновениях, особенно с участием негосударственных вооруженных групп. Международное сообщество продолжает работать над улучшением стандартов гуманного обращения, но реальность показывает, что между нормами и их соблюдением существует ощутимый разрыв.

Правовое регулирование обращения с военнопленными опирается, прежде всего, на Женевскую конвенцию о обращении с военнопленными 1949 г. (III Конвенция) [1, с. 45–89]. Этот документ определяет, кто может считаться военнопленным, и закрепляет за ним ряд основных прав. В частности, это право на гуманное обращение, защита от насилия, унижения и запугивания, получение медицинской помощи, а также возможность поддерживать связь с семьей. К 1949 году были добавлены и Дополнительные протоколы 1977 г., особенно Первый протокол, который расширяет приме-

нение норм к новым формам конфликтов, таким как национально-освободительные движения и современные международные вооруженные конфликты [2, с. 91–115]. Кроме того, важную роль играет Конвенция ООН против пыток 1984 г., которая категорически запрещает любые формы жестокого или бесчеловечного обращения.

Таким образом, основные принципы, закрепленные в международных документах, включают:

- гуманное обращение (ст. 13 Женевской конвенции III) [1, с. 49];
- защиту от насилия и запугивания;
- право на справедливое судебное разбирательство (ст. 84) [1, с. 77];
- доступ к медицинской помощи;
- запрет на пытки (по Конвенции ООН против пыток) [4, с. 33–37].

Однако, как показывает практика, особенно в острых и затяжных конфликтах, эти нормы часто игнорируются. Конфликт между Израилем и Палестиной является ярким примером того, как трудно применять международные нормы на практике. Нарушения фиксируются с обеих сторон. Особенно остро стоит вопрос признания статуса военнопленных и соблюдения их прав.

Так, в 2006 году боевики ХАМАС похитили израильского военнослужащего Гилада Шалита. Он провел в плену более пяти лет в полной изоляции, без доступа к представителям МККК и без возможности общения с семьей. Такие действия нарушают ст. 126 Женевской конвенции III, где говорится о праве на контакт с внешним миром и на наблюдение со стороны нейтральных организаций [1, с. 86; 6]. С другой стороны, по сообщениям правозащитных организаций, включая Human Rights Watch и Amnesty International, палестинские заключенные в израильских тюрьмах также подвергаются тяжелым условиям: длительное содержание без предъявления обвинений, изоляция, ограничение доступа к адвокатам и психологическое давление [6; 7]. Обе стороны конфликта используют своих пленных в политических целях, что противоречит гуманитарным стандартам. Например, обмен пленными часто становится предметом торга, а не осуществляется в соответствии с нормами международного права.

Одним из главных вопросов остается признание статуса военнопленного. Многие государства, в том числе Израиль, отказываются признавать представителей вооруженных группировок, таких как ХАМАС, комбатантами. Это позволяет им обходить нормы Женевской конвенции, так как признание статуса военнопленного налагает на удерживающее государство целый ряд обязательств [8, с. 47]. Такая практика создает правовую неопределенность. С одной стороны, пленные не признаются обычными гражданскими лицами, но и не получают защиту как военнопленные. В результате они оказываются в «серой зоне» международного права [1, с. 50], [9, с. 118].

Современные вооруженные конфликты все чаще происходят не между государствами, а внутри них. Примерами являются гражданские войны, вооруженные восстания, конфликты между армией и вооруженными группами. В таких ситуациях действует ст. 3, общая для всех Женевских конвенций, а также Дополнительный протокол II [3, с. 116–128]. Однако эти документы предоставляют гораздо меньший объем прав и гарантий. К тому же, негосударственные формирования, например, тот же ХАМАС, не всегда считают себя обязанными соблюдать международное гуманитарное право [7]. Это создает дополнительные сложности: даже если зафиксированы нарушения, привлечь к ответственности организаторов или исполнителей практически невозможно.

Даже когда нарушения становятся очевидными, добиться правосудия сложно. Международные органы, такие как Международный уголовный суд, формально могут рассматривать дела о преступлениях против военнопленных. Однако на практике возникают проблемы с юрисдикцией, сбором доказательств и, самое главное, с политической волей государств сотрудничать [10, с. 275–294]. Многие государства не ратифицировали Римский статут МУС, а значит, их граждане не подпадают под юрисдикцию этого суда. Также имеет место двойные стандарты: одни страны привлекаются к ответственности, другие – нет.

Несмотря на сложности, важную роль в обеспечении прав военнопленных играют международные организации. В первую очередь это МККК, который следит за условиями содержания, предоставляет гуманитарную помощь и ведет переговоры по освобождению пленным [5]. Но и его работа ограничивается рамками допуска, а в ряде конфликтов, включая израильско-палестинский, доступ к пленным организациям часто блокируется [6]. Кроме того, правозащитные НПО, такие как Amnesty International, Human Rights Watch, а также структуры ООН публикуют доклады, формируют международное мнение и оказывают давление на стороны конфликта [6; 7].

Ситуация с военнопленными остается одной из самых сложных в международном гуманитарном праве. Конфликт между Израилем и Палестиной демонстрирует, насколько трудно обеспечить соблюдение прав даже при наличии соответствующих юридических норм. Закрытость, отказ в признании статуса, изоляция и насилие – все это свидетельствует о глубоком кризисе в сфере защиты пленным.

Для реального изменения ситуации необходимо:

- добиваться универсального применения Женевских конвенций, независимо от формы конфликта;
- гарантировать доступ независимых наблюдателей к местам содержания пленным;
- усиливать международные механизмы ответственности за нарушения прав военнопленных.

Только при комплексном подходе можно говорить о том, что гуманитарные принципы международного права действительно работают.

Важно, чтобы международное сообщество не ограничивалось декларациями, а разрабатывало механизмы обязательного характера, которые позволят применять нормы международного гуманитарного права в отношении всех сторон конфликта – как государственных, так и негосударственных. Необходима более тесная координация между международными организациями, правозащитными структурами и государствами для обмена информацией, давления на нарушителей и оказания поддержки жертвам. Важным элементом также является просвещение и подготовка военнослужащих по вопросам обращения с пленными. Лишь при наличии политической воли, системного подхода и активного участия гражданского общества можно добиться того, чтобы права военнопленных не оставались лишь формальностью, а действительно соблюдались на практике.

Список цитированных источников

1. Женевская конвенция об обращении с военнопленными : заключена в г. Женеве 12 авг. 1949 г. (III Конвенция) // Международное гуманитарное право. – М. : Международные отношения, 2001.

2. Дополнительный протокол I к Женевским конвенциям от 8 июня 1977 г., касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов // Международное гуманитарное право. – М. : Международные отношения, 2001.

3. Дополнительный протокол II к Женевским конвенциям от 8 июня 1977 г., касающийся защиты жертв немеждународных вооруженных конфликтов // Международное гуманитарное право. – М. : Международные отношения, 2001.

4. Конвенция ООН против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания : заключена в г. Нью-Йорке 10 дек. 1984 г. // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 17. – Ст. 1912.

5. Международный Комитет Красного Креста [сайт]. – URL: <https://www.icrc.org> (дата обращения: 07.04.2025).

6. Human Rights Watch : World Report 2024: Israel and Palestine. – URL: <https://www.hrw.org> (date of access: 07.04.2025).

7. Amnesty International : Annual Report 2023/24: The State of the World's Human Rights – Israel and Occupied Palestinian Territories. – URL: <https://www.amnesty.org> (date of access: 07.04.2025).

8. Киселев, А. Ю. Проблемы правового статуса военнопленных в современных вооруженных конфликтах / А. Ю. Киселев // Вестник международного права. – 2021. – № 2. – С. 45–52.

9. Алексеев, А. И. Международное гуманитарное право : учебник / А. И. Алексеев. – М. : Изд-во «Юрайт», 2023.

10. Римский статут Международного уголовного суда от 17 июля 1998 г. // Международное право в документах / сост. В. Н. Денисов. – М. : Норма, 2020.

Kuvshinnikova I. A., Tambov, Derzhavin Tambov State University, student; Academic advisor: Shadskiy O. G., Tambov, Derzhavin Tambov State University, Associate Professor of the Department of Constitutional and International Law Institute of Law and National Security, PhD in History, Associate Professor.

ДИПЛОМ III СТЕПЕНИ

Алексеевце Я. В.

Республика Беларусь,
г. Гродно,
УО «Гродненский государственный
университет имени Янки Купалы»,
студент

Научный руководитель

Скютте Д. Н.

Республика Беларусь,
г. Гродно,
УО «Гродненский государственный
университет имени Янки Купалы»,
старший преподаватель кафедры
международного права юридического факультета

КУЛЬТУРНЫЕ ЦЕННОСТИ ПОД ЗАЩИТОЙ МЕЖДУНАРОДНОГО ГУМАНИТАРНОГО ПРАВА

Культура – это память
человечества о самом себе.
Алексей Тегин

Война – это способ разбивать
вдребезги, распылять в стратосфере,
топить в морской пучине материалы,
которые могли бы улучшить народу
жизнь и тем самым в конечном
счете сделать его разумнее.
Джордж Оруэлл, 1984

Культурные ценности представляют собой неотъемлемую часть человеческого наследия, отражая уникальность и разнообразие цивилизаций и культур по всему миру. Они включают в себя произведения искусства, памятники архитектуры, традиции и обычаи, которые формируют идентичность народов и наций и служат связующим звеном между поколениями. Однако в условиях конфликтов и войн эти ценности подвергаются серьезным угрозам: разрушение исторических памятников, похищение культурных артефактов и уничтожение традиций становятся печальной реальностью. Если культурное наследие уничтожается, страдает и человеческая жизнь.

Однако почему совершаются преступные посягательства на культурные ценности? Это может быть обусловлено как экономическими мотивами, (например, продажей исторических артефактов), так и желанием уничтожить или подорвать культурную идентичность определенных групп. Кроме того, такие действия нередко служат средством манипуляции общественным сознанием и политическим контекстом, что делает их частью более широких конфликтов и идеологических противостояний. По мнению Ф. Бюньона, директора Управления международного права и сотрудничества в рамках движения Международного комитета Красного Креста (МККК), целью уничтожения памятников является «...убийство души человека, его истории, культуры и религии, чтобы впоследствии стереть все следы его существования...» [1, с. 5]. Это уничтожение не только физически разрушает материальные объекты, но и наносит глубокую травму обществу, лишая его связи с историей и идентичностью. Стремление стереть культурное наследие становится частью более широкой стратегии подавления и контроля. Поэтому охрана культурных ценностей должна рассматриваться в качестве неотъемлемой части усилий по предотвращению военных конфликтов и поддержанию мира и международной безопасности.

Проблематика сохранения культурных ценностей в военное время существовала в международном сообществе еще до начала Второй мировой войны. В это время стали предприниматься попытки по обеспечению охраны культурных ценностей. В 1935 году под эгидой Лиги Наций был принят Договор о защите учреждений, служащих целям науки и искусства (Пакт Рериха) [2], который является первым подобным договором. Согласно ст. 1 Пакта Рериха, данный документ действует как в мирное, так и в военное время и защищает исторические памятники, музеи, научные, художественные, образовательные и культурные учреждения. Также таким же уважением и покровительством пользуются сотрудники вышеназванных учреждений. В соответствии со ст. 3 Пакта Рериха, для обозначения памятников и учреждений, охраняемых указанным договором, используется специальное обозначение (красная окружность с тремя кругами в середине на белом фоне). В ст. 2 подписавшиеся и присоединившиеся государства обязуются «предпринять необходимые меры в области внутреннего законодательства своих стран для обеспечения такого покровительства и уважения».

Позже принимается Гагская конвенция 1954 г. [3]. Согласно положениям Конвенции и двух протоколов, разработанным в дополнении к ней (1954, 1999 гг.), стороны обязуются уважать культурные ценности, расположенные на их собственной территории, а также на территории других государств, запрещая использование этих ценностей, сооружений для их защиты и непосредственно прилегающих к ним участков в целях, которые могут привести к разрушению или повреждению этих ценностей в случае вооруженного конфликта, и воздерживаясь от какого-либо враждебного акта, направленного против этих ценностей. Эти обязательства могут быть

нарушены только в случае, если военная необходимость настоятельно потребует такого нарушения. Также установлены обязательства сторон Конвенции запрещать, предупреждать и, если необходимо, пресекать любые акты кражи, грабежа или незаконного присвоения культурных ценностей в какой бы то ни было форме, любые акты вандализма в отношении указанных ценностей. Отдельно стоит отметить, что также принят исполнительный регламент, закрепляющий организацию разностороннего контроля и создание международного реестра культурных ценностей, находящихся под дополнительной специальной защитой. В случаях, предусмотренных Конвенцией, может предоставляться специальная охрана культурных ценностей вооруженными силами, правоохранительными органами (ч. 4 ст. 8) или внесением в «Международный реестр культурных ценностей, находящихся под специальной защитой» (ч. 6 ст. 8), который ведется ЮНЕСКО.

В ст. 53 I Дополнительного протокола к Женевским конвенциям 1949 г. запрещено совершать любые враждебные акты, направленные против тех исторических памятников, произведений искусства или мест отправления культа, которые составляют культурное или духовное наследие народов; использовать такие объекты для поддержки военных усилий и делать такие объекты объектами репрессалий [4]. Конвенция ЮНЕСКО об охране всемирного природного и культурного наследия 1972 г. [5] выделила из всей совокупности культурных ценностей особо охраняемую группу – «всемирное наследие». К всемирному культурному наследию относятся памятники, ансамбли и достопримечательные места, имеющие выдающуюся универсальную ценность с точки зрения истории, искусства или науки.

Военные конфликты, такие как война в Югославии в 1990-х гг., продемонстрировали, насколько уязвимыми могут быть культурные и исторические памятники. Разрушение подобного рода объектов – моста в Мостаре, Старого города в Сараево – вызвало международное осуждение и привело к созданию прецедентов в правоприменительной практике. Международный уголовный трибунал для бывшей Югославии (МТБЮ) активно рассматривал дела, связанные с уничтожением культурных ценностей, подчеркивая их защиту как важный аспект международного гуманитарного права. Аналогично действия террористической группировки «Ансар Дин», уничтожившей в 2012 году десять объектов культурного наследия в Тимбукту, были квалифицированы Международным уголовным судом как военные преступления, что подтверждает серьезность нарушений, связанных с культурными ценностями. Несмотря на эти трагические события, восстановление исторических памятников (к примеру, разрушенные в 2015 году объекты Пальмиры) показывает, что усилия по восстановлению и сохранению культурного наследия продолжаются и являются важной частью реализации норм международного гуманитарного права на практике.

Культурные ценности – это не просто артефакты из прошлого, но живое свидетельство человеческой истории. Они формируют национальное

самосознание и идентичность народов мира, поддерживая диалог между различными культурами. Однако в условиях военных конфликтов эти бесценные элементы наследия всемирной истории находятся под угрозой, подвергаясь разрушению и забвению. Преступные посягательства на культурные ценности не только лишают нас материальных объектов, но и наносят глубокие раны на уровне коллективной памяти и сознания, усиливая вражду между народами и государствами. Защита культурного наследия становится неотъемлемой частью усилий по поддержанию мира и безопасности, подчеркивая необходимость международного сотрудничества и эффективных правовых механизмов, способствующих охране этих уникальных свидетельств человеческой цивилизации. Примеры из недавней истории показывают, что разрушение культурных ценностей – это не просто акт насилия, но и стратегическое средство подавления идентичности и исторической памяти народов. Тем не менее восстановление и защита этих ценностей остаются возможными, если мы будем действовать совместно и с осознанием их важности. В конечном итоге, сохранение культурного наследия – это сохранение самих себя, нашей истории и нашего будущего.

Список цитированных источников

1. Бюньон, Ф. Становление правовой защиты культурных ценностей в случае вооруженного конфликта / Ф. Бюньон // Международный журнал Красного Креста. – 2004. – № 856. – С. 5–14.

2. Договор о защите учреждений, служащих целям науки и искусства, а также исторических памятников (Пакт Рериха): подписан в г. Вашингтоне 15 апр. 1935 г. // Международный центр Рерихов. – URL: <http://www.roerich-izvara.ru/goerich-pact.htm> (дата обращения: 12.04.2025).

3. Конвенция о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта: принята в г. Гааге 14 мая 1954 г. // Организация Объединенных Наций. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/hague54.pdf (дата обращения: 12.04.2025).

4. I Дополнительный протокол к Женевским конвенциям, касающимся защиты жертв международных вооруженных конфликтов: подписан в г. Женеве 12 авг. 1949 г. // Международный Комитет Красного Креста. – URL: https://www.icrc.org/sites/default/files/external/doc/ru/assets/files/2013/ap_i_rus.pdf (дата обращения: 12.04.2025).

5. Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия: принята 16 нояб. 1972 г. Генер. конф. Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры // Организация Объединенных Наций. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/heritage.shtml (дата обращения: 12.04.2025).

Alekseevets Ya. V., Grodno, Yanka Kupala State University of Grodno, student;
Academic advisor: Skiutte D. N., Grodno, Yanka Kupala State University of Grodno,
Senior Lecturer at the Department of International Law.

ДИПЛОМ III СТЕПЕНИ

Басыбеков К. К.

Казахстан,
г. Алматы,
Казахстанско-немецкий университет,
студент

Научный руководитель

Дадаева И. Г.

Казахстан,
г. Алматы,
Казахстанско-немецкий университет,
кандидат технических наук, доцент

ВОПРОСЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ГУМАНИТАРНОГО ПРАВА В РАМКАХ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ВО ВРЕМЯ ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ

В современном мире информационные технологии стали неотъемлемой частью вооруженных конфликтов. Информационные войны, включающие кибератаки, пропаганду и дезинформацию, оказывают значительное влияние на ход военных действий и общественное мнение. Однако международное гуманитарное право (МГП), исторически разработанное для регулирования традиционных вооруженных конфликтов, сталкивается с новыми вызовами в условиях информационного противоборства.

Информационные войны могут наносить ущерб не только государствам-участникам конфликта, но и гражданскому населению, нарушая его права и создавая угрозу международной безопасности. Вопрос о правовом регулировании таких действий остается открытым, поскольку МГП не содержит четких норм, касающихся информационного противоборства.

Особую актуальность данная тема приобретает в условиях гибридных войн, где информационные атаки используются для дестабилизации государств, подрыва доверия к правительствам и распространения дезинформации.

Международное гуманитарное право (МГП) в большей степени ориентировано на традиционные вооруженные конфликты и слабо адаптировано к новым вызовам, связанным с кибератаками, фейковыми новостями и манипуляцией общественным сознанием. В связи с этим появилась необходимость анализа существующих норм и выработки предложений по их совершенствованию.

Возникает вопрос, как соотносится понятие информационная война с понятием вооруженный конфликт, и насколько собственно информационной войне присущи признаки вооруженного конфликта?

Думаю, что следует согласиться с мнением Короткий Т. Р. и Коваль Д. А., что китайская военная доктрина, признавая существование информационных войн, рассматривает их в широком и узком смысле. В узком смысле – это полевая информационная война, т. е. боевые действия в сфере управления войсками. В широком смысле информационная война – это боевые крупномасштабные действия с преобладанием информационной составляющей, характеризующиеся применением специально предназначенных для ее ведения воинских формирований и высокоточного оружия [1].

Кроме того, китайская доктрина специфична. Сегодня многие страны осознают важность и существенность информационной составляющей войны, а также нового вида оружия – информационного.

На самом деле, общепринято считать, что первой информационной войной была война 1991 г. в Персидском заливе между США и Ираком [2].

Зарубежные эксперты считали эту войну переломной именно из-за того, что она являлась первой информационной войной. В это понятие вкладывалось использование информационного оружия (например, компьютерных программ, поражающих связь, локационные возможности противника), применение самонаводящихся ракет, широчайшая дезинформация и т. д. [1].

Современными разновидностями информационных войн являются хакерские-войны или интернет-войны. Информационные войны, воздействуя на массовое сознание населения, нацелены на изменение оценки происходящего на территории противника, на распространение пораженческих настроений, а в будущем могут обеспечить переход на сторону ведущего информационное воздействие.

При ведении информационных войн важное значение имеют такие факторы как: время. Например, непрофессиональная или плохо организованная информационная атака приводит к значимым, внушительным результатам только потому, что она была проведена в нужный момент времени, или наоборот, тщательно спланированная и отлично подготовленная акция может закончиться неудачей, если время ее выбрано неудачно.

Другой фактор: анонимность, когда есть возможность создавать вымышленные виртуальные персонажи, которые будут действовать, вести пропаганду, возможно, с вымышленной, но правдоподобной легендой; низкий риск обнаружения и возможность действия практически в любой местности.

А главным фактором, также обеспечивающим эффективность интернет-пропаганды, является возможность множественного воздействия, то есть одна и та же информационная идея может одновременно распространяться через множество сайтов, форумов или блогов. При этом люди, читая одну и ту же информацию в разных местах, начинают воспринимать ее как очевидно достоверную.

Поэтому проблема кибервойн и информационного противоборства становится все более важной при исследовании проблем национальной и международной безопасности, об этом свидетельствует и то, что многими государствами уже созданы онлайн-армии, которые, по сведениям аналитиков, существуют уже в 20–30 государствах, в их числе США, Китай, Германия, Россия, Южная Корея, Индия, Пакистан, Франция и Израиль.

Ключевыми методами информационных войн является: кибератаки (Cyber Attacks). Они включают: перегрузку серверов государственных учреждений, для их временного выведения из строя; рассылку поддельных электронных писем для кражи конфиденциальной информации; внедрение программ-шпионов или программ-вымогателей для сбора данных или блокировки работы систем; изменение содержания веб-страниц с целью распространения пропаганды или ложной информации [3].

Так манипуляции с применением искусственного интеллекта (AI) для автоматической генерации новостей затрудняют выявление фейковой информации, глушат и подменяют сигналы (Jamming & Spoofing), радиоэлектронное подавление (Electronic Jamming) – это создает помехи для военной и гражданской связи; подмена сигналов GPS (GPS Spoofing) – изменяет координаты с целью дезориентации войск или гражданского транспорта; а психологические операции (PsyOps) – служат для распространения ложной информации от имени противника для его дискредитации [2; 3].

Соответственно, с развитием технологий и появлением информационного противоборства (кибератак, пропаганды, дезинформации) возникает вопрос о применимости норм МГП к таким формам конфликтов. Хотя некоторые ключевые принципы МГП могут быть применены и к информационным войнам, например: принцип разграничения (разделение гражданских и военных объектов) – запрещает нападения на гражданскую инфраструктуру, включая информационные сети и СМИ, если они не используются в военных целях; принцип необходимости и соразмерности – ограничивает применение средств и методов ведения войны, запрещая атаки, наносящие несоразмерный вред мирному населению. Разумной также выглядит ссылка С. Droege (2012) на принцип соразмерности, который предполагает наличие сопутствующего ущерба, но также предполагает защиту гражданских объектов и гражданского населения от случайного ущерба. Очевидно, что понятие «ущерб» отличается по содержанию от понятия «уничтожение». Под ущербом в указанном контексте необходимо понимать причиненный вред, в результате которого поврежденный объект теряет какие-либо свои полезные свойства. Поэтому вполне логично считать ущербом нарушение нормального функционирования различных инфраструктур в результате кибератак [5]. Следующий принцип – принцип защиты гражданских лиц – запрещает пропаганду, направленную на разжигание вражды, угрозы или психологическое давление на гражданское население.

Кроме того, кибератаки, как часть информационной войны, могут подпадать под регулирование МГП:

Гаагские конвенции (1899, 1907) регулируют методы ведения войны, включая нападения на объекты инфраструктуры. Если кибератака приводит к разрушению критически важных объектов (больниц, электростанций), это может быть признано нарушением МГП [6].

Женевские конвенции (1949) [7] и Дополнительные протоколы (1977) [8] защищают гражданское население и запрещают нападения, не обеспечивающие разграничение между военными и гражданскими объектами.

Многие боевые задачи достаточно часто заключаются в том, чтобы ограничить противнику доступ к какому-либо военному объекту. Особенно это касается вооруженного конфликта в киберпространстве. Достаточно рассмотреть следующую возможную ситуацию: система противоракетной обороны противной стороны может быть нейтрализована на определенное время вследствие кибератаки, которая нарушит ее функционирование, но не причинит какого-либо вреда ее физической инфраструктуре.

Иными словами, будет ли разница в последствиях для гражданского населения в случае разрушения сети энергоснабжения в результате бомбардировки и в ситуации выведения этой сети из строя посредством кибератаки? [9]. По нашему мнению, последствия будут идентичными, и поэтому можно прийти к выводу, что критерий наличия физического повреждения, не является идеальным.

Концепция «критической инфраструктуры», предложенная N Melztr (2011) получила отражение в существующих договорах по информационной безопасности и некоторых национальных правовых актах [10]. Так в Соглашении между Правительством РФ и Правительством КНР понятие «объекты критической информационной инфраструктуры» определено наиболее полным образом: «Объекты критической информационной инфраструктуры – это информационные системы, информационно-телекоммуникационные сети государственных органов; информационные системы, информационно-телекоммуникационные сети и автоматизированные системы управления технологическими процессами, предназначенные для обеспечения обороны страны, безопасности государства и правопорядка, а также функционирующие в области здравоохранения, транспорта, связи, в кредитно-финансовой сфере, в оборонно-промышленном и топливно-энергетическом комплексах, в атомной, ракетно-космической и химической промышленности, в отраслях промышленности с непрерывным циклом производства» [11]. Надо полагать, что кибератака, нарушающая нормальное функционирование именно таких объектов (без их физического разрушения), должна считаться нападением по смыслу МГП [6–8].

Таким образом, стоит предусмотреть такие риски информационных войн как:

эскалация международной напряженности, когда информационная война может усугубить «дилемму безопасности», когда государства усиливают свои киберспособности, что воспринимается соседями как угроза, провоцируя гонку кибервооружений;

отсутствие единого международного правового регулирования, когда современные международные законы плохо адаптированы к регулированию информационных войн. Например, Устав ООН не дает четкого определения понятий «агрессия», «использование силы», что затрудняет разработку правовой базы [12];

риск несанкционированного вмешательства, когда государства или негосударственные субъекты могут использовать информационные атаки для манипулирования общественным мнением, подрыва политической стабильности и дезинформации;

в отличие от традиционных военных нападений, атаки в киберпространстве сложно точно связать с конкретным государством или организацией, что затрудняет международное осуждение и ответные меры;

риски потери интеллектуальной собственности и утечки данных, когда введение механизмов контроля может привести к потере ценной информации и утечке данных, что может использоваться другими государствами или конкурентами;

недостаточная защита гражданских объектов, когда информационные войны могут нарушить работу стратегически важных объектов (электростанции, телекоммуникации), что повлечет значительные экономические и социальные последствия.

Исходя из вышеизложенного необходимо предусмотреть следующие решения по урегулированию информационных войн:

Установить четкие юридические рамки, аналогичные международным договорам о разоружении, которые определяют допустимые и запрещенные формы информационного противостояния. Для этих целей следует разработать специальные международные соглашения.

Укрепление сотрудничества в области кибербезопасности, совместные международные инициативы, обмен данными между государствами и разработка стратегий коллективного реагирования на информационные атаки.

В связи с тем, что значительная часть информационной инфраструктуры находится в частных руках, государства должны работать с IT-компаниями для защиты данных и предотвращения манипуляций.

Разработка технологий и международных стандартов по идентификации источников атак, чтобы избежать необоснованных обвинений и эскалации конфликта (метод атрибуции кибератак).

Создание международных судов по киберпреступлениям, либо специализированных судов или арбитражных органов, которые займутся разбором инцидентов информационных атак [10].

Таким образом, информационные войны представляют серьезную угрозу мировой безопасности и стабильности, что требует реконструкции международных договоров в соответствии с технологическими разработками и их правового регулирования. Учитывая сложности в реализации контроля, ключевым аспектом является разработка механизмов сотрудничества и мониторинга.

Следовательно, для преодоления выявленных проблем МГП в рамках информационных технологий во время вооруженных конфликтов необходимо совершенствование нормативно-правовой базы в рамках развития цифровых технологий, усиление роли международных институтов и реформирование, совершенствование национальных правоприменительных механизмов. Поэтому применение современных информационных технологий и повышение общественной осведомленности, являются важными мерами для борьбы с безнаказанностью таких нарушений во время вооруженных конфликтов.

Дальнейшие исследования в данной области должны быть направлены на адаптацию существующих вопросов МГП в рамках информационных технологий к новым условиям, разработку инновационных методов правоприменения и укрепления международного сотрудничества, что в совокупности будет способствовать повышению уровня защиты прав человека в условиях вооруженных конфликтов.

Список использованных источников

1. Короткий, Т. Р. Понятие информационной войны в международном праве. Понятие информационной войны в международном праве / Т. Р. Короткий, Д. А. Коваль // Альманах международного права. – 2010. – Вып. 2. – С. 331–343.
2. Rona, Thomas P. Weapon Systems and Information War. Boeing Aerospace Co. / Thomas P. Rona. – Seattle, WA, 1976. – 72 с.
3. Методы и инструменты информационных войн // SciLead. – URL: <https://scilead.ru/article/5962-metodi-i-instrumentiinformatsionnikh-vojn-v4> (дата обращения: 20.03.2025) ; Босых, А. В. Методы и инструменты информационных войн в современном мире / А. В. Босых // Научный лидер. – 2024. – № 6 (156). – URL: <https://scilead.ru/article/5962-metodi-i-instrumentiinformatsionnikh-vojn-v> (дата обращения: 20.03.2025).
4. Гриняев, С. Н. Поле битвы – киберпространство: Теория, приемы, средства, методы и системы ведения информационной войны / С. Н. Гриняев. – Минск : Харвест, 2004. – 448 с.
5. Международный комитет Красного Креста. Кибер- и информационные операции. – URL: <https://www.icrc.org/ru/law-andpolicy/cyber-and-information-operations> (дата обращения: 20.03.2025).
6. Гагская конвенция об открытии военных действий : заключена в г. Гааге 18 окт. 1907 г. – URL: <http://docs.pravo.ru/document/view/20791161/19877157/> (дата обращения: 20.03.2025).

7. Женевские конвенции от 12 августа 1949 г. и Дополнительные протоколы к ним. – М. : Знание, 1994. – 246 с.
8. Дюнан, А. Воспоминание о битве при Сольферино / пер. с фр. – 3-е изд. / А. Дюнан. – М. : МККК, 2004. – 109 с.
9. Давид, Э. Принципы права вооруженных конфликтов. Курс лекций, прочитанных на юридическом факультете Открытого Брюссельского университета / Э. Давид. – М. : Изд-во Междунар. Комитета Красного Креста, 2011. – 1144 с.
10. Противодействие кибератакам: пробелы международного права и перспективы их преодоления // CyberLeninka. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/protivodeystvie-kiberatakam-probely-mezhdunarodnogo-prava-i-perspektivy-ih-preodoleniya> (дата обращения: 23.03.2025)
11. Гаркуша-Божко, С. Ю. Международное гуманитарное право в киберпространстве: Ratione materiae, ratione temporis и проблема квалификации кибератак / С. Ю. Гаркуша-Божко // Цифровое право. – 2021. – Т. 2, № 1. – С. 64–82. – URL: https://www.digitallawjournal.org/jour/article/view/42?locale=ru_RU (дата обращения: 20.03.2025).
12. Устав Организации Объединенных Наций от 26 июня 1945 г. // Антология мировой политической мысли : в 5 т. / ред.-сост. : Ю. В. Ирхин [и др.]. – М. : Мысль, 1997. – Т. 5 : Политические документы. – С. 343–392.

Basybekov K. K., Almaty, Kazakh-German University, student; Academic advisor: Dadaeva I. G., Almaty, Kazakh-German University, PhD in Engineering, Associate Professor.

ДИПЛОМ III СТЕПЕНИ

Цакунов М. А.

Республика Беларусь,
г. Минск,
ГУО «Институт пограничной службы
Республики Беларусь»,
курсант

Научный руководитель

Коваль И. И.

Республика Беларусь,
г. Минск,
ГУО «Институт пограничной службы
Республики Беларусь»,
старший преподаватель кафедры
правового обеспечения

В ЛАБИРИНТАХ ВОЙНЫ И ПРАВА

Война – это не только грохот орудий и всполохи пожарищ. Это еще и тихая, невидимая битва за человечность, которую ведут нормы международного гуманитарного права (далее – МГП). Они вступают в силу не по прихоти политиков, объявляющих «войну террору» или «гражданскую войну», а тогда, когда конфликт обретает четкие юридические контуры: организованные группы, интенсивные столкновения, границы между комбатантами и теми, кто держит в руках лишь хлеб, а не оружие. В этом хаосе, где рушатся дома и судьбы, право пытается провести тонкую грань – между допустимым и преступным, между военной необходимостью и бессмысленной жестокостью.

На улицах разрушенного города, где когда-то шумел рынок, теперь царят страх и безнаказанность. Война не отменяет кражи или бытовые убийства – напротив, она дает им плодородную почву. Но есть преступления, которые рождаются именно здесь, в пламени конфликта. Одни – словно тени прошлого: террористы, взрывающие мосты, или мятежники, похищающие мэров. Другие – порождение самой войны: солдат, стреляющий в детей, принимая их за «живые щиты», или командир, отдающий приказ ударить по больнице, где укрылись раненые. Именно такие деяния международное право называет военными преступлениями, и за ними уже не следуют оправдания вроде «приказали» или «не знал».

Правила войны, как ни парадоксально, создавались на пепелищах. После Нюрнберга и Токио мир договорился: даже в аду должны быть свои

пределы. Четыре Женевские конвенции 1949 г., подписанные всеми государствами, стали своего рода конституцией для воюющих сторон. Но законы – не догма. Когда в конце XX века войны перестали быть битвой армий, превратившись в клубок восстаний, терактов и интервенций, потребовались новые правила. Дополнительные протоколы 1977 г. попытались обуздать и эти конфликты, запретив, например, вербовать детей в солдаты или уничтожать источники питьевой воды. Однако не все страны их приняли, и тогда на сцену вышло обычное право – неписанные нормы, рожденные самой практикой войн. Даже если государство не подписало договор, оно не может бомбить школы, прячась за юридическими формальностями.

Но кто следит за соблюдением этих правил? Ответственность лежит на всех – и на генералах, планирующих операции, и на рядовых, выбирающих цели. Международный уголовный суд (далее – МУС) в Гааге, как последняя инстанция, ждет тех, кто избежал правосудия. Его Римский статут, словно зеркало, отразил самые чудовищные страницы человеческой истории: геноцид, систематические пытки, использование запрещенных газов. Однако суд бессилён, если преступление остается в тени. Как доказать, что разрушение деревни было злым умыслом, а не «ошибкой разведки»? Как отличить случайную гибель мирных жителей от спланированной резни?

Здесь право сталкивается с самой войной – стихией, где доказательства исчезают под обломками. На постконфликтных территориях, где закон молчит, а власть принадлежит тем, у кого больше орудия, расследование превращается в подвиг. Следователи МУС ищут свидетелей, расшифровывают спутниковые снимки, собирают обгоревшие документы. Например, в деле о резне в Сребренице (1995) доказательства собирались годами: от свидетельств выживших до анализа массовых захоронений. Каждый их отчет – это попытка проложить мост между правом и реальностью, где даже очевидное преступление может раствориться в политических играх.

Но, возможно, главная загадка кроется в самом человеке. Почему солдат, вчера мирно работающий на производстве, сегодня сжигает дома? Почему командиры, читавшие Женевские конвенции, отдают преступные приказы? В 2016 году суд над Ратко Младичем показал, как систематическое унижение человеческого достоинства становится частью военной стратегии. Ответа нет – есть лишь механизмы, которые пытаются остановить это. Универсальная юрисдикция позволяет судить палачей в любой точке мира: в Германии осудили сирийского офицера за пытки, а в Аргентине – бывшего военного за «грязную войну». Базы данных фиксируют обычаи войны, а дроны, снимающие разрушения, становятся немymi свидетелями на процессах.

Государства пытаются пресечь зверства, устанавливая рамки допустимого поведения даже в условиях, казалось бы, полного правового вакуума. Международное гуманитарное право – это не просто набор абстракт-

ных принципов, а сложный механизм, призванный минимизировать страдания гражданского населения и защитить права комбатантов. Его нормы, зачастую противоречивые и не всегда эффективно реализуемые, определяют, что считается законной целью в войне, какие методы ведения боевых действий разрешены, а какие – нет. Например, запрет на применение химического оружия, атаки на гражданские объекты или уничтожение культурного наследия – все это «правила игры» именно в условиях смертельной схватки.

Однако эффективность этих правил напрямую зависит от воли государств, их готовности к сотрудничеству и наличия механизмов контроля. Война – это не только хаос, но и пространство безнаказанности. Даже при четкой юридической рамке ее соблюдение зависит от множества факторов: от дисциплины в армии до готовности сторон сотрудничать с международными организациями. Преступления, совершенные на войне, часто остаются безнаказанными: установить виновных сложно, свидетели боятся говорить, а стресс и страх искажают восприятие событий, создавая «истину», далекую от реальности.

Особую проблему представляют асимметричные конфликты, где нерегулярные формирования стирают грань между комбатантами и гражданскими, когда, к примеру, боевики маскируются под мирных жителей. Террористы, действующие вне каких-либо правил, целенаправленно наносят удар по мирному населению, превращая войну в ад без правил. Современные войны ставят новые вопросы. Кибератаки на инфраструктуру, использование автономных дронов, манипуляции искусственным интеллектом – все это требует переосмысления МГП. Цифровое оружие может стать инструментом устрашения гражданских.

Война не исчезнет. Но в ее кромешной тьме международное гуманитарное право – как слабый фонарь, освещающий путь к миру. Оно не останавливает снаряды, но напоминает: даже в аду есть правила. И когда-нибудь, возможно, они станут прочнее стен. Пока звучат орудия, эта битва продолжается, требуя от нас не только мужества, но и неустанных усилий по укреплению права. Ведь война – это не только столкновение армий, но и проверка того, сможет ли человечество сохранить себя в самых темных уголках своей истории.

Tsakunov M. A., Minsk, Border Service Institute of the Republic of Belarus, cadet;
Academic advisor: Koval I. I., Minsk, Border Service Institute of the Republic of Belarus,
Senior Lecturer of the Department of Legal Support.

Научное электронное издание

**МЕЖДУНАРОДНОЕ ГУМАНИТАРНОЕ ПРАВО
В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ**

Материалы
студенческой научно-практической конференции
с международным участием

(Минск, 22 мая 2025 г.)

Подготовка оригинал-макета *Н. И. Рудович*
Компьютерная верстка *А. И. Стебуля*
Дизайн обложки *Е. А. Полторжицкая*

Усл. печ. л. 21,9. Уч.-изд. л. 11,0.